«Прев 38»

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОРЬБА.

Соціологическій этюдъ.

Въ послѣднее время, публицисты, историки, политики, экономисты охотно употребляютъ въ своихъ сочиненіяхъ терминъ «борьба за существованіе...» Еще охотнѣе они имъ злоупотребляютъ. Но двадцатилѣтнее это повтореніе дарвиновскаго термина не сдѣлало его ни болѣе яснымъ и вразумительнымъ во всемъ, что касается его значенія въ обществознаніи, ни даже просто болѣе законнымъ не въ качествѣ метафоры или фигуры сравненія, а въ смыслѣ научнаго термина, годнаго и въ приложеніи къ явленіямъ общественнымъ. Дѣло въ томъ, что борьбу, постоянно и неустанно кипящую и внутри обществъ между ихъ членами, и внѣ обществъ между самими обществами, никто и не думалъ подвергать серьезному анализу для опредѣленія ея природы и значенія, а довольствовались обыкновенно подведеніемъ ея подъ общее понятіе *борьбы за существованіе*, какъ оно установлено работами *Дарвина* и его послѣдователей для явленій біологическихъ для жизни дообщественной и внѣобщественной. Такое подведеніе явленій одной сферы жизни (общественной) подъ законы, управляющіе другою сферою жизни (дообщественной и внѣобщественной), было однако столько же опасно, сколько и ненаучно. Опасно было оно потому, что на такихъ легкомысленныхъ обобщеніяхъ строились немедленно практическіе выводы. Ненаучно же оно было уже потому, что самое выдѣленіе общественныхъ явленій въ особую сферу жизни вызвано тѣмъ, конечно, что законы, ими управляющіе, оказываются тоже особые, отличные отъ господствующихъ въ другихъ сферахъ жизни. По крайней мѣрѣ, противное должно быть спеціально доказано въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Ясно, что необходимо было предварительное изслѣдованіе общественнаго явленія борьбы, индивидуальной внутри обществъ и коллективной между обществами. Ясно, что изслѣдованіе это должно быть самостоятельно и чуждо всякихъ предвзятыхъ аналогій, хотя и не можетъ чуждаться біологическихъ обобщеній и законовъ, потому

что какъ само общество есть позднѣйшее отвѣтвленіе развитія жизни, такъ и борьба, какъ явленіе общественное, выросла постепенно и выдѣлилась изъ борьбы, какъ явленія біологическаго. Столь же опасно и ненаучно забывать эту генетическую связь историческаго прогресса съ прогрессомъ органическимъ, какъ и отождествлять эти два процесса, столь непохожіе другъ на друга, хотя и происходящіе одинъ отъ другого.

Въ предлагаемыхъ здѣсь очеркахъ я попытался остановиться на явленіи борьбы между обществами въ экономической сферѣ, какъ раньше въ своихъ политическихъ этюдахъ я старался понять эту международную борьбу въ политической сферѣ. Читатели поймутъ, что, благодаря дѣвственности вопроса (въ той формѣ и терминахъ, въ какихъ я его ставлю здѣсь), мнѣ приходится начинать мою рѣчь очень издалека.

I.

Борьба въ жизни и ея формы.

Борьба между живыми существами началась вмѣстѣ съ появленіемъ первыхъ живыхъ существъ на землѣ. На самыхъ низшихъ первобытныхъ ступеняхъ жизни борьба кипитъ даже ожесточеннѣе, безпощаднѣе и безпрерывнѣе, нежели на высшихъ, гдѣ она встрѣчаетъ нѣкоторое ограниченіе въ чувствахъ симпатіи между тѣми или иными группами живыхъ особей, въ сознаніи солидарности, возникающемъ внутри другихъ группъ, въ безполезности борьбы между третьими. На низшихъ ступеняхъ жизни никакихъ подобныхъ исключеній и ограниченій борьба не знаетъ и всякое существо враждуетъ со всякимъ и всѣ со всѣми. Постоянная, безпросвѣтная борьба и взаимное истребленіе есть законъ жизни на низшихъ стадіяхъ ея развитія.

На зарѣ жизни началась борьба между живыми существами и тогда же сказалось первое развѣтвленіе борьбы на два типа или формы, *активную* и *пассивную*. Самыя низшія живыя существа же пожираютъ другъ друга, питаются другъ другомъ, вступаютъ въ ожесточенныя битвы, преслѣдуютъ и спасаются. Это активная борьба. Но рядомъ съ нею идетъ другая, вѣрнѣе названная *Спенсеромъ* переживаніемъ приспособленнѣйшихъ. Когда растеніе гибнетъ, потому что ему заслоняетъ свѣтъ другое растеніе, то здѣсь не происходитъ активнаго столкновенія и торжествующее существо ничѣмъ не воспользовалось отъ погибшаго. Это—борьба пассивная. Борьба за существованіе представляетъ собою однако лишь одинъ изъ *процессовъ*, коими совершается органическій прогрессъ (прогрессъ жизни въ доисторическія времена и при внѣисторическихъ условіяхъ), *продуктомъ* котораго является *приспособленіе жизни*, понимаемое въ обширномъ значеніи слова. И какъ само приспособленіе выражается въ двухъ главныхъ типахъ, активномъ (съ воздѣйствіемъ на среду) и пассивномъ (съ воздѣйствіемъ

лишь среды на жизнь), такъ и борьба, какъ мы видѣли, съ самаго начала вѣтвится на два такіе же типа. Дифференцированіе самой жизни на животную и растительную соотвѣтствуетъ этому основному развѣтвленію процессовъ, коими она развивается въ органическомъ прогрессѣ. Весь прогрессъ животнаго царства отъ низшихъ животныхъ къ позвоночнымъ и въ средѣ послѣднихъ отъ рыбъ или пресмыкающихся къ человѣку есть прогрессъ активности, ростъ активнаго приспособленія на счетъ пассивнаго. Между тѣмъ прогрессъ растительнаго царства отъ простѣйшихъ полурастеній полуживотныхъ до сложнѣйшихъ двусѣмянодольныхъ безъ труда можетъ быть разсматриваемъ, какъ развитіе пассивнаго приспособленія и пассивныхъ формъ борьбы и самосохраненія. Не то, конечно, чтобы пассивное приспособленіе исчезло изъ животнаго царства, а активное изъ растительнаго. Нисколько. Дѣло только въ томъ, что, получивъ отъ низшихъ живыхъ формъ въ наслѣдство оба процесса (преимущественно все же пассивный), оба царства разошлись въ предпочтительномъ воспитаніи того или иного и продолжаютъ и понынѣ это расхожденіе.

Пассивное приспособленіе, требующее главнымъ образомъ недѣятельнаго сопротивленія, выносливости, пластичности и измѣняемости (приспособляемости), очевидно, преимущественно зависитъ отъ легкости и быстроты въ накопленіи вещества, отъ скорости роста, отъ быстроты размноженія, отъ minimum'а траты вещества и силы на поддержаніе жизни. Это тѣ пути, которыми шло развитіе растительнаго міра; это тѣ методы, которыми въ этомъ мірѣ одерживались и одерживаются побѣды. Совсѣмъ иныхъ условій требуетъ активное приспособленіе, потому что ему нужно дѣятельное устраненіе и уничтоженіе препятствій, т. е. оно зависитъ преимущественно отъ накопленія въ организмѣ не вещества, а способной къ постоянному выдѣленію силы (мускульной и нервной), отъ значительнаго стало быть расхода вещества на освобожденіе и скомбинированіе энергіи. Высшія животныя несутъ громадныя траты на работу, мышечную и нервную, и на высокую температуру тѣла, какъ необходимое условіе для этой работы. Отсюда всѣ основныя различія двухъ царствъ органическаго міра. Если растительная жизнь требуетъ, благодаря пассивной формѣ ея приспособленія, побольше вещества, очень мало нуждаясь въ свободной энергіи, то не естественно-ли, что она поглощаетъ углекислоту (откуда заимствуется главная составная часть органической ткани) и выдѣляетъ кислородъ (на счетъ соединенія котораго съ органическими тканями вырабатывается и освобождается живая сила). И наоборотъ, животная жизнь, требующая постояннаго производства живой силы, должна потреблять кислородъ и выдѣлять углекислоту, какъ побочный продуктъ этого производства. Или далѣе: опять таки совершенно естественно, если растительная жизнь, комбинируя вещество изъ устойчивыхъ неорганическихъ соединеній въ неустойчивыя органическія (на счетъ солнечной энергіи, конечно), накопляетъ этимъ путемъ потен-

ціальную энергію, тогда какъ животная жизнь, постоянно расходуя вещество для производства свободной энергіи, должна это дѣлать на счетъ обратнаго преобразованія неустойчивыхъ органическихъ соединеній въ устойчивыя неорганическія (какимъ путемъ только и можетъ быть освобождена энергія для работы, необходимой животному міру). Здѣсь неумѣстно болѣе подробное развитіе этого положенія, но и сказаннаго, я думаю, довольно, чтобы видѣть, до какой степени это различеніе активнаго и пассивнаго приспособленія въ прогрессѣ жизни тѣсно связано съ существенными фактами и основными законами жизни. Мы еще вернемся къ этому различенію, а теперь обратимся къ другому, тоже сказавшемуся еще на самыхъ низшихъ ступеняхъ жизни.

Приспособленіе жизни къ условіямъ среды, въ чемъ единственно и заключался долгое время органическій прогрессъ, не только распалось на активное и пассивное, но еще на *индивидуальное* и *коллективное*, соотвѣтственно чему и борьба за существованіе сложилась въ подобные же два типа, индивидуальной и коллективной борьбы. Если мы остановимся на индивидуальной борьбѣ и индивидуальномъ приспособленіи, то увидимъ, что прогрессъ органическій выражается въ дифференцированіи, въ *расхожденіи признаковъ*, какъ назвалъ Дарвинъ именно этотъ родъ дифференцированія. Законъ дифференцированія въ органическомъ прогрессѣ такъ заѣзженъ, что, ссылаясь на него, приходится опасаться не недостаточнаго, а слишкомъ широкаго его примѣненія. Въ данномъ случаѣ однако онъ господствуетъ невозбранно и мы можемъ его оставить безъ дальнѣйшихъ оговорокъ.

Процессъ коллективнаго приспособленія идетъ нѣсколько болѣе сложными путями и намъ необходимо отмѣтить эти особенности хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ. Самыя раннія формы коллективнаго приспособленія встрѣчаются еще въ классѣ низшихъ организмовъ, въ такъ называемыхъ колоніяхъ животнорастеній и др. Законы, управляющіе органическимъ прогрессомъ въ этомъ случаѣ, изслѣдованы довольно обстоятельно *Н. К. Михайловскимъ* въ статьѣ «Органъ, Недѣлимое, Общество», гдѣ на основаніи работъ *Гэккеля* и другихъ естествоиспытателей прослѣженъ тотъ путь, которымъ организмы, входящіе въ составъ такого общежитія, постепенно преобразуются въ органы, а сами общежитія въ индивидуумы, въ организмы. Снова къ этому вопросу возвращается упомянутый авторъ въ своемъ послѣднемъ изслѣдованіи «Патологическая Магія» («*Сѣверный Вѣстникъ*», 1887 г., №№ 9, 10 и 12), опубликованномъ уже послѣ составленія этой статьи. Этимъ путемъ возникли всѣ высшіе организмы и въ «Основаніяхъ Біологіи» *Спенсера* процессъ образованія сложныхъ организмовъ обслѣдованъ и объясненъ очень обстоятельно. Итакъ, коллективное приспособленіе на этой ступени развитія выражается въ процессѣ превращенія индивидуальностей—въ органы, коллективностей—въ индивидуальности, общежитій—въ организмы. Таковы естественные и нормальные плоды процесса *пассивнаго коллективнаго* приспособленія.

Активность (т. е. способность организма затрачивать работу для самосохраненія, въ томъ числѣ и для сохраненія собственной, каждому дорогой индивидуальности) становится, по мѣрѣ своего развитія, поперекъ пути такого коллективнаго приспособленія; иного же сначала, на сравнительно низкихъ ступеняхъ своего развитія, активная жизнь не вырабатываетъ. Сначала такимъ образомъ она просто ограничиваетъ процессъ образованія сложныхъ организмовъ. Можно сказать даже, что на этихъ ступеняхъ въ животномъ царствѣ почти вытѣсняется коллективное приспособленіе и коллективная борьба. Они снова возрождаются на болѣе высокихъ ступеняхъ активной жизни. И возрождаются они двумя путями. Съ одной стороны, пассивное приспособленіе, чрезъ выживаніе потомства соотвѣтствующихъ особей, развиваетъ родительскія чувства и приводитъ къ образованію первыхъ семейныхъ общежитій, которыя мы находимъ даже у хищниковъ, изъ птицъ и млекопитающихъ. Съ другой стороны, процессы чисто активные приводятъ къ возникновенію первыхъ общинъ сотрудничества и самозащиты; таковы стада травоядныхъ млекопитающихъ, стаи перелетныхъ птицъ (нѣкоторыя очень строго и точно организованныя), стаи хищниковъ для охоты, стаи мигрирующихъ млекопитающихъ и др. Все это не простыя скопища, какъ стаи рыбъ, идущія метать икру, а общежитія (хотя и временныя), имѣющія опредѣленныя формы. Всѣ эти формы коллективнаго приспособленія, выразившіяся въ активныхъ общежитіяхъ, какъ они слагаются на разсматриваемой ступени активности, являются выраженіемъ активной коллективной борьбы за существованіе и въ указанныхъ предѣлахъ рѣзко отличаются отъ вышенамѣченныхъ формъ коллективнаго приспособленія, выражающагося въ пассивныхъ общежитіяхъ и въ преобразованіи коллективности въ индивидуальность. Этого процесса (ниже тенденціи къ нему) не замѣчается на этомъ фазисѣ развитія. Онъ снова начинаетъ сказываться на слѣдующемъ фазисѣ, подготовленномъ особымъ характернымъ отвѣтвленіемъ индивидуальнаго активнаго приспособленія.

Я уже упомянулъ, что индивидуальное приспособленіе выражается по преимуществу дифференцированіемъ жизни. Это вѣрно, но на высшихъ ступеняхъ активности даже индивидуальная жизнь начинаетъ цѣлесообразно реагировать на среду, такъ что съ этихъ поръ не только среда приспособляетъ жизнь къ своимъ условіямъ и требованіямъ, но и жизнь начинаетъ приспособлять среду къ своимъ потребностямъ. Овражекъ или сурокъ строитъ нору и дѣлаетъ запасъ пищи на время ея недостатка. Медвѣдь дѣлаетъ себѣ берлогу для зимовки. Всѣ птицы, даже не живущія парами, вьютъ гнѣзда или роютъ норы. То же дѣлаютъ даже насѣкомыя, даже рыбы и пресмыкающіяся. Гнѣзда, норы, логовища, запасы пищи — таковы разнообразные и весьма распространенные способы, коими активная жизнь, даже на ступени строго индивидуальнаго быта, воздѣйствуетъ на среду, измѣняетъ ея условія въ свою пользу, приспособляетъ ее къ своимъ потребностямъ (и

по скольку въ этомъ успѣваетъ, по стольку избавляетъ себя отъ необходимости самой приспособляться къ средѣ). Когда эти продукты жизненной работы, затраченной на переработку среды, производятся въ человѣческомъ общежитіи, мы называемъ ихъ обыкновенно *культурою*. Зачатки культуры, такимъ образомъ, отодвигаются далеко въ дочеловѣческій и даже дообщественный періодъ. Начало культурнаго развитія выказываетъ уже активная индивидуальная жизнь.

Серьезное значеніе однако получаетъ *культура*, какъ новый процессъ приспособленія жизни, лишь тогда, когда она сочетается съ коллективнымъ жизненнымъ процессомъ. Мы видѣли, что культура и активная общественность возникаютъ отдѣльно и независимо другъ отъ друга. Стада травоядныхъ млекопитающихъ или стаи перелетныхъ птицъ представляютъ общежитія безъ культуры. Медвѣди, строющіе берлогу, или суслики, запасающіе себѣ зерно на зиму и строющіе норы, развиваютъ культуру безъ общественности. Но сдѣлайте еще одинъ шагъ и вы увидите сочетаніе этихъ двухъ процессовъ. Семейная пара аистовъ, сообща строющихъ гнѣзда, вмѣстѣ мигрирующихъ, вмѣстѣ выкармливающихъ птенцовъ,—представляетъ такое первоначальное сочетаніе общественности и культуры, но здѣсь и общественность, и культура еще находятся въ очень эмбріональномъ состояніи. Общежитія муравьевъ, пчелъ, бобровъ представляютъ болѣе развитую форму этого сочетанія. Что же мы видимъ на этой болѣе развитой стадіи?

Внимательнѣе разсматривая напр. культурную общину пчелъ, гдѣ и общественность (активная) и культура находятся на сравнительно высокой ступени развитія, мы не можемъ не остановиться на бросающемся въ глаза фактѣ, что эта община, не смотря на сильно развитую активность ея членовъ, по типу своей общественности составляетъ нѣчто среднее между активнымъ и пассивнымъ общежитіемъ. Мы знаемъ, что основной признакъ пассивнаго общежитія выражается въ наклонности такого общежитія преобразоваться въ организмъ, а его членовъ — въ органы. Съ другой стороны, активныя безкультурныя общежитія, сколько мы ихъ знаемъ, совершенно свободны отъ этого процесса и ихъ члены вполнѣ сохраняютъ свою индивидуальность, свою жизненную независимость и свободу. Пчелиный улей, это первое культурное и активное общежитіе, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, сильно отклоняется отъ этого типа активной общественности. Его члены, распадающіеся на три разряда (матка, трутни, работницы), сохраняютъ лишь призрачную независимость и совсѣмъ не сохраняютъ индивидуальности. Они двигаются, работаютъ, борятся, кормятся и умираютъ независимо другъ отъ друга,—это правда, но правда лишь относительная. Матка и трутни живутъ лишь работою пчелъ; пчелы погибаютъ и даже перестаютъ работать безъ матки; большинство населенія улья — безполые полуиндивиды, неспособные къ самостоятельному размноженію. Дифференцированіе распространилось на основныя физіологическія отправленія и члены общины

являются скорѣе органами (работы, размноженія, защиты) большой индивидульности, именуемой ульемъ, нежели индивидами, входящими въ составъ общежитія. Тотъ же процессъ неполнаго превращенія общежитія въ организмъ, а индивидовъ—въ органы, замѣчаемъ мы и въ общежитіяхъ муравьевъ, термитовъ, осъ, въ довольно разнообразныхъ формахъ и сочетаніяхъ. И всѣ эти общежитія суть однако общежитія активныя. И всѣ они суть при этомъ культурныя. Не въ развитіи-ли культуры должны мы поэтому видѣть причину возстановленія этого процесса, господствующаго безраздѣльно въ пассивныхъ общежитіяхъ и отсутствующаго въ общежитіяхъ активныхъ безкультурныхъ?

И однако культура есть несомнѣнно высшее проявленіе активности, той самой активности, которая своимъ возникновеніемъ отмѣнила этотъ самый процессъ образованія сложныхъ организмовъ путемъ параллельнаго дифференцированія и интеграціи коллективностей! Но почему активность отмѣнила этотъ процессъ? Прежде всего бросается въ глаза, что она должна была стать на пути интеграціи дифференцирующихся членовъ въ одно тѣло, на пути ихъ сращенія, какъ необходимаго условія этого процесса на стадіи пассивной жизни. Интеграція механическая стала невозможна и дифференцированіе должно было избрать другіе пути, дробя группы особей на новыя разновидности, виды, породы, а не на органы одного цѣлаго. Нарушеніе полноты самостоятельной индивидуальной жизни вело-бы при этихъ условіяхъ къ ослабленію въ борьбѣ и естественный подборъ въ этомъ случаѣ долженъ былъ такъ же рѣшительно возстать противъ *такого* дифференцированія, какъ при условіяхъ пассивныхъ общежитій онъ ему покровительствовалъ. Для того, чтобы внутри общежитія сказался процессъ органическаго развитія, необходимо установленіе постоянной обязательной связи членовъ общежитія и постоянныхъ необходимыхъ отношеній между ними. Прикрѣпленіе къ мѣсту въ данномъ однажды сложившемся порядкѣ, а затѣмъ механическое сращеніе и составляетъ такую связь и такія отношенія. Активность очевидно сразу отмѣняетъ эти условія, а съ ними и весь процессъ превращенія общежитій въ организмы. Послѣднимъ нѣтъ никакого резона превращаться въ органы, а первымъ—въ индивиды. *Постоянство связи и постоянство отношеній* являются такимъ образомъ необходимыми условіями развитія общежитій по органическому типу. Но что-же дѣлаетъ культура, сочетаясь съ активною общественностью? Не возстановляетъ-ли она постоянства связи и постоянства отношеній? По крайней мѣрѣ, не можетъ-ли она этого сдѣлать? Конечно, можетъ и въ этомъ и заключается причина, почему, съ ея появленіемъ въ процессѣ развитія активной жизни, возстановляются процессы, свойственные преимущественно жизни пассивной. Если мы вспомнимъ, что созданіе культуры является, подобно процессу пассивнаго приспособленія жизни вообще,—накопленіемъ вещества и потенціальной энергіи, а не освобожденіемъ энергіи (какъ жизнь активная); что

она, подобно той же пассивной жизни, состоитъ въ превращеніи устойчивыхъ химическихъ соединеній въ менѣе устойчивыя (напр. руды — въ металлъ, растворовъ — въ соли, солей — въ простыя тѣла, не говоря уже о культурѣ растеній); что она (культура), составляя составную (и необходимую, при томъ) часть живого общественнаго тѣла, является въ немъ элементомъ инертнымъ, консервативнымъ, сковывающимъ свободное выдѣленіе живой энергіи активною жизнью, — то мы безъ труда усмотримъ, что культура, хотя и создается активною жизнью и представляетъ высшее выраженіе активности (которая здѣсь дѣлаетъ работу, принадлежащую въ пассивной жизни солнечной энергіи), но что она при этомъ въ значительной степени сближаетъ активную жизнь съ пассивною и что первая поэтому безъ новаго высшаго развитія активности уже окажется безсильною совладать съ повелительными процессами, характеризующими пассивную жизнь. Такъ и выходитъ. Той относительно высокой дозы активности, которая развита уже пчелами, муравьями, термитами, оказалось достаточно, чтобы создать культуру, но не хватило, чтобы противустоять вліянію культуры, направившей развитіе по пути, выработанному пассивною жизнью. Въ культурномъ общежитіи, такимъ образомъ, борятся два вліянія. Активность жизни, безъ которой была бы невозможна сама культура, и эта созданная активностью культура представляютъ двѣ силы, взаимно конкуррирующія въ процессѣ общественнаго развитія. Активность, развивающая работу самосохраненія и потому наклонная къ дальнѣйшему развитію активности, направляетъ общежитіе на путь всесторонняго развитія индивидовъ, входящихъ въ его составъ, а культура — на путь превращенія этихъ индивидовъ въ органы, а самаго общежитія — въ индивидуальность. Культура даетъ опредѣленность территоріи активному общежитію; она даетъ ему накопленное и опредѣленнымъ образомъ скомбинованное вещество (жилище и запасы пищи уже у пчелъ даже, а впослѣдствіи — орудія, одежду, топливо, предметы роскоши и пр.), въ которомъ (и только въ которомъ) общежитіе и его члены находятъ обезпеченіе своему существованію. То и другое даетъ такую прочную и постоянную связь между членами общежитія, что съ успѣхомъ замѣняетъ механическое прикрѣпленіе къ мѣсту и физическое сращеніе пассивныхъ общежитій. А однажды постоянство связи стало фактомъ, становится (или можетъ стать) немедленно фактомъ и неодинаковость взаимнаго отношенія членовъ. Такъ въ пассивномъ общежитіи это зависѣло отъ мѣста прикрѣпленія (на периферіи ли общежитія, или въ центрѣ, съ солнечной или тѣневой стороны, влажной или сухой, подвѣтренной или навѣтренной и т. д.); это различіе по мѣсту прикрѣпленія внесло дифференцированіе отправленій (занятій) членовъ, развивая у однихъ одни, у другихъ — другія. Здѣсь же въ культурномъ активномъ общежитіи распредѣленіе занятій (отправленій) складывается такъ или иначе, благодаря тому или иному разнообразію культуры, требую-

щей и разнообразія занятій. Раздѣленіе труда, какъ комбинація, наиболѣе успѣвающая въ производствѣ культуры, очень рано показываетъ всѣ свои преимущества и борьба за существованіе даетъ перевѣсъ общежитіямъ, усвоившимъ эту комбинацію. Такимъ образомъ, постоянство связи, создаваемое культурою, направляетъ дифференцированіе снова (какъ и въ періодъ до замѣтнаго развитія активности) на путь созданія не видовъ и породъ, при всемъ своемъ различіи сохраняющихъ для каждаго индивида полноту жизненныхъ отправленій, а общественныхъ органовъ, постепенно лишающихся этой полноты. Возьмите самое развитое общежитіе термитовъ и вы увидите, что одни изъ его членовъ только и могутъ плодить потомство, неспособные ни къ добыванію средствъ прокормленія, ни къ самозащитѣ; другіе выродились въ какія-то гигантскія могучія челюсти, страшныя въ бою, но совершенно негодныя для обыкновенной мирной жизни, неспособныя ни къ самостоятельному размноженію, ни къ добыванію пищи или сооруженію жилища; третьи, такіе же безполые, какъ и вторые, при этомъ вдобавокъ совершенно безоружные, но за то отличные работники, содержащіе первые два класса. Чтоже это такое, какъ не органы размноженія, работы (руки), вооруженія (клыки, когти, рога, клювы) одного большого индивида, термитовой кучи? Физическое срощеніе членовъ, механическое прикрѣпленіе къ мѣсту — здѣсь невозможно (активность тому помѣхою), но члены культурно слились въ одно тѣло и культурно же прикрѣпились къ территоріи. Культура (матеріальная, конечно, о которой только и возможна рѣчь на этой низшей стадіи культурности) замѣнила собою способность физической интеграціи, которой обладаетъ пассивная жизнь, потому что создалась интеграція культурная.

Такимъ образомъ, развитіе активности сначала устраняетъ процессъ органическаго развитія общежитій, затрудняя ихъ интеграцію, но затѣмъ, создавая культуру, частью возстановляетъ этотъ процессъ и открываетъ для интеграціи новые пути. И въ этомъ новомъ фазисѣ развитія активной жизни ей приходится вступать въ борьбу съ ею же созданной культурою для спасенія активности, которая никнетъ подъ давленіемъ интеграціи, навязываемой ковами культуры. Только дальнѣйшее развитіе активности, т. е. способности высвобождать все новые, все большіе запасы энергіи, даетъ въ руки активной жизни необходимое оружіе для устраненія этой стороны вліянія культуры, которая другою стороною своего вліянія ограничиваетъ вліяніе физической среды и естественнаго подбора (объ этомъ подробнѣе ниже), направленнаго тоже на поддержаніе органическаго развитія. Такимъ образомъ, активная жизнь, отбиваясь при помощи культуры отъ физической среды съ ея дифференцирующимъ и интегрирующимъ вліяніемъ, въ самой этой культурѣ создаетъ для себя новую общественную среду, дѣйствующую сначала въ томъ же направленіи и отбиваться отъ этого дѣйствія ей приходится новымъ про-

грессомъ активности. Такъ у пчелъ и муравьевъ недостало активности, чтобы остановить развитіе собственныхъ общежитій въ какіе-то уродливые полу-организмы, которые сами за свой счетъ не могутъ пользоваться полнотою жизни, какъ этого достигаютъ сложные организмы, возникшіе изъ пассивнаго коллективнаго приспособленія, но которые лишаютъ возможности пользоваться благами полной, свободной и самостоятельной жизни и своихъ членовъ, этихъ неиндивидовъ и неорагановъ, какихъ-то ублюдковъ незаконнаго процесса. Но если у пчелъ и муравьевъ активность не выдержала испытаній, наложенныхъ на нее ею же созданною культурою, то, не выходя изъ сферы дочеловѣческихъ обществъ, мы можемъ указать на бобровъ, у которыхъ находимъ культурное активное общежитіе и не находимъ признаковъ превращенія индивидовъ въ органы, а общежитія — въ организмъ. Активность, развитая въ организмахъ бобровъ, оказалась достаточною, чтобы выдержать ту стадію культурности (и соединеннаго съ нею сплоченія членовъ общежитія постоянною связью, постоянными отношеніями и на постоянной территоріи), до которой поднялось общество бобровъ. Развитіе культурности, однако, не останавливается такъ же, какъ и развитіе активности, и отъ параллельнаго успѣха этихъ двухъ процессовъ высшихъ формъ активной жизни зависитъ въ послѣднемъ счетѣ весь ходъ того процесса, который мы называемъ *историческимъ прогрессомъ* и который направляетъ жизнь по пути, несогласному съ путемъ *прогресса органическаго*. Если послѣдній велъ и ведетъ постоянно къ дифференцированію и образованію сложныхъ организмовъ чрезъ сліяніе болѣе простыхъ, то первый, съ одной стороны, ограничиваетъ и частью отмѣняетъ это движеніе созданіемъ культуры, противудѣйствующей господству физической среды, направлявшей жизнь раньше, а съ другой стороны, наклонность самой культуры возстановить за свой счетъ и отъ своего имени этотъ двойной процессъ дифференцированія и образованія сложныхъ организмовъ онъ парируетъ дальнѣйшимъ развитіемъ активности, т. е. способности посредствомъ выдѣленія необходимой энергіи охранять индивидуальность.

Такова та схема (въ самыхъ общихъ чертахъ), которая можетъ дать намъ необходимое понятіе о фазисахъ и типахъ коллективнаго развитія, закончившихся возникновеніемъ историческихъ человѣческихъ обществъ, богатыхъ и культурою и активностью, изъ взаимодѣйствія которыхъ между собою и своею физическою средою и развивается внутренняя исторія каждаго человѣческаго общества («обществомъ» я называю культурное активное общежитіе). Человѣческихъ обществъ, однако, возникло много и ихъ взаимодѣйствіе осложнило развитіе каждаго изъ нихъ, создало *внѣшнюю* исторію народовъ и подготовило *исторію человѣчества*. Изъ активной борьбы за существованіе выросли первые зачатки культуры еще на стадіи индивидуальнаго быта; изъ борьбы за существованіе возникли и первыя безкультурныя активныя общежитія; подъ ея же

императивнымъ давленіемъ эти два процесса слились въ одинъ и образовались культурныя активныя общежитія или общества, сложившіяся въ постоянныя живыя тѣла; та же борьба продолжала господствовать и послѣ возникновенія обществъ, претерпѣвъ, однако, значительныя измѣненія и преобразовавъ постепенно свое значеніе и роль. Этою стороною вопроса мы сейчасъ и займемся, а теперь напомнимъ главные выводы этого бѣглаго обзора борьбы въ жизни вообще и формѣ ея проявленія.

Борьба бываетъ пассивная и активная, индивидуальная и коллективная. Пассивная индивидуальная борьба выражается дифференцированіемъ; пассивная коллективная борьба ведетъ къ образованію сложныхъ организмовъ. Таковы процессы пассивной жизни, отказывающейся отъ воздѣйствія на физическую среду путемъ высвобожденія энергіи для борьбы съ вліяніемъ среды, для ея приспособленія. Пассивная жизнь не эластична, а пластична въ рукахъ среды, ее формующей и развивающей по законамъ ей самой присущаго развитія, которое тоже есть интеграція и дифференцированіе. Совершенно иное отношеніе къ средѣ постепенно вырабатываетъ та полоса жизни, которая пошла по пути развитія активности, т. е. способности выдѣлять свободную энергію. Активная борьба, возникающая изъ этой способности организмовъ, ведетъ къ постепенному прогрессу въ отстаиваніи организмами своей индивидуальности отъ покушеній среды. Сначала и активная индивидуальная борьба ведетъ только къ дифференцированію и накопленію активности. Съ этимъ накопленіемъ она начинаетъ вырабатывать процессы, еще болѣе ограничивающіе вліяніе среды и, стало быть, само дифференцированіе. Активная индивидуальная борьба, на этой стадіи развитія индивидуальной активной жизни, начинаетъ вырабатывать культуру, а съ другой стороны создаетъ первыя активныя общежитія, сначала безкультурныя, а потомъ и культурныя. Культура, сочетаясь съ активною общественностью, еще болѣе ограничиваетъ вліяніе физической среды и ею созданныхъ методовъ органическаго прогресса; благодаря этому сочетанію, впервые въ прогрессѣ жизни приспособленіе среды къ потребностямъ жизни пробуетъ занять мѣсто, на которомъ до тѣхъ поръ невозбранно властвовало приспособленіе жизни къ условіямъ среды. Но устраняя этимъ путемъ прежнія силы, стремившіяся преобразовать общежитія въ организмы, а индивидуальности — въ органы, прогрессъ пріобрѣтаетъ въ культурѣ новую могущественную силу, склонную открыть новые пути для того-же органическаго развитія обществъ. При недостаточно развитой активности, коллективная борьба за существованіе на стадіи активно-культурной общественности можетъ дать перевѣсъ общежитіямъ, отчасти въ своемъ развитіи и своемъ строеніи возстановляющимъ развитіе и строеніе общежитій пассивныхъ. При этихъ условіяхъ (перевѣсъ культурности надъ активностью) получаетъ снова преобладаніе процессъ деградаціи индивидовъ въ органы и преобразованія общежитій въ организмы и только параллельное накопленіе въ актив-

ныхъ общежитіяхъ или обществахъ обоихъ факторовъ общественной жизни, активности и культурности, — предохраняетъ общество отъ этого незаконнаго процесса, который на этой стадіи жизни никогда не можетъ быть доведенъ до конца, до созданія новаго полнаго, болѣе сложнаго организма, а можетъ только исказить полноту строенія и отправленій сложившихся въ общество и втянутыхъ въ процессъ развитія организмовъ, упростить ихъ структуру, понизить ихъ типъ.

Таковы основныя теченія коллективной активно-культурной жизни или общественнаго развитія, разсматриваемыя съ самой общей точки зрѣнія. Къ этимъ теченіямъ и вопросамъ интеграціи и дифференцированія, какъ плодамъ общественной эволюціи, то устраняемымъ нормальнымъ историческимъ процессомъ, то распространяемымъ процессомъ органическимъ, — примыкаютъ всѣ остальныя историческія теченія, находящія свое полное и всестороннее истолкованіе единственно въ свѣтѣ этихъ основныхъ вопросовъ. Возникновеніе активности открыло перспективы совсѣмъ иного типа развитія, нежели господствующій въ органическомъ прогрессѣ: образованіе активныхъ общежитій дало новую силу этому зарождающемуся процессу новаго типа, тогда какъ возникновеніе культуры, могущественно ослабивъ прежнія причины органическаго развитія общественной жизни, открыло, съ другой стороны, новые къ тому пути. Коллективная междуобщественная борьба, которая, до возникновенія культуры, покровительствовала прогрессу той активной общественности, которая является главнымъ тормазомъ органическаго развитія (какъ образованіе чувства солидарности внутри общественныхъ группъ, прогрессъ симпатическихъ чувствъ и т. д.), послѣ появленія культуры взяла и ее подъ свое покровительство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и такіе процессы, какъ раздѣленіе труда, дробленіе на классы и касты, постепенно возстановляющіе типъ органическаго развитія. Объ этой сторонѣ коллективной междуобщественной борьбы, какъ и о другихъ, проявившихся послѣ возникновенія культуры, мы и скажемъ нѣсколько словъ въ слѣдующей главѣ этого очерка.

II.

Культура, какъ орудіе борьбы.

Съ точки зрѣнія тѣхъ перемѣнъ и преобразованій, которыя вноситъ въ процессъ борьбы за существованіе появленіе обществъ или культурныхъ активныхъ общежитій, возникаетъ прежде всего два ряда вопросовъ: о вліяніи этого факта на индивидуальную борьбу и объ его значеніи для коллективной. Въ виду близкаго соотношенія и взаимной зависимости этихъ обоихъ рядовъ вопросовъ, мы бросимъ также бѣглый взглядъ и на индивидуальную борьбу за существованіе, какъ она должна была сложиться въ обществахъ между ихъ членами.

Активныя безкультурныя общежитія, какъ стада травоядныхъ, стаи мигрирующихъ птицъ и млекопитающихъ, докультурныя дикія человѣческія общества, конечно, въ значительной степени обязаны своимъ происхожденіемъ тѣмъ преимуществамъ, которыя даются соединеніямъ въ общежитіи для цѣлей самозащиты противъ хищниковъ и непріятелей. Всѣ эти выработанные еще въ дочеловѣческій періодъ такими общежитіями оборонительныя каре при защитѣ, правильныя колонны при движеніи, сторожевые посты при отдыхахъ и кормленіи, общее подчиненіе признаннымъ вождямъ въ минуту опасности такъ же, какъ и во время передвиженій, наконецъ, взаимная солидарная оборона всѣхъ всѣми во время нападенія хищниковъ, все это, вмѣстѣ взятое, даетъ такія преимущества общественному быту передъ индивидуальнымъ, что могучій процессъ подбора въ борьбѣ за существованіе долженъ былъ дать рѣшительный перевѣсъ распространенію особей, склонныхъ и способныхъ къ общественной жизни, сравнительно съ особями, которыхъ индивидуальныя качества склоняли къ одинокой жизни или препятствовали участію въ общежитіяхъ. Склонность къ общежительству могла проявляться въ чувствахъ симпатіи къ другимъ особямъ того же вида; способность къ общественности— во всегдашней готовности не только къ самозащитѣ, но и къ защитѣ товарищей по общежитію. Безъ этихъ зачатковъ альтруистическихъ чувствъ не могло бы существовать ни одно активное общежитіе (пассивныя общежитія въ нихъ не нуждаются) и совершенно ясно, что тѣ задачи, которыя только и можетъ преслѣдовать активное безкультурное общежитіе на разсматриваемой нами стадіи жизни, находятся въ прямой зависимости единственно и исключительно отъ интенсивности и напряженности этихъ альтруистическихъ чувствъ (хотя бы и ограниченныхъ въ своемъ проявленіи предѣлами общины). Чѣмъ интенсивнѣе эти чувства, эти почти инстинкты (на этой стадіи жизни), тѣмъ легче осуществляетъ свои задачи общежитіе, тѣмъ полнѣе оно оберегаетъ отъ всяческой опасности своихъ членовъ вообще, подростающее поколѣніе въ особенности, тѣмъ, стало быть, болѣе покровительствуется оно подборомъ въ борьбѣ за существованіе. Такимъ образомъ, эта борьба даетъ перевѣсъ не только общежитію надъ одинокимъ бытомъ, но и въ средѣ самихъ общежитій тѣмъ изъ нихъ, которыя отличаются болѣе высокимъ развитіемъ альтруистическихъ чувствъ, симпатіи, солидарности, даже самоотверженія (нерѣдко наблюдаемаго въ безкультурныхъ общежитіяхъ птицъ и травоядныхъ млекопитающихъ), этихъ зачатковъ морали. Развивая эти чувства и подавляя эгоистическія чувства, развиваемыя индивидуальнымъ бытомъ и индивидуальною борьбою за существованіе, коллективная борьба на стадіи безкультурныхъ активныхъ общежитій устраняетъ активную индивидуальную борьбу за существованіе внутри общины, и съ тѣмъ вмѣстѣ ослабляетъ и тотъ индивидуальный естественный подборъ, который былъ главнымъ руководителемъ органическаго прогресса. Если члены обще-

*

житія продолжаютъ накоплять альтруистическія чувства съ одной стороны, а съ другой стороны вообще активность (самъ альтруизмъ есть лишь одна изъ сторонъ этого дальнѣйшаго развитія активности, будучи новою формою выдѣленія энергіи), то это совершается уже не путемъ индивидуальнаго подбора, а путемъ упражненія альтруизма и активности, постоянно требуемыхъ новою формою жизни въ активныхъ общежитіяхъ, а затѣмъ закрѣпляется коллективною борьбою за существованіе, подбирающей болѣе солидарныя и болѣе активныя общежитія.

Такъ совершается процессъ борьбы и подбора между активными безкультурными или докультурными общежитіями. Изгнаніе индивидуальной борьбы изъ внутреннихъ отношеній общины (сохраняется еще лишь индивидуальная борьба за самку, что однако составляетъ совершенно независимое явленіе, которое нельзя смѣшивать съ разсматриваемымъ нынѣ); подавленіе эгоистическихъ чувствъ; развитіе альтруизма; дальнѣйшій прогрессъ активности,— вотъ что, какъ мы видимъ, развивается въ безкультурныхъ активныхъ общежитіяхъ и подбирается коллективною борьбою за существованіе. Не тѣ же-ли самыя явленія наблюдаемъ мы и въ средѣ докультурныхъ, или вѣрнѣе, малокультурныхъ, человѣческихъ общежитій? *Дикое состояніе* (sauvagerie) не отличается-ли въ самомъ дѣлѣ этимъ изгнаніемъ индивидуальной борьбы внутри общины, развитіемъ солидарности членовъ, медленнымъ ростомъ активности? Но съ этимъ ростомъ, ростетъ и культурность, и къ ея значенію и вліянію въ предѣлахъ изучаемаго явленія мы и обратимся теперь.

Уже факты изъ жизни культурныхъ общежитій среди насѣкомыхъ указываютъ на существованіе борьбы и внутри общинъ; вспомнимъ періодическія избіенія трутней пчелами, или рабство у нѣкоторыхъ породъ муравьевъ, конечно не добровольное. Но устойчивость культурнаго типа въ этихъ общежитіяхъ, не находящихся болѣе въ процессѣ развитія, затрудняетъ изученіе явленія, закрываетъ возможность плодотворныхъ сравненій и сопоставленій. Поэтому-то именно на человѣческихъ общежитіяхъ намъ будетъ удобнѣе всего показать основныя вліянія культурности на процессы борьбы, индивидуальной и коллективной. Прежде всего, совершенно ясно, что появленіе развитой культуры начинаетъ классифицировать борющіяся общежитія не только по степени развитія въ нихъ альтруизма и активности, но и по степени ихъ культурности, которая является новымъ могучимъ орудіемъ побѣды. Представимъ напр. столкновеніе общества (племени), уже знающаго обработку металловъ, съ обществомъ, стоящимъ еще на стадіи каменнаго періода. Не ясно-ли, что металлическое вооруженіе явится могучимъ орудіемъ побѣды даже надъ обществомъ, развившимъ въ себѣ болѣе солидарности и альтруизма, что раньше являлось главнымъ рѣшающимъ моментомъ въ борьбѣ при сколько-нибудь равной численности. Не то, чтобы солидарность и альтруизмъ потеряли всякое значеніе, но рядомъ съ ними

выросло значеніе другого фактора, отъ нихъ независимаго и способнаго склонить шансы борьбы вопреки ихъ вліянію. Или напр., изъ двухъ племенъ, которыхъ разныя условія доисторическаго періода сталкиваютъ для ожесточенной борьбы, одно успѣло уже одомашнить нѣкоторыхъ животныхъ и перешло къ быту пастушескому, тогда какъ другое еще пребываетъ на стадіи быта звѣроловнаго или рыболовнаго. При другихъ равныхъ условіяхъ пастушеское общежитіе, какъ несравненно лучше обезпеченное пищею, имѣло всѣ шансы разростись въ болѣе многочисленное и могущественное племя, нежели охотники, зависимые въ своемъ пропитаніи и размноженіи отъ сравнительно ограниченныхъ запасовъ пищи, приготовленныхъ природою. Пастушескія племена, какъ и земледѣльческія, легко разростаются въ цѣлые народы, а охотничьихъ народовъ исторія не знаетъ. Не мудрено, если пастухи и земледѣльцы одерживаютъ побѣды надъ звѣроловами, даже въ томъ случаѣ, если отстаютъ отъ нихъ въ развитіи альтруизма и солидарности. Подобные примѣры можно было бы умножить до безконечности и всѣ они показывали-бы, какое громадное значеніе пріобрѣтаетъ степень культурности и насколько это значеніе ограничиваетъ значеніе альтруизма и солидарности, раньше культурнаго прогресса имѣвшихъ рѣшающее вліяніе на исходъ борьбы. Теперь же лишь *при относительномъ равенствѣ культуры* это значеніе сохранилось, по прежнему, для чего стоитъ лишь вспомнить хотя-бы борьбу швейцарцевъ съ австрійцами, гугенотовъ съ католиками, голландцевъ съ испанцами... Если же культуры рѣзко различаются, то факторъ альтруизма и солидарности отходитъ на второй планъ, уступая мѣсто степени культурности, болѣе обильному производству пищи, лучшему вооруженію, военному искусству, путямъ сообщенія и т. д. и т. д.

Этимъ путемъ культурность ослабляетъ въ коллективной борьбѣ значеніе альтруизма и солидарности, или, говоря уже о человѣческихъ общественныхъ явленіяхъ, возникшихъ на этой почвѣ, ослабляетъ значеніе *морали*. Высшее моральное развитіе является уже лишь однимъ изъ факторовъ побѣды и, при значительномъ различіи въ культурности, факторомъ, далеко не главнымъ и важнѣйшимъ. Стало быть, и подборъ въ борьбѣ, раньше покровительствовавшій моральному развитію (въ предѣлахъ внутренней общинной жизни), отнынѣ становится довольно безразличнымъ и дальнѣйшее моральное преуспѣяніе обществъ ставится въ зависимость отъ внутренней эволюціи безъ той могущественной поддержки, которая прежде оказывалась со стороны междуобщественной борьбы, подбиравшей общества, развивающія альтруизмъ, солидарность, нравственность. Если австраліецъ выступаетъ въ поле съ бумерангомъ и копьемъ, а британецъ противъ него съ магазинкою и митральезой, то какое могутъ сохранить значеніе личная доблесть, самоотверженіе, развитіе сознанія солидарности австралійскаго племени? Степень культурности одна рѣшаетъ дѣло и шайка

англійскихъ негодяевъ, сосланныхъ за воровство и всяческіе пороки, лишенныхъ всякаго чувства чести и совѣсти, можетъ истребить цѣлыя племена, какъ бы ни было развито моральное чувство среди этихъ несчастныхъ культурно-отсталыхъ пасынковъ человѣчества.

Мало этого. Появленіе культурности не только ограничиваетъ и при значительномъ несоотвѣтствіи культурныхъ уровней даже замѣняетъ собою былое значеніе альтруизма и морали, но порою прямо подрываетъ его, вытѣсняетъ, разлагающимъ образомъ дѣйствуя на уже сложившееся моральное чувство, на уже развившійся альтруизмъ. Въ предъидущей главѣ я намекнулъ на путь, которымъ культурность достигаетъ этого результата.

Взглянемъ теперь на него поближе. Когда культура стала орудіемъ борьбы и побѣды въ междуобщественныхъ столкновеніяхъ, а степень культурности сдѣлалась рѣшающимъ моментомъ, тогда и всѣ условія, содѣйствующія или противодѣйствующія быстротѣ культурнаго роста и культурныхъ успѣховъ, получили первенствующее значеніе въ процессѣ коллективной борьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ оказались или подъ покровительствомъ или подъ гнетомъ историческаго подбора въ этой междуобщественной борьбѣ за существованіе. Мы указали выше нѣкоторые изъ культурныхъ успѣховъ, служащихъ орудіемъ побѣды въ этой борьбѣ, напр. лучшее вооруженіе, обильнѣйшее производство пищи (дозволяющее и быстрѣйшее размноженіе и выдѣленіе досужихъ классовъ), военное искусство (для развитія котораго необходимо только что упомянутое выдѣленіе досужихъ классовъ) и т. д. Останавливаясь даже на этихъ элементарнѣйшихъ культурныхъ преимуществахъ, доступныхъ и сравнительно низкимъ степенямъ культурности, мы видимъ, насколько они находятся въ зависимости отъ явленія *раздѣленія труда.* Военное искусство вырабатывается и совершенствуется лишь съ выдѣленіемъ особаго военнаго сословія; вооруженіе, конечно, можетъ прогрессировать быстрѣе съ обособленіемъ этой спеціальности и т. д. Общій экономическій законъ, ставшій со временъ *Адама Смита* политико-экономическою аксіомою, что раздѣленіе труда, спеціализированіе занятій способно въ высшей степени возвысить успѣшность труда при той же количественной затратѣ ея, очень рано сказался въ культурныхъ общежитіяхъ. Спеціализируя занятія и разводя прежде одинаковыя группы одного и того же общежитія въ обособленныя и взаимно отличныя группы по занятіямъ, образу жизни, самимъ задачамъ жизни, законъ раздѣленія труда давалъ преимущества болѣе быстраго и болѣе успѣшнаго культурнаго развитія тѣмъ обществамъ, въ которыхъ этотъ процессъ разложенія общежитія на классы шелъ дальше и полнѣе. Воины становились только воинами, жрецы — только жрецами, земледѣльцы — только земледѣльцами, купцы и ремесленники—единственно купцами и ремесленниками. То взаимное пониманіе радостей и страданій, надеждъ и опасеній, которое служило основаніемъ взаимнаго сочувствія и чувства

взаимной солидарности, товарищества, братства, становится все затруднительнѣе и затруднительнѣе съ прогрессомъ указаннаго процесса распаденія общества на касты. Воинъ, жрецъ, купецъ перестаютъ понимать радости пахаря, связанныя съ состояніемъ его нивы, опасенія, вызываемыя засухою или градобитіемъ, страданія отъ потери плодовъ его кроваваго труда, на которомъ и изъ котораго выростаетъ все его нравственное міросозерцаніе, всѣ его понятія о благѣ, злѣ, справедливости. Это міросозерцаніе и эти понятія совершенно чужды жрецу, купцу, воину и они равнодушно попираютъ ихъ, не раздѣляя и не понимая чувствъ, волнующихъ крестьянина, какъ и крестьянину недоступны чувства воинской чести и доблести, вырабатываемыя военнымъ сословіемъ. Взаимно непонятные, взаимно чуждые, классы эти постепенно становятся взаимно непріятными, даже взаимно омерзительными и былое чувство общественной солидарности, былой альтруизмъ и общая мораль вытѣсняются взаимною враждою съ новою узкою сословною моралью.

Распаденіе общества на взаимно чуждыя и взаимно враждебныя группы достигается не однимъ лишь путемъ культурнаго дифференцированія, только что нами прослѣженнаго. Путь культурнаго срощенія прежде независимыхъ культурныхъ единицъ еще могущественнѣе ведетъ по тому же пути. Разбитое и побѣжденное племя, забранное поголовно въ плѣнъ, поголовно обращается въ рабство; завоеванная территорія со всѣмъ ея населеніемъ попадаетъ въ феодальную зависимость, въ крѣпостное состояніе къ завоевателямъ; два культурныя общежитія, насильственно сливаются въ одно, но это обстоятельство не поселяетъ между ними чувства симпатіи и солидарности. Долговременное сохраненіе такого господства ведетъ къ *національному* сліянію двухъ народностей, но обособленіе классовъ остается долго послѣ, сохраняя въ нихъ традиціи вражды и ненависти, взаимнаго непониманія и взаимнаго омерзѣнія. Я не останавливаюсь дольше на этомъ процессѣ насильственнаго сліянія раньше независимыхъ обществъ и народовъ, потому что слишкомъ очевидно, какой громадный запасъ взаимной вражды и внутренней борьбы вноситъ онъ въ общественное развитіе, подавляя альтруистическія чувства, разрушая сознаніе солидарности, деградируя моральныя воззрѣнія и чувства. А между тѣмъ, стоитъ оглянуться на ходъ всемірной исторіи, чтобы увидѣть все широкое, безпредѣльно широкое распространеніе этого явленія сложныхъ обществъ, возникшихъ изъ насильственнаго сліянія прежде независимыхъ общежитій. Едва-ли не будемъ мы даже правы, если признаемъ, что роль этого явленія была долгое время, пожалуй, даже значительнѣе нежели естественное дифференцированіе ранѣе однородныхъ общежитій. Но съ другой стороны, если это естественное дифференцированіе однородныхъ обществъ происходитъ, какъ мы показали выше, подъ повелительнымъ давленіемъ развивающейся культурности, то едва-ли мы не будемъ еще болѣе того правы, признавъ, что и образованіе сложныхъ обще-

житій не чрезъ осложненіе прежде простыхъ, а чрезъ соединеніе прежде отдѣльныхъ и самостоятельныхъ происходило тоже подъ благословеніемъ той же развивающейся и преуспѣвающей культурности. Только эти культурные успѣхи могли сдѣлать его возможнымъ, даровавъ культурное оружіе въ руки меньшинства для господства надъ большинствомъ; только они же сдѣлали это господство заманчивымъ, такъ какъ ранѣе того охотнику рѣшительно нечего было дѣлать съ рабами, для которыхъ понадобилось-бы пища, скудная и безъ того. Тогда плѣнныхъ съѣдали; теперь стали порабощать. Тогда рабъ нуждался лишь въ новой пищѣ, которой и такъ было не всегда достаточно; теперь онъ не только производилъ пищи больше, нежели ему самому на прокормленіе нужно, но и разнообразныя богатства, на счетъ которыхъ содержался, наслаждался и становился еще могущественнѣе его владѣлецъ. Культура, создавъ власть и богатство, создала возможность и даже необходимость этого процесса (на той низкой ступени историческаго прогресса, который все это время я имѣю въ виду), потому что возникновеніе власти дало возможность поработить, а созданіе богатства сдѣлало порабощеніе самымъ выгоднымъ для побѣдителя результатомъ побѣды. Историческій подборъ въ международной борьбѣ за существованіе долженъ былъ въ свою очередь явиться на сцену, чтобы взять подъ свое покровительство самые выгодные результаты международной борьбы. И общежитія, продолжавшія прежнія традиціи истребленія или изгнанія побѣжденныхъ, должны были отставать отъ тѣхъ, которыя перешли къ практикѣ завоеванія и порабощенія, къ практикѣ насильственнаго сліянія прежде независимыхъ обществъ въ одно, болѣе сложное.

Такимъ образомъ, двойной процессъ внутренняго осложненія прежде простыхъ обществъ и внѣшняго сложенія прежде самостоятельныхъ, совершающійся подъ вліяніемъ развивающейся культурности и укрѣпляемый историческимъ подборомъ въ международной борьбѣ, существенно измѣнилъ роль и значеніе этого послѣдняго. Въ докультурный и первобытный малокультурный періодъ историческій подборъ активныхъ общежитій въ междуобщественной борьбѣ велъ къ развитію солидарности между индивидуумами, входящими въ составъ общежитія, къ развитію альтруистическаго чувства, къ высшему моральному развитію, наконецъ къ вытѣсненію активной индовидуальной борьбы за существованіе въ предѣлахъ общинъ Въ періодъ культуры, въ эпоху господства культурности, историческій подборъ съ одной стороны даруетъ побѣду вообще высшей ступени культурности, независимо отъ развитія альтруизма и морали, а съ другой стороны, въ виду зависимости культурныхъ успѣховъ отъ осложненія обществъ (путемъ-ли внутренняго дифференцированія, или сложенія нѣсколькихъ обществъ), покровительствуетъ обществамъ, полнѣе нарушившимъ общую солидарность, полнѣе вытравившимъ альтруистическія чувства, полнѣе возстановившимъ внутреннюю вражду и борьбу. Такимъ образомъ, происходитъ явленіе, называемое *деморализаціей* и такимъ обра-

зомъ, изгнанная было изъ внутренней жизни активныхъ обществъ борьба за существованіе снова возстановляетъ свое значеніе. О возрожденіи внутренней борьбы въ средѣ обществъ и о значеніи этого явленія мы еще скажемъ нѣсколько словъ позже, а теперь обратимся къ другому еще болѣе общему и важному явленію, развиваемому безкультурными общежитіями и посмотримъ, какъ на ней отражается прогрессъ культуры въ предѣлахъ, нами изучаемыхъ. Я говорю о дальнѣйшемъ прогрессѣ активности.

Мы видимъ, что активность растетъ въ безкультурныхъ и докультурныхъ активныхъ общежитіяхъ и количественно и качественно, потому что жизнь въ такихъ общежитіяхъ постоянно упражняетъ активность и кромѣ того требуетъ новой формы активности въ видѣ солидарнаго дѣйствія, альтруистическихъ движеній, моральнаго поведенія... Мы уже видѣли, какъ развитіе культурности регрессивно отражается на этой новой формѣ активности; какъ же оно отражается на общемъ фондѣ активности въ обществѣ? Когда развитіе культуры еще не успѣло ни дифференцировать общество, ни ввести въ него инородныя общежитія въ видѣ рабовъ-ли, въ видѣ-ли господъ-завоевателей, словомъ въ докультурный или малокультурный періодъ всѣ члены общежитія принимаютъ одинаково-дѣятельное, одинаково-активное участіе въ дѣлахъ общества. Оборона-ли отъ непріятеля, добываніе-ли пищи, жертвоприношеніе, избраніе вождя, всякое словомъ общественное дѣяніе является всенароднымъ и требуетъ дѣятельнаго участія всѣхъ членовъ общежитія, отъ степени самодѣятельности которыхъ и зависитъ стало быть успѣхъ предпринимаемаго обществомъ дѣла, само существованіе, развитіе и процвѣтаніе общества. И развиваясь отъ постояннаго упражненія, эта самодѣятельность всѣхъ членовъ общежитія покровительствуется историческимъ подборомъ, такъ какъ именно перевѣсъ этой самодѣятельности даетъ преимущество въ борьбѣ за существованіе и въ мирное и въ военное время. Военное мужество и военное искусство, умѣніе трудиться и наклонность къ труду, знаніе общественныхъ дѣлъ и способность правильной ихъ оцѣнки, наконецъ, умѣніе самостоятельно и самодѣятельно координировать свои дѣйствія (въ трудѣ-ли, въ битвѣ-ли, или въ общественныхъ дѣлахъ) съ дѣйствіями другихъ товарищей и съ интересами всего общежитія,—вотъ что долженъ былъ развивать каждый членъ общины въ указываемый ранній періодъ человѣческой исторіи. Такимъ образомъ, и прямое непосредственное вліяніе условій тогдашней общественной жизни развивало чрезъ упражненіе все большіе и большіе запасы активности въ общежитіяхъ, и косвенное вліяніе историческаго подбора могучимъ образомъ поддерживало эту эволюцію, въ которой само развитіе альтруизма и морали было лишь одною, хотя и существенно важною стороною всего процесса.

Культурное развитіе на томъ пути, который оно почти повсемѣстно первоначально избрало, очень скоро совершенно преобразило эту картину. Съ дифференцированіемъ общества на касты

потерялась прежде всего надобность въ разносторонней самодѣятельности. Зачѣмъ военное мужество и умѣніе координировать свои единичныя военныя дѣйствія съ дѣйствіями всего цѣлаго можетъ понадобиться жрецу, купцу, ремесленнику, земледѣльцу, которые изъ поколѣнія въ поколѣніе не обнажаютъ меча и не надѣваютъ доспѣховъ? И чѣмъ дальше идетъ дифференцированіе, тѣмъ становится уже и тѣснѣе поприще самодѣятельности членовъ общежитія. Возникаютъ робкіе, не способные къ самозащитѣ и къ защитѣ отечества классы. Еще быстрѣе и рѣзче идетъ этотъ процессъ, если культурное развитіе сказывается не столько внутреннимъ дифференцированіемъ общества, сколько насильственнымъ сложеніемъ двухъ или болѣе общежитій. Въ этомъ случаѣ самодѣятельность покоренныхъ классовъ прямо подавляется поработившею ихъ силою и рабы лишаются даже самостоятельнаго труда. И дифференцированіе обыкновенно, хотя и медленнѣе, ведетъ къ тому-же.

Мы знаемъ уже, что историческій подборъ оперируетъ въ этомъ направленіи всегда, когда между конкуррирующими обществами существуетъ культурная разнородность, болѣе или менѣе существенная. Мы знаемъ также, что при условіи относительнаго культурнаго равенства историческій подборъ оперируетъ въ другомъ направленіи, какъ бы культуры и вовсе не было, т. е. не только не ведетъ къ деморализаціи и упадку активности, но даруетъ побѣду сторонѣ, болѣе активной (самодѣятельной) и солидарной. Такимъ образомъ, циклизмъ не есть неотмѣнимый законъ исторіи, какъ многіе думали, наблюдая судьбы Востока и античнаго міра, но только необходимое историческое послѣдствіе ожесточенной борьбы неоднородно-культурныхъ общежитій. За то въ этихъ предѣлахъ онъ есть несомнѣнный законъ историческаго развитія и необходимо выражается столь хорошо извѣстными этапами восточной исторіи. Я не однажды останавливался на этомъ любопытномъ явленіи восточнаго циклизма, всегда указывая его причину въ условіяхъ международной жизни и международной борьбы, въ разнородности культуръ борющихся сторонъ. Сегодня я попровалъ истолковать эту самую причину еще съ одной точки зрѣнія и истолкованіе это вполнѣ согласуется съ общимъ выводомъ прежнихъ моихъ разсужденій, обсуждавшихъ, однако, совершенно другія стороны вопроса и подступавшія къ его рѣшенію, исходя изъ другихъ соціологическихъ теоремъ. Нельзя не видѣть въ этомъ совпаденіи дедукцій ихъ взаимную повѣрку. Болѣе подробный сводъ этихъ заключеній былъ бы здѣсь неумѣстенъ и потому я спѣшу далѣе къ непосредственной задачѣ этой главы, къ культурѣ, какъ орудію борьбы. Мы уже осмотрѣли ее въ этомъ смыслѣ съ многихъ сторонъ и намъ остается дополнить нашъ анализъ сравнительно немногими чертами.

Мы знаемъ теперь, что культура, становясь главнымъ и даже почти исключительнымъ орудіемъ международной борьбы и побѣды, влечетъ пониженіе активности, направляетъ общежитіе на путь органическаго развитія по типу пассивныхъ общежитій

и устанавливаетъ тотъ заколдованный циклизмъ историческаго движенія, который столько разъ наблюдался въ теченіе многихъ тысячелѣтій всемірной исторіи. Мы знаемъ, также, что когда культура является лишь дополнительнымъ орудіемъ борьбы, какъ бываетъ въ первобытную эпоху малокультурныхъ общежитій или же въ эпоху и высокой культуры, но при условіи культурной однородности борющихся сторонъ, тогда та же международная борьба получаетъ иное значеніе, не ведетъ къ органическому развитію и циклизму, но содѣйствуетъ установленію прогрессивности, развитію активности, альтруизма, морали. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ главнымъ направителемъ развитія и главнымъ орудіемъ борьбы является степень активности (самодѣятельности членовъ общества), степень солидарности и высота моральнаго развитія, при чемъ лишь содѣйствующимъ въ борьбѣ факторомъ являются нѣкоторые успѣхи культуры надъ среднимъ уровнемъ культурности, пріобрѣтенной всею группою борющихся однородно-культурныхъ обществъ. Для успѣха борьбы эти культурные успѣхи должны усваиваться всѣми сторонами, но пока все-же не они, а степень активности является главнымъ орудіемъ побѣды (что неизбѣжно до тѣхъ поръ, покуда культуры не слишкомъ разошлись), культурные успѣхи, хотя и сказываются и дифференцированіемъ, и осложненіемъ общежитій, но не могутъ въ этомъ направленіи перерастать извѣстную мѣру, послѣ которой срѣзываются международною борьбою. Культурные успѣхи, взятые сами по себѣ, всегда имѣютъ одно и то же значеніе для общественнаго развитія, но, становясь главными орудіями международной побѣды, они становятся вмѣстѣ съ тѣмъ главными руководителями исторіи и уродливое развитіе по органическому типу съ неизбѣжнымъ циклизмомъ in spe является прямымъ и естественнымъ выводомъ такого положенія дѣлъ. Между тѣмъ, какъ являясь лишь дополнительнымъ орудіемъ борьбы, тѣ же культурные успѣхи подбираются борьбою лишь по стольку, по скольку они не направляютъ исторію на путь органическаго развитія и циклизма. Таково значеніе культуры, какъ орудія коллективной борьбы. Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ ея значеніи, какъ орудія индивидуальной борьбы, возстановленной внутри активныхъ общежитій успѣхами культурнаго развитія, какъ мы выше видѣли.

Собственно говоря, мы видѣли еще лишь начало возстановленія борьбы внутри обществъ; мы тогда указали лишь на возникновеніе кастъ и сословій и на вражду между нами. Правда, съ другой стороны мы указали на вытравленіе альтруистическихъ чувствъ и сознанія солидарности, что конечно дѣлаетъ возможнымъ возрожденіе и чисто индивидуальной борьбы. Это мы и видимъ въ дѣйствительности даже въ тѣхъ общежитіяхъ, которыя замкнулись въ циклизмѣ. Инымъ путемъ возрождается индивидуальная борьба въ тѣхъ общежитіяхъ, въ которыхъ, благодаря вышеуказаннымъ условіямъ международной борьбы, активности не приходится никнуть передъ культурностью. Здѣсь ростъ актив-

ности разбиваетъ сословную организацію, уничтожаетъ поэтому сословную борьбу, но покуда не даруетъ на мѣсто этой организаціи никакой другой, открываетъ широкое поприще индивидуальной борьбѣ, занимающей мѣсто междусословной борьбы. На этой стадіи развитія находятся современныя европейскія общества, на стадіи крайняго индивидуализма. Такими-ли или иными путями, но фактъ несомнѣнный, что индивидуальная борьба за существованіе въ полномъ смыслѣ слова господствуетъ во всѣхъ доселѣ извѣстныхъ культурныхъ общежитіяхъ, такъ что культура является орудіемъ не только международной (коллективной) борьбы, но и индивидуальной. Какова-же ея роль въ этомъ случаѣ?

Какъ извѣстно, въ докультурный и дообщественный періодъ развитія жизни на землѣ, индивидуальная борьба за существованіе была самымъ могучимъ факторомъ, направлявшимъ развитіе жизни. Орудіями борьбы и побѣды при этихъ условіяхъ являлись природныя качества и особенности особей, вступавшихъ въ состязаніе. Сила мышцъ, быстрота бѣга, лучшее природное вооруженіе (рога, клыки, когти, клювы, ядовитыя железы и пр.), высшая предусмотрительность и т. д. и т. д. доставляли побѣду той или иной особи, которая и оставляла болѣе многочисленное потомство, передавая ему, въ силу закона наслѣдственности, и свои преимущества. И этотъ то процессъ и называется естественнымъ подборомъ родичей въ борьбѣ за существованіе. Основою его является органическая наслѣдственность орудій борьбы и побѣды. Безъ этой органической наслѣдственности борьба за существованіе теряетъ всякое значеніе въ смыслѣ подбора. Именно это самое видимъ мы послѣ того, какъ борьба за существованіе возрождается съ новою силою въ человѣческихъ общежитіяхъ. Возрожденная и вновь вызванная къ жизни и дѣятельности развитіемъ культуры, она именно ею, культурою, и пользуется, какъ орудіемъ успѣха и побѣды, а культурныя орудія органически не наслѣдственны. Въ культурномъ общежитіи, особенно при высокомъ развитіи культуры, побѣждаетъ въ индивидуальной борьбѣ за существованіе не мышечная сила, не отвага, не то или иное строеніе тѣла, даже не сила ума, а богатство, власть, знаніе, протекція, монополія, привиллегія, техника и т. д., все признаки, органически не наслѣдственные и слѣдственно не подбираемые борьбою. Такимъ образомъ, возрожденіе индивидуальной борьбы за существованіе въ культурномъ обществѣ не влечетъ за собою возстановленія естественнаго подбора, и всѣ разсужденія объ улучшеніи типа въ борьбѣ за существованіе являются для культурнаго общежитія вопіющею ложью. Борьба за существованіе, конечно, губитъ однихъ и сохраняетъ другихъ, но губитъ она не тѣхъ, кто органически слабъ или обладаетъ органическими недостатками, и сохраняетъ не тѣхъ, кто органически сильнѣе и выше по типу и обладаетъ органическими достоинствами. Совершенно напротивъ, она и губитъ и сохраняетъ, сортируя особи по культурнымъ условіямъ, въ которыя онѣ поставлены и которыя не

имѣютъ никакого отношенія къ органическимъ недостаткамъ и достоинствамъ, къ высшему или низшему жизненному типу гибнущихъ и торжествующихъ особей. Борьба за существованіе, именно, развиваетъ эгоистическія чувства и подавляетъ альтруистическія, но это и является единственнымъ *качественнымъ* значеніемъ этого явленія, покровительствуемаго развитіемъ культуры.

Таково значеніе культуры, какъ орудія индивидуальной борьбы за существованіе. Подробнѣе здѣсь останавливаться на этихъ вопросахъ нѣтъ надобности (мнѣ случалось въ другомъ мѣстѣ ихъ трактовать обстоятельнѣе). Что же касается культуры, какъ орудія международной борьбы, то общее ея значеніе въ этомъ направленіи выше развито и мы можемъ теперь обратиться и къ болѣе детальному анализу той спеціальной формы борьбы за существованіе, которая и является главнымъ предметомъ этого этюда, именно къ экономической борьбѣ.

Читатели, знакомые съ нашею соціологическою литературою, легко откроютъ въ предыдущемъ изложеніи нѣкоторыя идеи и воззрѣнія, впервые установленныя въ соціологическихъ работахъ *Н. К. Михайловскаго*, спеціально интересовавшагося вопросами, связанными съ развитіемъ общества по органическому типу. Нѣкоторыя другія идеи, здѣсь сведенныя въ бѣгломъ обзорѣ, я пробовалъ установить еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ «Знаніи». Третьи являются естественною комбинаціей и развитіемъ тѣхъ и другихъ. Для обстоятельнаго развитія этихъ воззрѣній понадобилась бы особая обширная работа и здѣсь они предлагаются лишь въ мѣрѣ и степени, необходимыхъ для послѣдующаго изложенія.

До сихъ поръ международную, какъ и индивидуальную или междусословную борьбу мы разсматривали въ ея цѣломъ и остановились лишь на одномъ существенномъ различеніи, когда орудіемъ побѣды являются особенности общежитія, связанныя съ развитіемъ въ немъ активности, и когда такимъ орудіемъ служитъ культура въ ея цѣломъ. Но сама культура представляетъ очень разнородный арсеналъ орудій борьбы: власть, богатство, знаніе, мораль, на низшихъ ступеняхъ культурности эти орудія большею частью сочетаются въ разныя комбинаціи, но постепенно они дифференцируются; каждое получаетъ собственное самостоятельное значеніе и свою характиристичную роль въ исторіи. Такимъ образомъ, возникаетъ борьба политическая, экономическая, религіозная, національная. Богатство служитъ орудіемъ борьбы экономической. Бросивъ взглядъ на культуру въ ея цѣломъ, какъ на орудіе борьбы и побѣды, мы теперь обратимся къ одному изъ ея элементовъ, къ богатству и проанализируемъ его спеціальное значеніе въ предѣлахъ тѣхъ же вопросовъ и задачъ.

III.

Экономическая борьба въ доисторическій періодъ.

Если вообще въ исторіи активной жизни на землѣ культура нерѣдко предшествовала общественности, проявляясь впервые еще на стадіи индивидуальнаго быта, то едва-ли мы не будемъ правы, если признаемъ, что собственно въ генезисѣ человѣческаго общества происходило какъ разъ наоборотъ, т. е. общественность предшествовала культурѣ, которая пришла позднѣе и сначала явилась не самостоятельнымъ, а вполнѣ служебнымъ факторомъ. То обстоятельство, что у высшихъ млекопитающихъ мы находимъ и нынѣ широко распространенными именно безкультурныя общежитія; что въ такихъ общежитіяхъ проводятъ свою жизнь и ближайшіе наши родичи въ разрядѣ четырерукихъ; что, наконецъ, на низшихъ стадіяхъ человѣческихъ обществъ уже сильно развиты активность и солидарность (развиваемыя безкультурными общежитіями) и почти вовсе отсутствуетъ дифференцированіе (этотъ плодъ культурнаго развитія), все склоняетъ къ заключенію о существованіи эпохи безкультурнаго человѣческаго общежитія, когда человѣкъ, подобно травояднымъ или плодояднымъ (какъ обезьяны), могъ находить пищу въ достаточномъ количествѣ безъ спеціальной заботы объ ея обезпеченіи и добываніи. Размноженіе свыше нормы, допускаемой готовымъ запасомъ безъ труда добываемой пищи, должно было дать толчекъ развитію культуры. Надо было позаботиться о добываніи пищи. Среда не давала ее уже даромъ; надо было взять ее силой; надо было сдѣлать первые шаги къ покоренію среды. Первое хорошее оружіе, первые звѣроловные и рыболовные снаряды были этими первыми шагами къ покоренію природы, процессу, которому суждена была такая блестящая будущность. Это были и первые культурные шаги. Точно такъ же стало не хватать уже естественныхъ убѣжищъ отъ непогоды и непріятеля, пещеръ, гротовъ, дуплистыхъ деревьевъ, естественныхъ шалашей отъ бурелома и обрушавшихся скалъ. Надо было подумать и о защитѣ, объ убѣжищѣ; появились первые шалаши, эти родные братья берлоги, логовища, гнѣзда, норы. Жилище, оружіе, рыболовные и звѣроловные снаряды—вотъ несложные составные элементы первобытной культуры, къ которымъ очень рано присоединились украшенія, продукты полового соперничества.

Если мы внимательнѣе взглянемъ на этотъ инвентарь первобытной культуры, то безъ труда замѣтимъ, что онъ является какъ бы дополненіемъ личныхъ особенностей первобытнаго человѣка. Этотъ первобытный человѣкъ не имѣлъ спеціальнаго органическаго вооруженія для борьбы, ни когтей, ни клыковъ, ни роговъ, ни копытъ. Копье, праща, каменная сѣкира, лукъ, бумерангъ замѣнили собою этотъ пробѣлъ органическаго вооруженія. Для успѣховъ полового соперничества первобытный человѣкъ не имѣлъ ни вѣт-

вистыхъ роговъ оленя, ни красиваго оперенія павлина, ни чудныхъ мелодій соловья, ни даже раскрашенныхъ мозолей павіана. Искусственные головные уборы изъ перьевъ и хвостовъ, искусственное раскрашиваніе тѣлъ, ожерелья изъ зубовъ и плодовъ, серьги въ ушахъ и ноздряхъ, раскрашиваніе зубовъ, наконецъ первая драпировка въ шкуры и пр. явились къ услугамъ человѣка для пополненія природныхъ украшеній, не отпущенныхъ природою на долю человѣка. Далѣе, для защиты отъ крайностей температуры первобытный человѣкъ тоже былъ лишенъ мѣха млекопитающихъ, пуха птицъ, линянія тѣхъ и другихъ весною. Одежда явилась для того къ его услугамъ, а равно жилище и, наконецъ, огонь... Такимъ образомъ, вся первобытная культура какъ-бы пополняетъ собою организацію человѣка, надѣляя его спеціальнымъ вооруженіемъ, спеціальными украшеніями, спеціальными приспособленіями для защиты отъ зноя и холода, все приспособленіями, которыя, при невозможности ихъ культурнаго возникновенія, развиваются у низшихъ животныхъ органически, какъ спеціальные органы вооруженія, украшенія, согрѣванія... Продолжая и на дальнѣйшихъ своихъ ступеняхъ вооружать, украшать, ограждать человѣка, культура очень скоро выходитъ изъ предѣловъ сравнимости со спеціальными органами животныхъ. Извольте сопоставить миноноску или сорокотонное орудіе съ рогами буйвола или клювомъ ястреба! Но на стадіи дикаго состоянія это сравненіе совершенно законно и копье или каменная сѣкира дѣйствительно играютъ въ борьбѣ роль не больше роговъ, зубовъ, или клюва, такъ какъ все-таки рѣшающее значеніе оставляютъ за силою или быстротою или ловкостью борющихся сторонъ, усиливая эти качества, но не заслоняя ихъ, какъ магазинки совершенно заслоняютъ собою мускульную силу или быстроту бѣга ея обладателя. Курокъ спуститъ ребенокъ и повалитъ Геркулеса; пуля, пущенная безногимъ калѣкою, поймаетъ самого Ахилла.

Не заслоняя собою личности и ея личныхъ качествъ, первобытная культура по необходимости является силою служебною, зависимою. И дѣйствительно она на стадіи дикости нигдѣ не пріобрѣтаетъ самостоятельнаго и руководящаго значенія, слѣдуя лишь за эволюціей общественности. И *богатство*, подобно власти и знанію, не выдѣляется среди дикарей въ особое явленіе, особую общественную силу. Дикое состояніе еще совершенно не знаетъ *накопленія* предметовъ потребленія, которые даже не допускаютъ накопленія, или по безцѣльности (на что дикарю десять хижинъ, или сотня сѣкиръ?), или по физической невозможности (мясо и рыба, безъ умѣнія превратить ихъ въ консервы, не могутъ сохраняться долго). Такимъ образомъ, между дикарями не можетъ быть ни богатаго, ни бѣднаго. Каждый имѣетъ жилище, снаряды, оружіе, огонь; никто не нуждается имѣть ихъ больше лично ему необходимаго и никто не имѣетъ больше. Между дикарями могутъ быть голодные и сытые, сильные и слабые, здоровые и больные, но нѣтъ самаго понятія о богатыхъ и бѣдныхъ. Нѣтъ богатства,

не можетъ быть оно, слѣдовательно, и орудіемъ борьбы и побѣды.

Наше гипотетическое докультурное человѣческое общежитіе должно было характеризоваться тѣмъ, что въ немъ, подобно общежитіямъ травоядныхъ и плодоядныхъ, пища *добывалась безъ труда*. Первобытное намъ фактически извѣстное общежитіе или дикое состояніе отличается тѣмъ, что пища, какъ и прочія потребности (убѣжище, тепло, орудія полового соперничества), хотя тоже *добываются* готовыми, но уже *при помощи труда*. Добываніе *готовой* пищи сближаетъ эти двѣ стадіи; *участіе труда* въ этомъ добываніи раздѣляетъ ихъ. Какъ сначала наступилъ моментъ, когда добываніе пищи безъ труда стало невозможно, потому что такой легко доступной готовой пищи уже оказалось не по численности размножающагося племени, такъ вслѣдъ за тѣмъ, рано или поздно (скорѣе поздно, нежели рано), наступаетъ моментъ, когда вообще готовой пищи уже не можетъ хватить. Долгое, безконечно долгое время это служитъ лишь причиною нескончаемыхъ жестокихъ войнъ между сосѣдними племенами за предѣлы охотничьей территоріи. Другимъ исходомъ является переходъ къ *производству пищи*. Вмѣсто того, чтобы затрачивать трудъ на розысканіе и добываніе готовой пищи, производимой самою природой, человѣкъ начинаетъ затрачивать тотъ-же трудъ для производства пищи. Съ переходомъ общества къ этому новому экономическому режиму завершается дикое состояніе и человѣчество вступаетъ въ новый фазисъ своего существованія.

Переходъ къ производству пищи совершается двояко. Человѣкъ наталкивается на возможность одомашненія травоядныхъ, млекопитающихъ, служащихъ ему пищею и зарождается скотоводство вмѣстѣ съ пастушескимъ родовымъ бытомъ номадовъ. Человѣкъ догадывается, что онъ можетъ искусственно увеличить запасы зеренъ, овощей и кореньевъ, употребляемыхъ имъ въ пищу и мы видимъ зачатки земледѣлія и развитіе общиннаго осѣдлаго быта. Два пути лежало передъ человѣчествомъ и оно сразу пошло по обоимъ, хотя вслѣдъ затѣмъ дороги эти не разъ скрещивались и переплетались. Какъ скотоводство, такъ и земледѣліе впервые создали *богатство*. Обратимся теперь къ этому назидательному историческому рожденію дѣтеныша, коему предстояла такая блистательная, будущность... Значеніе и развитіе *богатства* въ пастушескомъ и земледѣльческомъ быту оказалось не совсѣмъ одинаковое, вѣрнѣе, совсѣмъ не одинаковое. Остановимся поэтому на каждомъ отдѣльно.

Пастушескій бытъ долго считался второю естественною фазою общественнаго развитія, послѣ звѣроловнаго и рыболовнаго. Но послѣднія изслѣдованія также, какъ и лучше проанализированныя теоретическія основанія и соображенія установили мнѣніе, что этотъ бытъ не всегда является непосредственнымъ наслѣдникомъ звѣроловнаго и рыболовнаго и не всегда переходитъ въ земледѣльческій. Условія, необходимыя для возникновенія того и дру-

гого на столько разнились на низшихъ стадіяхъ культуры, что, собственно говоря, прежде принятая послѣдовательность можетъ почитаться скорѣе исключеніемъ изъ правила, по которому земледѣльческій бытъ возникаетъ изъ дикаго совершенно также самостоятельно и непосредственно, какъ и пастушескій. Въ лѣсу, напр., или на прирѣчныхъ понимаемыхъ водопольемъ и болотистыхъ низменностяхъ возникновеніе пастушескаго быта совершенно невозможно, тогда какъ именно при этихъ условіяхъ развивается первобытное земледѣліе, которое возникло и процвѣло первоначально именно либо по долинамъ большихъ періодически разливающихся рѣкъ, какъ Нилъ, Тигръ и Евфратъ, Индъ и Гангесъ, Оксъ и Яксартъ, Гоан-го и Ян-це-кіангъ, или въ лѣсахъ южныхъ полуострововъ Европы и Малой Азіи, а затѣмъ и въ остальномъ европейскомъ, китайскомъ, индійскомъ полѣсьѣ. Здѣсь всюду пастушескій бытъ являлся физическою невозможностью, какъ невозможностью является онъ и на всѣхъ островахъ Океаніи, низменныхъ, покрытыхъ лѣсами и болотами. На всемъ этомъ пространствѣ, содержащемъ главную массу населенія земного шара, скотоводство въ первобытныя времена было невозможно; не было ни пастьбищъ, ни возможности уберечь стада въ лѣсныхъ зарослях, въ болотныхъ тростникахъ. Скотоводство стало возможно здѣсь лишь послѣ земледѣлія, когда была расчищена почва, осушены болота, истреблены хищники. Для земледѣлія же, первобытнаго конечно, было здѣсь наилучшее поприще съ даровымъ удобреніемъ, даровымъ орошеніемъ, богатою, сравнительно рыхлою почвою, благопріятнымъ климатомъ. Съ другой стороны, скотоводство удобнѣе всего самостоятельно возникало въ степяхъ и горахъ, богатыхъ альпійскими лугами. Но тѣ, и другія не удобны для первобытнаго земледѣлія. Твердая малоплодородная почва, сухой или суровый климатъ, беззащитность нивы отъ потравъ дикихъ травоядныхъ, изобилующихъ въ первобытной степи, все соединяется противъ первобытнаго земледѣльца. И дѣйствительно, Монголія, Аравія, Сѣверная Африка всегда были странами пастушескаго быта, куда земледѣліе проникло сравнительно поздно и никогда не могло утвердиться хозяиномъ края. Такимъ образомъ, характеръ страны предрѣшалъ путь культуры и смѣну дикаго состоянія кочевымъ или осѣдлымъ бытомъ.

Одомашненіе травоядныхъ млекопитающихъ открыло сразу чрезвычайно широкое поле для умноженія пищи съ затратою сравнительно незначительнаго труда. Стада требовали лишь охраненія, кормясь и размножаясь, принося молоко, шерсть и шкуры. Благодаря этому, вся жизнь номада-пастуха сложилась въ зависимости отъ этой основы его быта. Питался онъ молокомъ, молочными скопами и мясомъ отъ стадъ своихъ; одѣвался въ шкуры и войлоки; жилище строилъ изъ того-же матеріала. Одомашнивъ животное, онъ къ тому-же осѣдлалъ его (коня, верблюда, осла, слона), чѣмъ до-нельзя увеличилъ свою боевую силу. Сообразно съ потребностями стада въ пастьбищѣ, онъ выработалъ точный планъ

своихъ кочевокъ въ мѣста болѣе возвышенныя на лѣто, въ низменности—на зиму. Такимъ образомъ *экономическія условія* какъ бы предрѣшили и устроили всѣ особенности и весь обиходъ пастушескаго быта.

Стадо кормило, поило, одѣвало, укрывало и вооружало номада, оставляя при этомъ ему много досуга и свободнаго времени. Стадо явилось источникомъ благосостоянія и основою быта, но оно явилось уже и богатствомъ. Стада могутъ быть большія и меньшія; ихъ можно накоплять и сохранять въ количествѣ, значительно превышающемъ потребности хозяина. Въ пастушескомъ быту, слѣдовательно, могутъ быть богатые и бѣдные. Богатство, дифференцировавшись въ особое культурное явленіе, стало орудіемъ борьбы и побѣды. Каково-же значеніе этого новаго орудія, неизвѣстнаго докультурному и дикому состоянію? Для отвѣта на этотъ вопросъ намъ нужно припомнить черты политическаго быта пастуховъ-кочевниковъ. Это уже не дикое племя, состоящее изъ отдѣльныхъ супружескихъ паръ, а не то такъ и въ безразличномъ смѣшеніи коммунальнаго брака, племя, надъ которымъ властвуетъ обычай, суевѣріе, первобытная общинная мораль, да случайные вожди, возвысившіеся благодаря личной силѣ, храбрости, совершеннаго ими подвига. Легкость прокормленія не разбиваетъ семью, не отдѣляетъ дѣтей отъ родителей. Удобство охраненія стадъ большими семьями заставляетъ, напротивъ того, не раздѣляться. Подборъ, несомнѣнно, долженъ былъ покровительствовать большимъ семьямъ и, такимъ образомъ, выростаетъ родъ; племенной бытъ дикаго состоянія переходитъ въ родовой или патріархальный бытъ пастушескаго состоянія. Необходимость строгаго и внимательнаго дозора и присмотра за стадами, постояннаго и своевременнаго сбора продуктовъ (молока, шерсти), ихъ обработки и т. д., все это правильное и систематическое хозяйство, столь отличающееся отъ безпорядочнаго и безсистемнаго хозяйничанія дикаря, вызываетъ необходимость и въ правильной организаціи всѣхъ отношеній между членами рода, правильнаго распредѣленія обязанностей и правъ, наконецъ, управленія дѣлами. Тѣ роды, которые раньше усвоили и выработали эту правильность и организацію должны были, конечно, преуспѣвать, а историческій подборъ долженъ былъ устранять всѣ упорствовавшіе въ анархической дезорганизаціи дикаго быта. Родовой пастушескій бытъ повсюду, во всѣхъ широтахъ, среди всякихъ условій, у всѣхъ расъ и племенъ до такой степени одинаковъ, что не можетъ быть сомнѣнія въ наилучшей его приспособленности къ условіямъ пастушеской кочевой жизни, какъ и въ томъ, что всюду онъ выработанъ путемъ долгой эволюціи подъ повелительнымъ давленіемъ условій и подъ гнетомъ неумолимаго подбора въ борьбѣ за существованіе. Политическая организація сводится къ обширной власти родоначальника (старѣйшины, большака, патріарха) и равноправности членовъ рода, принадлежащихъ къ нему по праву происхожденія. Право, вытекающее изъ родства, власть—изъ старшинства, общее имущество, общая охрана

и общее подчиненіе руководящей власти старшины, — такова въ общихъ чертахъ политическая организація родового быта, логически развившаяся изъ того обстоятельства, что роды разрослись изъ семей, и что отъ времени до времени большіе роды дробились, какъ только кровная связь начинала ослабляться. Очень скоро, однако, въ политической организаціи родового быта сказалась одна особенность, имѣвшая очень существенное экономическое значеніе. Дѣло въ томъ, что въ степи всегда были и всегда, конечно, будутъ одинокіе отбившіеся отъ своего рода субъекты. Захудалый-ли, постигнутый бѣдствіемъ родъ разсыпается на эти составные элементы свои; обида-ли и несправедливость выгоняетъ родича изъ родимой кибитки; или преступленіе и опасеніе мести заставляетъ его избѣгать отеческой юрты и гонитъ искать счастья на далекой чужбинѣ, но такіе люди всегда скитаются по степи, покуда не пристанутъ къ какому-либо чужому роду. Конечно, здѣсь они являются не равноправными членами рода, подчиняясь, однако, власти и волѣ главы, какъ и родичи. Въ Римѣ такихъ пригульныхъ и не полноправныхъ членовъ рода называли *кліентами*, въ Афганистанѣ ихъ называютъ *хемъ-соэ* (т. е. сотѣнники, пользующіеся одною тѣнью), въ Малороссіи — *подсусѣдками* и т. д. Это очень распространенное явленіе въ эпоху родового быта, слѣды его можно найти и въ библіи. Этотъ второй классъ членовъ рода скоро дополняется третьимъ, рабами. Дикарю было нечего дѣлать съ невольникомъ, котораго надо было еще кормить. Номадъ тоже долженъ кормить раба, но у него пищи больше, нежели ему нужно и прокормить, одѣть, укрыть невольника ему ничего не стоитъ, а между тѣмъ дѣла хотя и немного, а все-таки есть, и сами члены рода охотнѣе посвятятъ себя удовольствіямъ охоты или набѣговъ. Къ тому-же рабы годятся и для войны. Въ библіи мы постоянно встрѣчаемъ, какъ патріархи вооружаютъ своихъ рабовъ для войны. Да и почему-бы рабу не воевать за родъ, которому онъ принадлежитъ, если его жизнь въ этомъ родѣ въ сущности мало отличается отъ жизни родичей? Еще плѣнный, обращенный въ раба, можетъ питать желаніе возвратиться въ свой родъ, но рожденный въ рабствѣ, не чувствующій его гнета, благодаря особымъ условіямъ пастушескаго быта, не могъ желать свободы. Что она дала бы ему? Внѣ рода тогда существованіе было невозможно, а своего свободнаго рода у него не было; его родъ былъ тотъ, въ которомъ онъ родился, хотя-бы и рабомъ. Положеніе-же раба было немногимъ хуже положенія младшаго родича или кліента. Трудъ не утомительный, образъ жизни одинаковый съ родичами; та же пища, та же кибитка, тѣ же шкуры и войлоки, тѣ же верховые кони. Поэтому-то, рабы и кліенты были источникомъ политической силы рода. Который родъ имѣлъ больше этихъ вольно и невольно сопричисленныхъ членовъ, тотъ обладалъ и большею военною силою. Онъ лучше оберегалъ свои стада и свои пастьбища и успѣшнѣе захватывалъ чужія, принадлежащія искони враждебнымъ родамъ, потому что, надо помнить, въ степи взаимныя нападенія родовъ другъ на

*

друга никогда не прекращались. Киргизская *баранта*, туркменскіе *аламаны* были явленіемъ постояннымъ и безпрерывнымъ. Поэтому-то въ степи и имѣетъ такое серьезное значеніе историческій подборъ.

Изъ этихъ бѣглыхъ замѣтокъ видно, однако, уже, въ чемъ заключалось значеніе *богатства*, какъ орудія борьбы въ разсматриваемую эпоху. Богатство номада, т. е. многочисленность стадъ, обиліе пищи, одежды, коней и пр., означало одно, — возможность содержать большее количество населенія. Родъ принималъ кліентовъ, пріобрѣталъ рабовъ, захватывалъ чужихъ женъ (т. е. размножался быстрѣе), словомъ, накоплялъ военную и политическую силу. Богатство, такимъ образомъ, служило орудіемъ политической борьбы. Это его главное значеніе въ пастушескомъ патріархальномъ состояніи, потому что возникающее здѣсь рабство еще не пріобрѣтаетъ крупнаго экономическаго значенія, имъ развитаго въ быту земледѣльческомъ, къ которому и спѣшимъ перейти теперь, такъ какъ здѣсь, а не у номадовъ, заложены были сѣмена той долгой мучительной экономической эволюціи, черезъ которую прошло историческое человѣчество и плоды которой еще продолжаетъ нести и современный цивилизованный міръ.

Въ лѣсахъ и рѣчныхъ низменностяхъ земледѣліе возникло очень рано, гораздо раньше появленія здѣсь домашнихъ животныхъ, гораздо раньше первыхъ государственныхъ организацій, порою раньше даже металлическихъ орудій, т. е. въ каменный періодъ, періодъ племеннаго быта и неорганизованнаго общежитія. Илъ, оставляемый водополъемъ, первый утилизуется земледѣльцемъ, и на занесенной разливомъ плодородной и уже рыхлой почвѣ бросаетъ дикарь первое сѣмя, изъ котораго вмѣстѣ съ первымъ колосомъ выростаетъ и зародышъ великой націи и высокой культуры. Въ другомъ мѣстѣ, вмѣсто ила первобытный человѣкъ утилизуетъ для того же лѣсныя пожарища, столь нерѣдкія въ сплошныхъ полѣсьяхъ, нѣкогда покрывавшихъ всю Европу, Сѣверную Азію, Китай, Индію. Лѣсное пожарище тоже представляетъ почти готовую почву, удобренную пепломъ и вѣковыми отложеніями листопада, разрыхленную огнемъ и тѣмъ же пепломъ, съ влагою, обезпеченною окружающими лѣсами и болотами. И сюда бросаетъ дикарь зерно и изъ этого зерна зарождается длинная культурная исторія, выростаетъ классическій міръ, развивается современная европейская цивилизація. Очень скоро эти первые земледѣльцы научаются искусственно воспроизводить условія, необходимыя для этого первобытнаго земледѣлія. Жители рѣчныхъ долинъ создаютъ систему орошенія; жители лѣсовъ вырабатываютъ огневое или лядинное хозяйство, основанное на искусственномъ очередномъ выжиганіи лѣсныхъ площадей, предназначенныхъ для земледѣлія. Все это увѣнчивается дополнительнымъ разрыхленіемъ почвы ручными орудіями, кирками или прямо заостренными дрекольями и первобытная система земледѣлія готова на долгое время. Ни рабочаго скота, ни даже металлическихъ

орудій такое земледѣліе не требуетъ, но оно требуетъ уже значительной затраты труда, цѣлесообразно скомбинованнаго и распредѣленнаго на цѣлый земледѣльческій сезонъ. Необходимостью цѣлесообразной комбинаціи рабочей силы земледѣліе сближается со скотоводствомъ (даже превосходя его); отличается же оно усиленнымъ трудомъ, неизвѣстнымъ скотоводу и прикрѣпленіемъ къ мѣстности. Осѣдлость и регулярный, тяжелый трудъ вноситъ земледѣліе въ общественную жизнь и на этихъ двухъ особенностяхъ строитъ всѣ первоначальныя отличія земледѣльческаго быта.

Земледѣліе, особенно первобытное, лишенное сотрудничества рабочаго скота, не обладающее ни усовершенствованными орудіями, ни разъ навсегда расчищенною и рыхлою пашнею, не можетъ быть ведено въ одиночку. Широкое сотрудничество необходимо для его успѣха при тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ оно зачиналось. Одно очищеніе изъ подъ лѣсного пожарища и приготовленіе нивы требуетъ комбинированнаго труда, не говоря объ уборкѣ, молотьбѣ, и т. д. Естественно, поэтому, что и земледѣліе, какъ и скотоводство, быстро упраздняетъ слабыя супружескія пары дикаго состоянія и создаетъ сильныя родовыя общины. У *Н. И. Зибера* въ трудѣ его о первобытной экономической культурѣ можно найти примѣры земледѣльческаго сотрудничества цѣлыхъ племенъ, въ другихъ отношеніяхъ еще сохраняющихъ дезорганизацію дикаго состоянія. Случаи возникновенія такого племеннаго сотрудничества очевидно относятся къ тому роду явленій, какъ и встрѣчающіеся случаи соединенія племенъ для охоты. Такія племена, уже развившія способность комбинировать свои рабочія силы для охоты или рыбной ловли, могутъ удобно переходить и къ земледѣлію общинно-племенному. Много-ли племенъ этимъ путемъ преобразовалось въ земледѣльческія общины, опредѣлить тѣмъ затруднительнѣе, что и другой путь, путь родовой организаціи земледѣльческаго труда, привелъ въ концѣ концовъ къ той же территоріальной общинѣ, которую застаемъ у всѣхъ земледѣльческихъ народовъ на зарѣ ихъ исторической жизни, у римлянъ, кельтовъ, индусовъ, славянъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда племя не находило въ своемъ звѣроловномъ прошломъ основъ для возникновенія новой экономической организаціи земледѣльческаго труда, эта организація возникала тѣмъ же путемъ, какъ и организація скотоводческаго труда, т. е. ростомъ семей, развившихся въ роды, такъ какъ только большія семьи были достаточно сильны для борьбы съ природою и для обороны отъ сосѣдей. Славянскія задруги представляютъ такой типъ родовой земледѣльческой общины. И однако этотъ родовой бытъ не должно смѣшивать съ родовымъ бытомъ номадовъ. Тяжелые труды, которые должны нести всѣ члены родовой общины и вознагражденіемъ котораго служитъ успѣхъ земледѣлія, создаетъ въ понятіи членовъ общины сознаніе права на это вознагражденіе. *Трудовое начало права* выступаетъ тутъ довольно ярко вмѣсто *кровнаго права* кочевого быта. Я не думаю дѣлать одно начало

исключительною принадлежностью скотовода, а другое — земледѣльца, но несомнѣнно одно покровительствуется условіями пастушескаго быта, гдѣ *родовое* наслѣдіе (въ стадахъ) есть главная основа быта, а трудъ лишь охраняетъ это наслѣдіе (которое само плодится и множится), тогда какъ условія земледѣльческаго быта естественно выдвигаетъ трудовое право, потому что основою быта и благосостоянія является здѣсь трудъ, а родовое наслѣдіе играетъ сравнительно второстепенную роль. Натурально, если трудъ предъявляетъ все больше и больше правъ на руководящую роль въ устроеніи общественныхъ отношеній. Не мудрено поэтому, что пристающіе къ земледѣльческой общинѣ, хотя бы и сохранявшей черты родоваго устройства, посторонніе по крови, но равно участвующіе въ трудѣ члены очень скоро уравниваются въ правахъ своихъ съ прирожденными ея членами.

Я не буду слѣдить здѣсь за развитіемъ общины земледѣльческой, за въ высшей степени интересными фазами, которыя она переживала и переживаетъ, потому что это очень далеко завлекло бы меня отъ главнаго предмета статьи. Мой предметъ—богатство, какъ орудіе борьбы, и земледѣльческая община, подобно дикому состоянію, еще не знаетъ такого орудія (я говорю о первобытныхъ временахъ, когда рядомъ съ общинами не выросли другія общественныя образованія). Земледѣліе, однако, создаетъ богатство, допускаетъ его накопленіе и, слѣдовательно, открываетъ путь для того, чтобы и оно выступило орудіемъ борьбы, какъ ясно мы видѣли въ быту пастушескомъ. Только тамъ сама пастушеская община употребила ее, какъ орудіе борьбы, а здѣсь община земледѣльческая остается чуждою этому движенію и имъ пользуются совершенно новыя общественныя образованія, неизвѣстныя ни дикому состоянію, ни родовому быту пастушескихъ народовъ, ни общинному быту первоначальныхъ земледѣльцевъ. Къ нимъ мы и переходимъ въ слѣдующей главѣ.

IV. Экономическія орудія въ индивидуальной борьбѣ.

Земледѣліе, по самому существу своему, — занятіе, требующее мира и антагоничное состоянію вѣчной военной тревоги. Вѣчная баранта, постоянные аламаны не противорѣчатъ кочевому пастушескому быту; такое же состояніе для земледѣльца является смертельнымъ приговоромъ. Земледѣліе—трудъ упорный, правильный, требующій постояннаго вниманія и прилежанія. Нельзя во время жатвы браться за оружіе для обороны отъ набѣга или для удалого предпріятія въ отместку былого нападенія. Эту заботу объ оборонѣ трудовой нивы и о наказаніи хищниковъ земледѣлецъ долженъ волею неволею съ себя снять и переложить на кого нибудь другого. Въ случаяхъ большихъ опасностей онъ еще можетъ ополчаться и выступать въ поле всѣмъ народомъ, всѣмъ міромъ, но постоянно изо дня въ день стеречь и сражаться значило бы отказаться отъ труда. Онъ не отказывается отъ труда, но беретъ на

себя содержаніе военныхъ спеціалистовъ, которые бы охраняли его въ обыкновенное время, устраняли бы междуплеменную и междуродовую смуту, мелкія междоусобія и набѣги, словомъ умиротворяли бы страну, безъ чего земледѣліе не можетъ преуспѣвать. Мы знаемъ, что именно такъ поступили основатели русскаго государства, земледѣльческія племена ильменскихъ и кривскихъ славянъ. «Родъ всталъ на родъ», характеризуетъ намъ лѣтописецъ то состояніе, которое призваны были устранить князья съ ихъ военною дружиною. *Земля наша велика и обильна*, разсуждали сами новгородцы, *а порядка въ ней*, т. е. мира, *нѣтъ*, что необходимѣе всего земледѣльцу и вотъ естественный выводъ «придите княжить и володѣть нами», т. е. мы будемъ вамъ платить дань, а вы водворите миръ и обороняйте отъ набѣговъ сосѣдей. Легендали это лѣтописное сказаніе, или историческій фактъ,—для насъ это не важно, потому что оно несомнѣнно есть отраженіе взглядовъ и желаній земледѣльческаго свободнаго народа, какимъ тогда были всѣ восточные славяне. Здѣсь такъ, въ другомъ мѣстѣ иначе, но всюду земледѣльческіе народы пришли къ выдѣленію военнаго сословія, которому вмѣстѣ съ тѣмъ были предоставлены и нѣкоторые атрибуты управленія, необходимые для миссіи умиротворенія и обороны, ради которой они и были созданы. Такъ произошло первое крупное общественное дифференцированіе и вмѣстѣ съ тѣмъ возникло государство, задача котораго установленіе внутренняго мира, охраненіе установившихся правъ, оборона отъ непріятеля. Такъ какъ вторая задача, при почти недифференцированномъ состояніи, сводилась почти цѣликомъ на первую, то естественно, что земледѣльческій народъ ее передалъ въ руки того же военнаго сословія.

Это первое дифференцированіе, создавшее политическую власть и предрѣшившее всѣ остальныя, очень скоро и изъ богатства сдѣлало новое орудіе борьбы. Дань собственнаго земледѣльческаго населенія военное сословіе дополняло грабежемъ сосѣдей во время войны и набѣговъ. Эти же войны создали и институтъ рабства. Воины брали въ плѣнъ непріятелей и, приведя домой, обращали ихъ на земледѣльческія работы. Рядомъ съ земледѣліемъ свободнымъ возникало земледѣліе невольничье. Институтъ кліентовъ тоже развивался, потому что все бездомное, скитальческое населеніе охотно шло на службу славныхъ воиновъ, воевало вмѣстѣ съ ними, а въ мирное время трудилось, образовывало зависимое вассальное состояніе. Такимъ образомъ, сила и богатство господствующаго военнаго сословія росли и развивались и, конечно, было не мало причинъ для столкновенія его съ земледѣльческою массою. Эта масса нуждалась въ землѣ, въ водахъ, въ угодьяхъ, но и вассалы военнаго сословія тоже нуждались въ томъ же. Столкновенія эти двояко вели къ подавленію земледѣльческой массы. Если она пробовала бороться силою, то усмиренная силою же она прямо попадала въ рабство. Если же она не рѣшалась бороться, то добровольно переходила въ вассальное состоя-

ніе, чтобы имѣть могущественную защиту. Вспомнимъ процессъ перехода алодіальной собственности въ феодальную въ началѣ среднихъ вѣковъ. Вспомнимъ переходы въ XVI — XVII вв. нашихъ черносошныхъ, т. е. свободныхъ крестьянъ на боярскія и монастырскія земли, или многочисленныя добровольныя перечисленія рэстровыхъ казаковъ въ посполитые въ XVIII в. въ Малороссіи. Таковъ этотъ процессъ. Вообще, можно сказать, что рабскій трудъ и свободный рядомъ существовать не могутъ и одна форма должна очистить мѣсто другой. Такъ развилась и распространилась рабская организація труда, замѣнившая собою общинно-родовую организацію догосударственнаго періода. Всѣ древнія земледѣльческія государства развили рабство земледѣльческихъ классовъ и древній міръ палъ, не разрѣшивъ рабскаго вопроса. Вся новая Европа, какъ страна земледѣльческая, тоже прошла этотъ печальный фазисъ всеобщаго рабства земледѣльца. Оно естественно выросло изъ дифференцированія общества, которое стало необходимостью послѣ того, какъ земледѣліе потребовало внутренняго умиротворенія и внѣшней безопасности безъ призыва къ оружію всѣхъ гражданъ.

Вообще съ тѣхъ поръ, какъ трудъ сталъ основою экономическаго быта (а это случилось лишь послѣ возникновенія земледѣлія), и раздѣленіе труда, какъ его выгоднѣйшая форма, немедленно проявило свое вліяніе. Дифференцированіе стало закономъ общественной жизни. Ремесла, необходимыя для успѣховъ земледѣлія такъ же, какъ и для военнаго искусства, выдѣлились вслѣдъ за военною обороною. Раздѣленіе труда вызвало потребность въ обмѣнѣ и обмѣнъ тоже спеціализировался въ особомъ классѣ. Ремесло и торговля распадались дальше на спеціальности; само господствующее сословіе—на военное, гражданское, духовное, на іерархію властей и сословій. Оставляя въ сторонѣ вліяніе на экономическія стороны этого процесса, мы отмѣтимъ лишь то обстоятельство, что цѣлью институтовъ рабства и колоната было богатство и что само богатство дозволяло дальнѣйшее развитіе этихъ институтовъ. Скупка рабовъ, кабаленіе свободнаго населенія, добровольное подданство аристократамъ, все это вызывалось силою богатства. Созданное рабскою организаціею труда, богатство служило ей опорою и поддержкою и въ этомъ смыслѣ являлось могучимъ орудіемъ борьбы, хотя на этой стадіи его значеніе и вліяніе еще нераздѣльно связано съ вліяніемъ и значеніемъ политической власти. Рабовладѣніе является одновременно и богатствомъ, и властью; и экономическимъ явленіемъ, и политическимъ институтомъ. Поэтому, и въ общественной борьбѣ того времени, невозможно отдѣлить экономическую отъ политической и сказывается она въ формахъ, скорѣе политическихъ, бунтахъ, междоусобіяхъ, казняхъ, экзекуціяхъ. Только свободные земледѣльцы, предоставленные сами себѣ, ведутъ борьбу экономическую, но не выдерживая конкуренціи рабскаго труда, не находя защиты и безопасности въ смутное время, когда безъ

сильнаго патрона нѣтъ ни защиты, ни безопасности, быстро очищаютъ поле исторіи, немногіе пробиваясь въ ряды рабовладѣльцевъ, большинство опускаясь въ ряды несвободнаго населенія. Таково состояніе общества при рабской организаціи труда. Дальнѣйшее самостоятельное развитіе этого строя мы уже знаемъ: деморализація и деградація активности, какъ у рабовладѣльцевъ, вырождающихся отъ праздности и ничѣмъ не сдерживаемой разнузданности, такъ и у рабовъ, деградирующихъ подъ вліяніемъ несвободнаго труда, совершеннаго отсутствія самодѣятельности, деморализующаго безправія. Паденіе государства, упрочившаго рабство и не умѣющаго освободиться отъ него, является предрѣшеннымъ. Такъ пали всѣ государства древняго міра, но не такъ пошла исторія новой Европы.

Мы видѣли выше, какъ рабская организація труда становится въ разрѣзъ и противорѣчіе съ прежнею общинно-родовою его организаціей и постепенно ее замѣняетъ, разлагая и свободныя земледѣльческія наслоенія на рабовладѣльцевъ и рабовъ. Но тотъ-же процессъ дифференцированія, который привелъ къ этому состоянію всеобщаго порабощенія, выдѣляетъ, какъ мы видѣли, не только господствующія сословія, жреческое и военное, развивающія вслѣдъ за тѣмъ рабовладѣніе, но и другія сословія, основанныя на раздѣленіи труда, продолжающія трудиться, каковы ремесленники и купцы. Эти свободныя сословія и вмѣстѣ съ тѣмъ не рабовладѣльческія являются главнымъ и самымъ существеннымъ диссонансомъ въ рабскомъ строѣ. На нихъ же падаетъ и вся тяжесть борьбы съ этимъ строемъ. Города, столь же чуждые рабскому селу, какъ и рабовладѣльческому замку, явились въ Новой Европѣ главною силою, поборовшею рабовладѣльческія сословія и тѣмъ самымъ отмѣнившею и само рабство. Такія же силы возникали и въ древнемъ мірѣ; но тамъ условія международной борьбы, дававшей торжество *культурнымъ* преимуществамъ (благодаря культурному неравенству сторонъ), вели къ тому, что историческій подборъ не покровительствовалъ этимъ анти-невольничьимъ силамъ, тогда какъ въ Новой Европѣ онъ взялъ ихъ подъ свое покровительство. Извѣстна роль городовъ въ общественной борьбѣ второй половины среднихъ вѣковъ и извѣстно также, насколько общества, въ которыхъ города пріобрѣли нѣкоторый успѣхъ (Англія, Франція, Нидерланды, Сѣверная Италія), оказались активнѣе, самодѣятельнѣе, свободнѣе обществъ, въ которыхъ, какъ въ Испаніи, Средней и Южной Италіи, большей части Германіи, Польшѣ, Московской Россіи, города были подавлены. При относительномъ равенствѣ культурныхъ орудій, которыми эти европейскія общества вели взаимную борьбу, побѣда должна была остаться за тѣми, которыя болѣе успѣли въ активности и солидарности, что мы и видимъ въ дѣйствительности. Благодаря этому, Новая Европа могла освободиться отъ рабства, тогда какъ древній міръ своею погибелью обязанъ невозможности высвободиться изъ подъ его деморализующаго и деградирующаго гнета.

Городскія сословія вынесли на своихъ плечахъ эту первую крупную побѣду активности надъ культурностью, это первое доказательство, что органическое развитіе не есть и не должно быть историческимъ закономъ. Тяжела была борьба, она требовала напряженія всѣхъ силъ, самаго цѣлесообразнаго ихъ примѣненія. Борьба была сословная, побѣда должна была дать преимущества, экономическія и политическія, торжествующимъ сословіямъ. Рабовладѣніе, его укрѣпленіе и расширеніе являлись плодомъ побѣды феодальныхъ сословій; профессіональныя монополіи служили вознагражденіемъ при побѣдѣ сословій городскихъ. Купеческія гильдіи и ремесленные цехи были необходимою организаціей для борьбы; привиллегіи, устанавливавшія въ ихъ пользу монопольныя права, являлись естественною наградою и плодами борьбы и побѣды. Такимъ образомъ, монополія была противупоставлена рабовладѣнію. Но что такое сама монополія? Не является-ли она, подобно рабовладѣнію, орудіемъ полу-политическимъ, полу-экономическимъ, доставляющимъ ея владѣльцу (монополисту) богатства, несоотвѣтственныя его труду, т. е. богатства, созданныя трудомъ другихъ, не монополизированныхъ работниковъ? Несомнѣнно, таково общее экономическое значеніе монополіи и несомнѣнно, она явилась поэтому могучимъ политическимъ и экономическимъ орудіемъ борьбы, но несомнѣнно также, что сравнительно съ рабовладѣніемъ она является въ высшей степени смягченною и гораздо менѣе суровою формою. Не говоря даже о томъ, что она въ меньшей степени узурпируетъ плоды чужого труда, чѣмъ рабовладѣніе, монополія не налагаетъ узъ на другія стороны жизни и дѣятельности населенія, лишеннаго монополіи, или вѣрнѣе не всегда и не при всякихъ обстоятельствахъ это дѣлаетъ, а если и допускаетъ такія узы (напр. ландлордизмъ, эта самая суровая форма монополіи), то все-же въ меньшемъ размѣрѣ и степени. Монополія была, однако, орудіемъ борьбы противъ рабовладѣнія; она давала богатство гильдіямъ и цехамъ, она оплачивала эти организаціи, она направляла ихъ усилія противъ феодаловъ. Это ея историческая заслуга, но она собою замѣнила рабовладѣніе, въ себѣ возродила, хотя и въ смягченной формѣ, неправедный режимъ господства надъ чужимъ трудомъ и въ этомъ ея историческій пассивъ. Она дѣйствительно замѣнила собою рабовладѣніе, потому что въ исторической преемственности экономическихъ явленій дѣйствительно рабство смѣнилось латифундіями и ландлордизмомъ (монопольнымъ землевладѣніемъ), феодальные поборы — государственными откупами и т. д. Монополія воцарилась вмѣсто рабовладѣнія и стала исторически второю формою экономической борьбы государственнаго періода всемірной исторіи. Если только въ недавнее время исчезли послѣдніе остатки рабской организаціи труда въ цивилизованныхъ странахъ Европы и Америки (въ Бразиліи, Кубѣ, Порто-Рико они даже не совсѣмъ еще исчезли и находятся въ состояніи медленнаго и постепеннаго упраздненія), то тѣмъ менѣе въ правѣ мы ожидать совѣршеннаго упраздненія монопольной организаціи, смѣ-

нившей собою рабскую. Монопольное землевладѣніе, напр., существуетъ и даже преобладаетъ еще во многихъ странахъ. Профессіональныя монополіи (гильдейскія и цеховыя) отмѣнены полнѣе, но и то не вполнѣ. Откупныя финансовыя монополіи, хотя и перестали быть общимъ явленіемъ, какъ прежде, но встрѣчаются тамъ и сямъ, порою возрождаются то здѣсь, то въ иномъ мѣстѣ. Явились новыя формы монополіи, какъ напр., частныя желѣзныя дороги, частные телеграфы, водопроводы, газопроводы и т. д. Монополія, такимъ образомъ, еще далеко не умершее явленіе общественной жизни, что не мѣшаетъ однако считать монопольный періодъ экономической исторіи нашей цивилизаціи уже свершившимъ свой циклъ, отошедшимъ въ прошедшее. Монополіи еще существуютъ, порою могущественно вліяютъ на экономическую жизнь той или другой страны, но вліянія эти лишь пертурбаціонныя, нарушающія правильность главнаго теченія, которое направляется совершенно иными факторами. Монополія уже очистила мѣсто капиталу.

Монополія выросла, какъ мы видѣли, изъ сословной организаціи и сословной борьбы. Когда однако при ея помощи удалось поразить рабовладѣніе и политическое сословное господство, тогда сословность стала быстро изчезать изъ европейскихъ обществъ, сословная борьба отходила на второй планъ (уступая мѣсто борьбѣ общественныхъ классовъ, но замкнувшихся въ сословную организацію), а съ тѣмъ вмѣстѣ и сословная монополія стала терять почву и опору. Монополія, имѣющая не только сословный характеръ, но и личный (стало быть, вліяющая на формированіе не замкнутыхъ классовъ), какъ напр. земельная монополія, или желѣзнодорожная, должна была натурально сохраниться дольше, тѣмъ болѣе, что такая монополія не находится въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ новымъ экономическимъ режимомъ, опирающимся на *разобщеніи факторовъ производства.* Монопольное землевладѣніе въ сущности осуществляетъ одну изъ задачъ этого новаго режима, выдѣляя земли, какъ одинъ изъ элементовъ производства, въ руки отдѣльнаго класса. Новому режиму противорѣчитъ лишь замкнутость земельной монополіи, отсутствіе свободной торговли землею, свободнаго ея обращенія на рынкѣ. Къ этому и пришло землевладѣніе въ большей части Европы и къ этому стремится либеральная экономическая школа повсюду. Мобилизація поземельной собственности — ея идеалъ, но мобилизація, отмѣняя замкнутость земельной монополіи, лишая ея сословнаго характера и приравнивая землю, въ качествѣ товара, ко всякой другой цѣнности, обращающейся на рынкахъ, вовсе не въ силахъ дать землю въ руки тѣхъ, кто ее обработываетъ, да она и не стремится къ этому. Отмѣняя сословную и даже личную монополію, эта монополія ни мало не возстаетъ противъ разобщенія земли, какъ фактора производства, отъ прочихъ факторовъ производства, капитала и труда. Болѣе внимательный анализъ показываетъ даже что совершенная мобилизація поземельной собствен-

ности, совершенный отказъ государства отъ исконнаго своего права регулировать характеръ землевладѣнія влечетъ скорѣе всего къ обезземеленію массъ, къ разобщенію факторовъ производства.

Монополія выдѣлила землю и тѣмъ положила основаніе разобщенію факторовъ производства. Монополія же профессіональная (гильдейская и цеховая) и финансовая (откупа и пр.) содѣйствовала скопленію движимыхъ богатствъ въ рукахъ монополистовъ, положила основаніе обособленію другого фактора, капитала, тоже ставшаго достояніемъ особаго класса. Такимъ образомъ, предъидущіе періоды рабской и монопольной организаціи труда создали основу для разобщенія факторовъ производства и оставили массу населенія лишенною и земли и капитала, обладательницею единственно рабочею силою. Этотъ процессъ успѣлъ совершить свое полное развитіе лишь въ самыхъ передовыхъ странахъ нашей цивилизаціи и уже начинаетъ встрѣчать и тамъ противодѣйствіе со стороны новыхъ явленій экономической жизни, о которыхъ слова два скажемъ ниже. Въ большинствѣ же европейскихъ странъ процессъ этотъ еще далеко не достигъ полнаго развитія, да вѣроятно и не достигнетъ, что особенно слѣдуетъ сказать о Россіи.

Разобщеніе факторовъ производства тѣмъ сближается съ монопольнымъ строемъ, что подобно ему служитъ способомъ скоплять богатство въ немногихъ сравнительно рукахъ. Отличается же этотъ строй тѣмъ, что еще болѣе монопольнаго режима освободился изъ подъ зависимости режима политическаго. Рабовладѣніе было институтомъ и экономическимъ и политическимъ, выражаясь единовременно и въ формѣ власти и въ формѣ богатства (невольникъ былъ подданнымъ господина и его достояніемъ, цѣнностью), опиралось на силу, политическую и экономическую, и создавало плоды, политическіе и экономическіе, прямо и косвенно. Монополія тоже исходила изъ политической организаціи, была политическимъ институтомъ, но въ жизни она прямо выражалась лишь экономическимъ, была богатствомъ (вѣрнѣе, даже источникомъ богатства), но не властью, и приносила плоды экономическіе прямо и косвенно, а политическіе лишь косвенно, чрезъ экономическіе. Разобщеніе факторовъ производства дѣлаетъ въ этомъ направленіи еще шагъ. Конечно, какъ всякое общественное явленіе (но не болѣе того), оно находится въ зависимости отъ политическаго состоянія страны и, какъ всякое же явленіе, имѣетъ косвенное вліяніе на это политическое состояніе, но это и всѣ его отношенія къ политикѣ. Само по себѣ оно является институтомъ чисто экономическимъ, выражается лишь въ богатствѣ, а не власти (непосредственно, конечно), приноситъ прямые плоды, тоже только экономическіе. На этой стадіи экономическія орудія борьбы уже вполнѣ дифференцировались отъ политическихъ и *капиталъ*, какъ такое орудіе, представляется явленіемъ чисто экономическимъ. Онъ—богатство; онъ служитъ орудіемъ для его сосредоточенія и распредѣленія; онъ является силою, экономически дифференцирую-

щею общество. Въ настоящемъ фазисѣ экономической исторіи капиталъ есть главное экономическое орудіе индивидуальной борьбы (мы увидимъ ниже, что то же значеніе онъ пріобрѣтаетъ и въ международной борьбѣ). Выдѣленіе капитала въ качествѣ такой первенствующей экономической силы (гдѣ прежде служило землевладѣніе, монополія, рабовладѣніе, смотря по фазису экономическаго развитія) и представляетъ новый признакъ новѣйшаго экономическаго строя.

Прежнее богатство временъ общинно-родовой, рабской или монопольной организаціи труда состояло въ накопленіи предметовъ потребленія, *продуктовъ производства*. Для того, чтобы присвоить эти продукты труда, господствующіе классы и должны были прибѣгать къ прямымъ политическимъ мѣрамъ, употреблять власть и принужденіе. Отсюда рабство, колонатъ, феодальныя земельныя права, привиллегіи и монополіи. Такъ было прежде; отнынѣ же богатство заключается уже не столько въ накопленіи продуктовъ труда, сколько въ сосредоточеніи *орудій труда*. Такое богатство не нуждается болѣе въ соединеніи съ политическою властью для того, чтобы получить продукты производства въ свое распоряженіе; оно ихъ получаетъ въ обмѣнъ за пользованіе орудіями, которыхъ не имѣетъ трудъ (разобщеніе факторовъ). Таковы этапы, чрезъ которые экономическая жизнь доходитъ до господства капитала.

Естественное развитіе такого строя, предоставленнаго самому себѣ, имѣетъ громадный и теоретическій и практическій интересъ. Исторія еще не дала примѣровъ такого развитія до конца и объ его направленіи и исходѣ можно лишь строить гипотезы, основанныя на теоретическихъ соображеніяхъ. Наиболѣе извѣстно теоретическое построеніе которое видѣло въ капиталѣ, съ его крупнымъ производствомъ и сосредоточеніемъ капитала и труда въ большихъ предпріятіяхъ, лишь естественную стадію отъ индивидуализма къ коопераціи. Капиталъ, лишая работника самостоятельнаго труда и сгоняя его на фабрику, *обобществляетъ трудъ*, пріучаетъ его къ дисциплинѣ коллективной работы, вырабатываетъ для того формы. Въ этой проблеммѣ обобществленія и дисциплинированія индивидуальнаго труда видѣла эта доктрина миссію капитала. Отвлекая экономическія явленія отъ всякаго соотношенія съ другими, а рабочую силу отъ ея живыхъ носителей, членовъ рабочаго сословія, нельзя не признать логичности этого построенія, но дѣло въ томъ, что такое отвлеченіе само по себѣ правильно лишь, какъ приступъ къ изслѣдованію, какъ попытка предварительнаго логическаго изолированія предмета наблюденія для лучшаго ознакомленія съ его специфическими сторонами, но затѣмъ построеніе должно принять во вниманіе и другія явленія и вліянія, могущія совершенно извратить и исказить вліяніе тѣхъ специфическихъ сторонъ. А этого то и не додѣлываетъ интересующее насъ построеніе. Строго говоря, и рабство обобществляетъ трудъ и дисциплинируетъ рабочую силу, но кто же скажетъ, что оно подготовляетъ обще-

ственную организацію труда? Оно ее повсюду разлагало... И это совершенно естественно. Для общинной организаціи труда необходима и солидарность, и самодѣятельность, способность самостоятельно координировать свои дѣйствія съ дѣйствіями цѣлаго. Рабство, деморализующее безправіемъ и лишающее рабочаго самостоятельности, лишаетъ его именно тѣхъ способностей, которыя необходимы для общиннаго труда, хотя оно внѣшнимъ образомъ обобществляетъ и дисциплинируетъ... Такимъ же внѣшнимъ обобществленіемъ и несамодѣятельною дисциплиною отличается и капиталъ. Эта организація труда не требуетъ солидарности рабочихъ и лишаетъ ихъ самодѣятельности, а широкое раздѣленіе труда открываетъи другія ворота для деградаціи, чрезъ дифференцированіе, чему не поможетъ никакое обобществленіе труда. Если отъ капитала и ведетъ путь къ дальнѣйшему общественному прогрессу, то не чрезъ его прямые плоды, а какъ и отъ рабства, вопреки этимъ прямымъ плодомъ.

Опасности господства капитала, не знающаго ни узды, ни препоны, начинаютъ все яснѣе и шире сознаваться въ современныхъ обществахъ. Такъ называемый государственный соціализмъ является выраженіемъ такого сознанія въ правящихъ классахъ; рабочее движеніе—въ массахъ. Можно спорить о цѣлесообразности и раціональности того и другого, но главное въ этихъ явленіяхъ—то, что сила, стремящаяся отмѣнить и эту новую форму культурной интеграціи, постепенно складывается и растетъ и, конечно, найдетъ раціональный исходъ, какъ нашла и изъ рабскаго, и изъ монопольнаго строя. Факты эти особенное значеніе имѣютъ для экономически отсталыхъ странъ, которыя, какъ Россія, еще лишь вступили на путь развитія капитала и въ главныхъ чертахъ своего экономическаго строя принадлежатъ еще предъидущимъ фазисамъ, общинно-родовому (пережившему рабство) и монопольному.

Такова историческая схема экономической борьбы внутри обществъ. Въ догосударственный періодъ вырабатывается, какъ особое явленіе, богатство, зарождаясь и въ пастушескомъ и въ земледѣльческомъ быту; въ періодъ государственный экономическая борьба переживаетъ три главныхъ періода, когда главнымъ орудіемъ борьбы служили поочередно — рабовладѣніе, монополія, разобщеніе факторовъ производства. Паденіе рабовладѣнія было устраненіемъ прочно сложившейся и въ высшей степени опасной культурной интеграціи, склонявшей общество къ деморализаціи и потерѣ активности; замѣна рабства монополіей было возрожденіемъ той же культурной интеграціи, но въ смягченной формѣ и съ нѣкоторымъ разобщеніемъ интеграціи экономической отъ политической. Замѣна монопольнаго строя господствомъ капитала является дальнѣйшимъ успѣхомъ въ этомъ направленіи, дальнѣйшимъ смягченіемъ формы экономическаго господства, дальнѣйшимъ разобщеніемъ экономическаго господства отъ политическаго. Должны-ли мы нынѣ, стоя у начала паденія и этой формы, ожидать появленія новой формы экономическаго господства, еще болѣе мягкаго,

еще менѣе связаннаго съ политическимъ институтомъ страны? Или исторія уже исчерпала чашу испытаній человѣчества и экономическое господство уже видитъ свой предѣлъ? Для отвѣта на эти вопросы современная жизнь даетъ еще недостаточно матеріала, капиталъ еще въ зенитѣ своего господства, характеръ и формы его наслѣдника еще, хотя бы смутно, не обрисовались на фонѣ исторіи.

Обозрѣвъ, такимъ образомъ, главные фазисы, чрезъ которые прошла индивидуальная экономическая борьба, мы теперь снова возвращаемся къ экономической борьбѣ международной, главной темѣ нашей статьи.

С. Южаковъ.

ЖИВЫЯ ЦИФРЫ.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОРЬБА.

Соціологическій этюдъ.

V.

Экономическія орудія въ международной борьбѣ.

1. Историческое обозрѣніе.

Въ главѣ третьей мы сдѣлали бѣглое обозрѣніе экономическихъ орудій борьбы въ догосударственный, доисторическій періодъ жизни человѣчества. Въ дикомъ состояніи богатство, т. е. накопленіе предметовъ матеріальной или экономической культуры, еще почти отсутствуетъ. Нѣтъ богатства, не можетъ оно быть и орудіемъ борьбы. Богатство, какъ опредѣлившееся общественное явленіе, появляется впервые на слѣдующихъ стадіяхъ общественнаго развитія; оно уже начинаетъ накопляться и въ пастушескомъ родовомъ быту, и въ земледѣльческомъ общинно-родовомъ и общинно-племенномъ (позднѣе, общинно-территоріальномъ, возникшемъ изъ развитія того и другого). Мы прослѣдили въ общихъ чертахъ развитіе этого новаго явленія въ обоихъ случаяхъ и при этомъ обозрѣли его значеніе въ борьбѣ, какъ индивидуальной, такъ и общественной, междуродовой и междуобщинной. Значеніе его въ индивидуальной борьбѣ въ этомъ фазисѣ совершенно минимальное въ виду общаго владѣнія территоріей и орудіями производства, въ виду общественной организаціи труда. Большее значеніе имѣетъ оно въ коллективной борьбѣ, даруя численный перевѣсъ болѣе богатому роду, болѣе богатой общинѣ и вызывая первыя дифференцированія внутри общины. Ознакомившись, такимъ образомъ, съ экономическою стороною междуобщественной борьбы въ доисторическій періодъ, мы можемъ теперь прямо приступить къ ея развитію и ходу въ эпоху историческую, въ періодъ государственный.

Исходя изъ общихъ законовъ историческаго развитія, какъ оно уже нами выяснено въ предшествующихъ главахъ, мы должны ожидать, что вначалѣ и международная экономическая борьба

должна сливаться съ политическою и лишь постепенно выдѣляться въ особое независимое явленіе. Такъ мы и видимъ въ дѣйствительности. Самый древній періодъ экономическихъ международныхъ отношеній можетъ быть названъ завоевательнымъ и хищническимъ. Націи нападали на націи съ прямою цѣлью грабежа. Галлы *Бренна* ни для чего иного приходили подъ стѣны Рима, какъ ради стяжанія; черезъ тысячелѣтіе для того-же обрѣли ту-же дорогу Остъ-Готы *Аларика* и Гунны *Аттилы*. Морскіе походы Вандаловъ по берегамъ Средиземнаго моря, Норманновъ—по всему европейскому побережью, русскихъ князей древнѣйшаго періода на Византію, наконецъ подвиги запорожскихъ и донскихъ казаковъ на Черномъ морѣ, — все это явленія этого рода, занесенныя въ европейскія хроники. Азіатскія лѣтописи много ими богаче и обильнѣе. Добыча, т. е. экономическая выгода, всюду здѣсь служитъ причиною нападенія. Это борьба столько-же экономическая, сколько политическая, но плодами ея является лишь временное перераспредѣленіе богатства, не имѣющее постояннаго и упрочившагося характера. Здѣсь еще нѣтъ экономическаго господства одной націи надъ другою. Съ того момента, когда культурная нація, служащая предметомъ нападенія, убѣждается въ невозможности разъ навсегда избавиться отъ хищниковъ, она входитъ въ соглашеніе о постоянной дани взамѣнъ періодическихъ грабежей. Отношенія такимъ образомъ упрочиваются и возникаетъ экономическое международное господство. Это не то завоеваніе, которое влечетъ образованіе сложнаго общества, превращая покоренную націю въ личныхъ рабовъ и личныхъ вассаловъ покорителей, водворяющихся въ завоеванной территоріи или переводящихъ порабощенное населеніе къ себѣ въ неволю. Подобныя завоеванія завершаютъ собою международную борьбу и открываютъ внутреннюю. Мы-же имѣемъ теперь дѣло съ тою формою завоеванія, когда населеніе остается на своихъ мѣстахъ; ни побѣдители не вселяются въ побѣжденную страну, ни покоренные не выселяются оттуда; правящіе классы побѣжденной страны остаются на своихъ мѣстахъ, ея жизнь продолжаетъ свое самостоятельное теченіе. Только устанавливается между двумя странами отношенія, обязывающія одну изъ нихъ, въ ея цѣломъ, подчиниться другой. Подчиненіе это обыкновенно выражается и въ политическихъ, и въ экономическихъ терминахъ. Поставка военныхъ контингентовъ, различныя формы вассальной зависимости, права инвеституры и утвержденія правителей покоренной страны правителями побѣдителей,—таковы различныя формы политическаго подчиненія. Дань является экономическою стороною этого подчиненія.

Въ исторіи это очень распространенная форма международныхъ отношеній. Завоеванія, которыми наполнена исторія Египта, Вавилона, Ассиріи, отчасти древней Персіи, большею частью принадлежатъ къ этому типу. Того-же рода было покореніе Россіи монголами. Позднѣе въ такомъ чистомъ видѣ эта форма постепенно вытѣсняется, какъ слишкомъ шаткая. Господство, оставляю-

щее покоренной странѣ политическую организацію, есть очень непрочное господство (я не говорю, конечно, о случаяхъ федеративныхъ отношеній, которыя нельзя и назвать господствомъ) и является, въ минуту тяжелыхъ испытаній, источникомъ слабости. Мятежи охватываютъ покоренныя страны и борьба съ внѣшнимъ врагомъ осложняется борьбою съ вассалами. Въ новѣйшей исторіи лучшею иллюстраціею этого положенія вещей явилось отношеніе между Турціей и ея вассалами на Дунаѣ. До сихъ поръ еще не было ни одной войны, гдѣ-бы эти подданные султана не присоединялись къ его врагамъ. Кромѣ Турціи современная исторія можетъ цитировать лишь одинъ довольно значительный и вполнѣ установившійся примѣръ подобныхъ-же отношеній, именно отношенія между Англіей и вассальными государствами Индостана. Нѣчто въ этомъ-же родѣ начинаетъ устанавливаться въ отношеніяхъ Россіи къ Бухаріи и Хивѣ, Франціи — къ Аннаму, Англіи — къ Афганистану. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, однако, перевѣсъ культурности слишкомъ великъ, чтобы можно было ожидать особыхъ неудобствъ для сюзеренной власти. Какъ-бы то ни было, но вообще эта форма господства націи надъ націей теперь встрѣчается рѣдко и уже давно начала смѣняться другими формами.

Мятежи покоренныхъ странъ, находившіе себѣ опору въ политической организаціи, ими сохраненной, очень скоро повели къ тому, что вмѣсто независимой политической организаціи покорители стали давать покореннымъ собственную. Уже ассирійскіе цари, вообще державшіеся обыкновенія оставлять покореннымъ странамъ ихъ собственную политическую организацію, были вынуждаемы иногда постоянными мятежами упразднять такую политическую автономію и вводить въ страну собственное верховное управленіе. Система эта, бывшая исключеніемъ при ассирійскихъ и вавилонскихъ властителяхъ Востока, стала преобладающею при иранскихъ царяхъ. Персы возстановили политическую автономію Іудеи, сохранили ее за Финикіей и многими другими мелкими странами, но упразднили въ Вавилонѣ, Ассиріи, Египтѣ, Мидіи и вообще всюду, даже рядомъ съ туземными царями, назначали сатраповъ. И эту форму политическаго господства не должно смѣшивать съ завоеваніями, ведущими къ образованію сложныхъ обществъ. Египетъ, Финикія, Іудея, Вавилонъ продолжали жить своею особою культурною и національною жизнью, совершенно отдѣльною и независимою отъ жизни Ирана. Лишь ихъ подчиненіе усилилось, но подчиненіе все-таки не египтянина или пунійца персу, а Египта и Финикіи—Ирану. Эта болѣе суровая, нежели прежняя ассирійская, форма политическаго господства явилась и болѣе тяжелою экономическою формою. Не только дани усилились и умножились, но къ нимъ прибавилось еще содержаніе пришлой оравы чуждыхъ управителей, ихъ своевольное хищничество и пр.

Эта форма экономическаго господства чрезвычайно живуча, и доселѣ мы имѣемъ много ея примѣровъ. Не говоря о господствѣ

турокъ, персовъ, или китайцевъ, приходится цитировать господство *англійское* въ Индіи, Бирмѣ, Гвинеи, Вестъ-Индіи; *французское* — въ Кохинхинѣ, Тонкинѣ, Сенегамбіи, Таити; *голландское*—на Явѣ и вообще Зондскихъ и Молукскихъ островахъ, въ Вестъ-Индіи; *испанское* — на Филлипинахъ; *русское*—въ Средней Азіи; *австрійское* — въ Босніи и Герцеговинѣ и т. д. и т. д. Европа постепенно подчиняетъ на этихъ началахъ Азію и Африку, расширяя свое политическое и экономическое господство. Нельзя не причислить къ такого-же рода владычеству и англійское господство въ Ирландіи, германское—въ Эльзасѣ и пр. Въ наше время дифференцированія экономическихъ и политическихъ явленій такое господство бываетъ порою въ экономическомъ отношеніи прямо невыгодно покорителямъ, но такова сила традиціи, что сами убытки не мѣшаютъ добиваться завоеваній. Впрочемъ, внѣевропейскія завоеванія европейскихъ націй большею частью имѣютъ по прежнему немаловажное экономическое значеніе.

Разсмотрѣнныя нами формы экономическаго господства, заключающіяся въ порабощеніи одной націи другою, строго соотвѣтствуютъ первоначальнымъ формамъ экономическаго господства въ сферѣ индивидуальныхъ отношеній, разсмотрѣннымъ нами въ предшествующей главѣ. Личному рабству, какъ первому фазису индивидуальной экономической борьбы, соотвѣтствуетъ національное порабощеніе, являющееся первымъ фазисомъ международной экономической борьбы. И тамъ и тутъ экономическое господство (т. е. присвоеніе продуктовъ чужого труда) не можетъ еще опереться на одни лишь экономическія средства, а требуетъ политическихъ мѣропріятій, прямого и открытаго принужденія физическою силою. Постепенно эти методы экономической борьбы смѣняются другими и въ международныхъ отношеніяхъ, какъ и въ индивидуальныхъ. Теоретически мы можемъ предвидѣть, что второю такою формою должна быть *международная монополія*. И дѣйствительно, какъ въ сферѣ индивидуальной экономической борьбы монополіи торговыхъ гильдій первыя противустали рабовладѣнію, такъ и въ сферѣ отношеній международныхъ торговыя монополіи цѣлыхъ коммерческихъ націй и федерацій первыя явились конкуррентами голому насилію, практиковавшемуся при простомъ завоеваніи. Древнѣйшею такою націей-монополисткой являются финикіяне, монополизовавшіе въ свою пользу всю внѣшнюю морскую торговлю той эпохи и охранявшіе эту монополію съ оружіемъ. Эти купцы, безропотно покорявшіеся смѣняющимся властелинамъ Востока и очень рѣдко прибѣгавшіе къ оружію для защиты національной независимости, вели упорныя и разорительныя войны за сохраненіе своихъ торговыхъ монополій. Греки, а позднѣе на нѣкоторое время и этруски явились такими претендентами на тѣ же торговыя монополіи. Политика этихъ новыхъ монополистовъ сначала въ сущности ничѣмъ не отличалась отъ пунійской, такъ-же не брезгавшая пиратствомъ, такъ-же прибѣгавшая къ простому военному насилію надъ дезорганизованными дикарями,

населявшими западныя и сѣверныя страны. Однако, все-таки главною силою для обогащенія финикіянъ, грековъ или этрусковъ служило не это прямое насиліе (какъ у ассиріянъ или персовъ), а торговая монополія. Насиліе служило лишь опорою монополіи. Громадные экономическіе успѣхи, принесшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и грандіозные политическіе плоды, выпавшіе на долю такихъ торговыхъ общинъ, какъ Тиръ, Сиракузы, Массалія, Кирена, но особенно какъ Карѳагенъ и Аѳины,—показываютъ, что и древній міръ зналъ довольно далеко зашедшую уже эволюцію смѣны рабской, международно-экономической организаціи монопольною. Но Тиръ былъ раздавленъ Вавилономъ, Аѳины — Спартою и Македоніей, Карѳагенъ—Римомъ и монопольный строй палъ передъ рабскимъ. Древнему міру не суждено было выйти изъ періода рабства международнаго, какъ изъ рабства индивидуальнаго. Всемірныя монархіи были закономъ древней исторіи. Выше, во 2-й главѣ я слегка коснулся причины такого состоянія древняго міра. Поэтому-то въ древней исторіи мы видимъ развитіе монопольнаго строя, но не видимъ, какъ онъ смѣняетъ собою строй рабскій. Въ индивидуальныхъ, такъ-же какъ и въ международныхъ отношеніяхъ, эту смѣну мы можемъ наблюдать только въ Новой Европѣ.

Подобно пунійскимъ и эллинскимъ торговымъ общинамъ древняго міра, во второй половинѣ среднихъ вѣковъ и по сѣвернымъ и по южнымъ берегамъ Европы начинаютъ развиваться совершенно такія же торговыя городскія общины, стремящіяся монополизировать всю внѣшнюю морскую торговлю. На сѣверныхъ побережьяхъ, по морямъ Нѣмецкому и Балтійскому развивается торговая монополія Ганзы, охватившая приморскія общины Нидерландовъ, Германіи и Россіи. Этотъ могущественный союзъ монополизировалъ въ свою пользу всю морскую торговлю по упомянутымъ морямъ и океаническому побережью. Въ Средиземномъ и Черномъ моряхъ еще раньше ганзейскаго союза развились верхне-итальянскія торговыя общины—Венеція, Генуя, Пиза, Флоренція, особенно первыя двѣ. Вся средиземно-морская и черноморская торговля, все посредничество съ Востокомъ попало въ ихъ руки и эти торговыя республики, повторяя исторію пунійцевъ и грековъ, нѣкогда подвизавшихся на тѣхъ-же берегахъ, вели кровопролитныя и жестокія войны за монополію. Ожесточенная борьба между генуэзцами и венеціанцами, пизанцами и флорентійцами только прикрывалась знаменами гиббелиновъ и гвельфовъ, подъ которыми эти купцы багрили кровью старо-культурныя волны средиземнаго бассейна. Подобно пунійцамъ, грекамъ и этрускамъ, венеціанцы и генуэзцы были въ то же время пиратами и разбойниками, грабившими слабыя и беззащитныя побережья, но подобно своимъ древнимъ предшественникамъ они находили главную силу, доставлявшую имъ и богатство, а чрезъ него и политическое могущество, въ торговой монополіи.

Могущественныя ганзейскія и верхне-итальянскія городскія общины были первыми независимыми политическими организа-

ціями свободнаго типа, много посодѣйствовавшія общей борьбѣ городскихъ сословій съ феодальными, о которой мы упоминали въ прошлой главѣ и которая имѣла такое важное значеніе въ смѣнѣ сословнаго рабства сословными монополіями. Смѣнить же рабство международное международною монополіей выпало однако не на долю этихъ первыхъ въ Новой Европѣ международно-монопольныхъ организацій. Какъ не гильдіи и цехи, а ландлордизмъ, откупа, банковыя и акціонерныя привиллегіи смѣнили собою рабовладѣніе, съ которымъ впервые вступили въ борьбу гильдіи и цехи, такъ и въ международныхъ отношеніяхъ не торговыя общины Ганзы или Италіи наслѣдовали своими монополіями завоевательной политикѣ феодальной эпохи. Монополіи эти, какъ исключительно торговыя, не опирающіяся на національную промышленность, оказались для этой роли недостаточными. Ганзейцевъ и итальянцевъ смѣнили монополистки-націи, а не монополистки-общины. Общеизвѣстенъ тотъ процессъ, благодаря которому въ теченіи XV вѣка монополія торговли съ Востокомъ и Западомъ перешла въ руки Португаліи и Испаніи. Открытіе морского пути въ Индію португальцами, открытіе Америки испанцами дало, какъ извѣстно, толчокъ этому движенію и впервые въ исторіи представило примѣръ цѣлыхъ могущественныхъ націй, захватившихъ въ свои руки торговую монополію. Съ тѣхъ поръ и до половины XIX вѣка главною основою международныхъ экономическихъ отношеній явилась монополія; даже непосредственное политическое господство собирало экономическія жатвы не столько прямыми данями и обложеніями, сколько разнаго рода монополіями, укрѣпляемыми политическимъ владычествомъ. Международное экономическое господство получило отнынѣ и на четыре вѣка главное орудіе въ международной монополіи. Лишь въ послѣднія десятилѣтія это орудіе оказывается притупившимся и очевидно приходящимъ въ негодность при состязаніи съ новымъ усовершенствованнымъ экономическимъ оружіемъ. Объ этомъ, однако, ниже, а теперь намъ предстоитъ еще сдѣлать общее бѣглое обозрѣніе разныхъ фазисовъ, чрезъ которые прошелъ монопольный режимъ въ международныхъ экономическихъ отношеніяхъ.

Первый періодъ этихъ національныхъ монополій еще очень мало дифференцированъ отъ національныхъ порабощеній Его можно назвать испано-португальскимъ и онъ характеризуется стремленіемъ захватить и монополизировать въ свою пользу преимущественно сношенія съ тѣми странами, которыя богаты драгоцѣнными металлами. Если нельзя даромъ ограбить, то хоть дешево пріобрѣсти золото и серебро и побольше навезти этихъ металловъ домой въ родныя горы и плоскогорія Пиринейскаго полуострова, — такова была несложная монопольная политика Португаліи и особенно Испаніи. Громадное морское могущество, необъятныя колоніальныя пріобрѣтенія, все служило цѣлямъ этой монопольной системы и она торжествовала, какъ никогда въ другое время никакая монопольная система. Быть можетъ, этотъ-то невоз-

бранный двухъ-вѣковой успѣхъ, дозволившій безпрепятственно свершиться полному циклу эволюціи, и былъ причиною не только внѣшняго, но и внутренняго краха системы. Португалія и Испанія, раззоряя колоніи и страны Востока, съ которыми монополизировали торговлю, сами впали въ бѣдность, еще сугубую, еще болѣе безъисходную. Получая массы драгоцѣнныхъ металловъ, испанцы стали покупать все необходимое у иностранцевъ, за произведенія которыхъ золото уплывало за границу. Изъ Америки, Африки, Индіи текло золото въ Испанію и Португалію, но это было лишь передаточною станціею и золото текло дальше въ страны, умѣвшія работать и производить. Національная промышленность падала и только доходы монополіи давали испанцамъ возможность поддерживать блескъ и могущество. Когда же эти монополіи, наконецъ, были отняты, притокъ чужого золота прекратился, платить за иностранный трудъ стало нечѣмъ, а національный трудъ, подавленный и загнанный, остался на стадіи грубыхъ первобытныхъ процессовъ, тогда обнаружилось все ужасное обѣднѣніе, принесенное испанцамъ и португальцамъ ихъ двухсотлѣтнею неоспоримою морскою и колоніальною торговою монополіею. Ихъ смѣнили голландцы и англичане, частью французы и эти новые народы-монополисты внесли и новые взгляды на сущность монополіи.

Второй періодъ монопольнаго международнаго режима, занявшій собою около полутора до двухъ столѣтій, съ конца XVI до половины XVIII вѣка, можно бы назвать голландскимъ, потому что система, господствовавшая въ этомъ періодѣ, была выработана и насаждена Голландіей, достигшей замѣчательныхъ успѣховъ на этомъ пути и не съумѣвшей перейти къ другой системѣ, когда во второй половинѣ XVIII вѣка явилась въ томъ надобность. Правда, и Англія, и Франція единовременно съ Нидерландами развивали ту же торговую политику и даже дали примѣры очень стройныхъ теоретическихъ построеній въ ея защиту, но все-таки руководящая роль и самые блестящіе успѣхи системы выпали на долю Нидерландовъ, давшихъ образецъ полнаго и законченнаго типа этого рода международной монополіи и доставившихъ ей въ теченіи XVII в. безспорное преобладаніе, смѣнившее испанское преобладаніе и испанскую систему.

Въ XV и до половины XVI вѣка Нидерланды входили, какъ составная часть въ монархію *Карла V* и *Филиппа II*, такъ что испанская монополія была вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и нидерландскою. Правда нидерландцы не участвовали въ эпическихъ разбойничьихъ походахъ *Кортеца*, *Пизарро* и др., не они нахлынули въ новыя страны для управленія и хищничества, не къ нимъ потекло и золото Ацтековъ и Инковъ, но имъ, этимъ ученикамъ и наслѣдникамъ Ганзы, открывались новые торговые пути. Купцы Антверпена и Амстердама не хуже купцовъ Любека и Бремена съумѣли воспользоваться счастливыми преимуществами. Золото брали испанцы, нидерландцы удовлетворились товарами новыхъ

странъ, которые могли найти сбытъ въ Европѣ. Когда же въ XVI в. имъ пришлось вступить въ отчаянную борьбу за собственную свободу съ Испаніей, они не забыли, конечно, и выгодъ монопольной торговли продуктами отдаленныхъ странъ. Продолжительная ожесточенная борьба съ Испаніей и Португаліей (тѣмъ временемъ соединившейся было съ Испаніей) доставили рядъ военныхъ и политическихъ торжествъ Нидерландамъ, послужившихъ основою и экономическаго преобладанія. Португальцевъ голландцы вытѣснили изъ Остъ-Индіи, испанцевъ изъ значительной части Вестъ-Индіи; они отняли земли у мыса Доброй Надежды и, основавъ тамъ цвѣтущую европейскую колонію, обезпечили себѣ путь на Дальній Востокъ, для чего они вытѣснили португальцевъ изъ лучшихъ мѣстъ Гвинеи. Не довольствуясь захватомъ индійской торговли, въ то время самой прибыльной, голландцы послѣдовали за португальцами и испанцами и въ Тихій океанъ, оспаривали у нихъ китайскую торговлю, заняли Формозу и основали обширную колоніальную имперію изъ отнятыхъ у соперниковъ Зондскихъ и Моллукскихъ архипелаговъ. Открытія Кука и другихъ голландскихъ мореплавателей подчинили ихъ торговой эксплуатаціи обширныя территоріи Океаніи и Австраліи. Извѣстно, что весь материкъ Австраліи долго носилъ названіе Новой Голландіи. Такъ раскидывали голландцы сѣти своей монополіи, вышедшей сначала изъ преданій ганзейской монополіи.

Дѣйствительно, въ началѣ голландская монопольная система была точнымъ возрожденіемъ древней пунійской и прямымъ продолженіемъ средневѣковой ганзейской, опираясь исключительно на монопольное торговое посредничество. Ничего не производя сами, финикіяне, ганзейцы и сначала голландцы занимались лишь перевозкою товаровъ, доступъ къ которымъ для остальныхъ націй закрывали силою оружія. Это были товары Дальняго Востока, въ то время болѣе искуснаго въ приготовленіи предметовъ роскоши, дорогихъ тканей, хорошаго оружія, изящной посуды, драгоцѣнныхъ украшеній, нежели сравнительно мало-культурная Европа, а съ другой стороны, это были продукты тропическаго юга, не родящіеся подъ болѣе суровымъ европейскимъ небомъ, пряности, слоновая кость, красильныя вещества, сахарный тростникъ, кофе и пр. Торговлю всѣми этими восточными и колоніальными товарами голландцы захватили въ свои руки. Монополія ввоза этихъ товаровъ была основою системы, которая именно какъ развитіе этой основы, скоро получила дополненіе, отличавшееся отъ древне-пунійской и ганзейской системы, но сблизившееся съ эллинской, какъ она начала было вырабатываться. Стремясь торговать произведеніями отдаленныхъ странъ, греки основывали колоніи въ этихъ странахъ, не только ради насильственнаго покоренія этого выгоднаго рынка, но и съ цѣлью усилить производство цѣнимыхъ въ торговлѣ продуктовъ. То же начали дѣлать и голландцы, которые начали покрывать свои колоніи плантаціями сахарнаго тростника, индиго, пряностей, вмѣстѣ съ тѣмъ повсюду истребляя

подобныя плантаціи. Это было остроумное купеческое дополненіе къ эллинской системѣ. Остроуміе это дошло до по истинѣ высокой виртуозности въ извѣстной продѣлкѣ съ самыми дорогими пряностями Востока, какъ мускатъ, гвоздика и др. Голландцы рѣшились истребить эти пряности на всемъ земномъ шарѣ, кромѣ двухъ небольшихъ острововъ Моллукскаго архипелага, обращенныхъ въ спеціальныя плантаціи этихъ пряностей... И они достигли этого, но сколько цѣнностей было уничтожено, сколько крови пролито ради этого чудовищнаго замысла, ради этой конечно высшей стадіи монопольнаго режима и, если хотите, монопольнаго міросозерцанія!

Голландцы-же изобрѣли и самую крайнюю форму монопольнаго пользованія своими международными политическими и экономическими успѣхами, именно форму монопольныхъ торгово-промышленныхъ компаній съ политическими привиллегіями и даже военною силою, но не имъ суждено было показать міру высшее развитіе этого политическаго господства, прямо и открыто ставящаго своею задачею экономическую эксплуатацію управляемаго населенія. Пробовали и французы счастья на этомъ пути; было подобное мертворожденное покушеніе и въ Россіи (американская россійская компанія, дожившая благополучно и, кажется, довольно безвредно до семидесятыхъ годовъ этого столѣтія), но блескъ и незабвенную славу такимъ компаніямъ доставили англичане своею могущественною Остъ-Индской компаніей, погребенной лишь въ 1858 году въ кровавыхъ катастрофахъ индійскаго возстанія. Вообще Англія, главная союзница Голландіи въ борьбѣ съ прежними морскими монополистами, Испаніей и Португаліей, явилась ея счастливою соперницею въ утвержденіи новой монополіи. Сначала несомнѣнное преимущество имѣла Голландія, но затѣмъ когда она изнемогала въ борьбѣ съ французскими Бурбонами, Англія, энергично поддерживавшая ее и въ этой новой борьбѣ за свободу Европы, успѣла воспользоваться выгодами своей неуязвимости островитянъ и стала быстро замѣнять Голландію на европейскихъ рынкахъ. Обширныя колоніи, отнятыя раньше у испанцевъ и португальцевъ, а затѣмъ у французовъ, вмѣстѣ съ прочными завоеваніями въ Остъ-Индіи доставили ей возможность установить и въ свою пользу рядъ торговыхъ монополій и быстро развить свое морское могущество. Вѣкъ XVIII былъ свидѣтелемъ этого постепеннаго голландскаго упадка и замѣны былого значенія Нидерландовъ значеніемъ Англіи. Рядъ войнъ между соперницами завершилъ англійское торжество и передалъ въ руки Англіи массу самыхъ цѣнныхъ голландскихъ колоній и факторій. Всѣ голландскія (какъ и французскія) владѣнія въ Остъ-Индіи перешли къ англичанамъ, которые завладѣли и путемъ въ Индію, захвативъ и Капландію, и Гвинею, и острова Маврикія. Съ другой стороны англичане укрѣпились въ Вестъ-Индіи и проникли даже въ Средиземное море, гдѣ голландцы никогда не основывались. Гибралтаръ и Минорка служили англичанамъ опорнымъ пунктомъ въ этихъ

*

моряхъ. Такъ англичане утвердили къ концу XVIII вѣка свою морскую гегемонію и захватили въ свои руки торговую морскую монополію, вытѣснивъ съ этого поля испанцевъ, португальцевъ, французовъ и значительно стѣснивъ нидерландцевъ. Но сначала принципы, положенные новыми монополистами въ основу своей системы, были тѣ же голландскіе принципы, которые такъ блистательно были осуществлены Нидерландами въ XVII в. и за участіе въ монопольныхъ преимуществахъ, которыхъ такъ долго и упорно боролась Франція XVII—XVIII вв. Это была система монополизаціи рынковъ закупки товаровъ, потребляемыхъ Европою, дополненная монопольнымъ производствомъ этихъ товаровъ, словомъ это была система монопольнаго ввоза. Въ экономической наукѣ ея выраженіемъ явилась доктрина меркантилизма, сводящая международныя экономическія отношенія на чисто купеческую точку зрѣнія и, сообразно съ этою точкою зрѣнія, создавшая пресловутую систему торговыхъ балансовъ, которая однако благополучно дожила до нашего времени, пройдя и черезъ протекціонизмъ, и черезъ фритредерство.

Утвердивъ за собою морскую монополію, Англія думала, повидимому, продолжать политику Нидерландовъ, но скоро обнаружилось, что политика эта уже отжила свой вѣкъ и что международная монополія еще разъ должна перемѣнить свою форму, приспособляясь къ новымъ условіямъ, созданнымъ всемірною исторіей. Англія истратила громадныя средства и силы на то, чтобы отнять у своихъ соперницъ, Франціи и Голландіи монополію ввоза восточныхъ продуктовъ въ Европу, а между тѣмъ оказалось, что Европа уже переросла культуру Востока. Гобелены превзошли падающіе въ красотѣ и добротѣ персидскіе ковры,ліонскіе бархаты и шелка оказались не въ примѣръ изящнѣе и добротнѣе средне-азійскихъ и китайскихъ шелковыхъ матерій, севрскій и саксонскій фарфоръ далеко оставили за собою вырождающуюся китайскую фарфоровую промышленность, тоже и съ индійскими шалями, дамасскими клинками, всѣми этими нѣкогда знаменитыми изяществомъ и добротностью производствами, медленно вырождающимися и падающими на родинѣ и быстро и сугубо расцвѣтающими въ самой Европѣ. Рынокъ европейскій для восточныхъ продуктовъ все сокращался въ теченіи XVIII вѣка, покуда къ началу XIX вѣка онъ можно сказать почти закрылся для обрабатывающей восточной промышленности. Если съ половины XVI в. до половины XVIII в. голландцы, а раньше того венеціанцы, генуэзцы и португальцы находили громадные рессурсы въ монопольной торговлѣ восточными товарами, то теперь, къ концу прошедшаго вѣка, эта монополія становилась довольно ненужною. Именно въ это время Англія окончательно ею овладѣла и не могла не почувствовать очень скоро, что такъ дѣло идти не можетъ и что слѣдуетъ измѣнить систему. Постепенно, она измѣнилась сама собою. Прежняя дѣятельность Остъ-Индской компаніи сокращалась сама собою, торговля восточными товарами въ Европѣ падала;

окончательно добила эту торговлю континентальная система *Наполеона I*, направленная противъ Англіи. Если-бы во время изобрѣтенія этой знаменитой системы международныя экономическія отношенія покоились на тѣхъ же самыхъ основахъ, какъ въ XVII вѣкѣ, континентальное соглашеніе могло-бы дѣйствительно въ корнѣ подорвать экономическое господство Англіи. Тогда экономическое господство опиралось на монополію ввоза восточныхъ и колоніальныхъ товаровъ въ Европу и прекращеніе ввоза поколебало-бы въ основѣ всю систему экономическаго господства. Теперь-же этотъ ввозъ уже потерялъ все свое значеніе и его быстрое и внезапное воспрещеніе лишь ускорило ликвидацію этой операціи, уже и безъ того осужденной на исчезновеніе и вытѣсненіе.

Что же замѣнило собою эту монополію ввоза? Монополія вывоза стала на ея мѣсто. Европейская промышленность быстро переросла восточную, какъ уже упомянуто, именно къ концу XVIII вѣка. Ея товары стали гораздо дешевле, добротнѣе, изящнѣе. Натурально, если эти товары, вытѣснивъ сначала восточные товары съ европейскихъ рынковъ, пошли затѣмъ и на самые восточные, оспаривая потребителя у туземнаго производства. Тотъ-же торговый флотъ морскихъ монополистовъ, который перевозилъ восточные товары на западъ, нынѣ повезъ западный товаръ на востокъ; тѣ же обширныя торговыя организаціи, которыя наживались прежде на счетъ восточнаго производителя и западнаго потребителя, теперь стали наживаться на счетъ западнаго производителя и восточнаго потребителя. Прежде было такъ: Востокъ производилъ, Европа потребляла, Англія (Голландія, раньше) монополизировала въ свою пользу посредничество. Теперь же дѣло стало иначе: Англія производила, Востокъ потреблялъ, монополія распространилась на производство, монополизовано было не только посредничество, но и самое снабженіе восточныхъ рынковъ. Забота о рынкахъ сбыта смѣнила собою заботу о рынкахъ закупки. Монополія въ пользу національной промышленности и торговли смѣнила собою торговую монополію португальскаго и голландскаго періода. Англійскій періодъ монопольнаго международнаго режима именно отличается этою погонею за рынками сбыта, кореннымъ образомъ измѣняющею значеніе самой торговой монополіи.

Если для торговой монополіи голландскаго періода явилась теоретическою основою и оправданіемъ доктрина меркантилизма съ ея узко-купеческимъ пониманіемъ національныхъ интересовъ, то для новаго англійскаго періода, для новой формы монополіи, заключавшей въ свои предѣлы и промышленность, такою теоретическою основою служитъ доктрина протекціонизма, незамѣтно выросшая изъ меркантильной доктрины. Протекціонизмъ имѣетъ своею задачею обезпечить за національною промышленностью внутренній рынокъ, подобно тому, какъ монопольная колоніальная система стремится сдѣлать то же для внѣшняго рынка. И не надо забывать, что именно Англія и Франція, двѣ націи, первыя перешедшія къ

системѣ рынковъ сбыта, и были первыми, введшими и разработавшими систему протекціонизма, эту привиллегію, выданную на внутренняго потребителя. Привиллегія на того или другого внѣшняго потребителя выдавалась первоначально исключительно расширеніемъ колоніальнаго господства. Не забудемъ, что отложеніе Соединенныхъ Штатовъ отъ Англіи вызвано слишкомъ грубымъ злоупотребленіемъ этою привиллегіей на колоніальнаго потребителя. Американцы не вынесли этого злоупотребленія, индусы должны были выносить и именно въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв. Англія обезпечила за своею промышленностью монопольное господство на этомъ рынкѣ въ 250 милліоновъ потребителей. Англія и доселѣ продолжаетъ расширять свое колоніальное господство (въ послѣднее время — Бирманія, Египетъ), постоянно нуждаясь въ рынкахъ сбыта, но эта нужда не удовлетворяется уже монополіей, которая въ экономически передовыхъ странахъ Европы, какъ Англія, Нидерланды, Франція, отжила свой вѣкъ. Дѣйствительно, расширяя свое колоніальное господство и вмѣстѣ съ тѣмъ рынки сбыта; эти страны начинаютъ отрекаться отъ прежней системы исключительныхъ монополій въ свою пользу, увѣренныя, что однажды рынокъ открытъ и обезопашенъ, свободная конкурренція рѣшитъ все равно вопросъ о господствѣ въ ихъ пользу. И относительно внутренней экономической политики онѣ точно также отказались отъ системы протекціонизма, увѣренныя, что ихъ экономическая сила не нуждается въ политическихъ мѣрахъ для торжества. Этою политикою мы уже выходимъ изъ періода международнаго монопольнаго режима и, судя по общимъ законамъ историческаго движенія, должны перейти въ эпоху международнаго разобщенія факторовъ производства, международнаго дифференцированія на экономическіе классы, на классы націй-капиталистовъ и націй - батраковъ. Это логическое заключеніе изъ всего хода международной экономической исторіи, какъ она очерчена нами въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ. Въ слѣдующей главѣ мы остановимся подробнѣе на этомъ совершенно новомъ вопросѣ о господствѣ капитала въ международныхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, международная экономическая борьба историческаго періода проходитъ три фазы: когда ея орудіемъ служитъ порабощеніе народовъ, когда порабощеніе смѣняется монополіею, и, наконецъ, когда падаетъ и монополія и экономическая борьба совершенно освобождается отъ поддержки политической силы. Въ національномъ *порабощеніи* эти двѣ силы сливаются; въ *монополіи* они уже дифференцированы, но тѣсно связаны; наконецъ рвется и эта связь, если становится возможной та экономическая политика, которой нынѣ начинаютъ слѣдовать Англія, Франція и Нидерланды, отказываясь отъ монопольной системы. Въ самой монопольной системѣ, въ ея историческомъ развитіи мы замѣчаемъ три существенно важныхъ періода. Господство испанской системы монополизуетъ добычу золота и сношенія съ странами, богатыми золотомъ; поддержка политической силы здѣсь еще столь нераз-

рывна съ самою сущностью системы, что въ этомъ отношеніи система очень мало отличается отъ прямого порабощенія (часто соединяясь съ нимъ). Вторая система, голландская, опирается на монополію торговли съ отдаленными странами, производящими рѣдкіе и цѣнные товары. Это пунійская и ганзейская система, дополненная организаціей производства этихъ товаровъ на мѣстѣ. Опираясь прямо на воспрещеніе торговли съ данными странами, на закрытіе данныхъ морей для всѣхъ другихъ флаговъ (такъ называемые mare clausum), эта система тоже нуждается въ вооруженной охранѣ, хотя далеко въ меньшей степени, нежели предъидущая. Наконецъ, третья система, англійская, основанная на монополіи рынковъ сбыта, еще менѣе нуждается въ политической силѣ, потому что скоро въ протекціонизмѣ и системѣ покровительственныхъ пошлинъ находитъ уже почти чисто экономическое орудіе для монополизаціи рынка. Исходящее отъ политической власти, это орудіе конечно не столь полно дифференцировалось отъ политики, какъ капиталъ но все-таки оно вполнѣ мирнаго свойства и не опирается на оружіе, какъ системы голландская и испанская. Такимъ образомъ отъ порабощенія къ монополіи и въ предѣлахъ самой монополіи отъ испанской черезъ голландскую къ англійской системѣ мы видимъ развитіе все того же процесса, что констатировали и при анализѣ индивидуальной экономической борьбы, именно постоянное смягченіе формы экономическаго господства (впервые устанавливаемаго завоеваніемъ) и постоянное выдѣленіе орудій экономическаго господства отъ орудій политической власти. Процессъ этотъ дошелъ нынѣ, какъ то ясно видно изъ предъидущаго, до послѣдняго термина въ этомъ дифференцированіи, до разобщенія политическихъ и экономическихъ орудій. Это необходимый естественный фазисъ, который долженъ смѣнить собою монопольный строй и такимъ новымъ строемъ можетъ быть только возвышеніе капитала и въ международныхъ экономическихъ отношеніяхъ, какъ то уже совершилось во внутреннихъ. Къ провѣркѣ этого вывода мы и перейдемъ немедленно.

Считаю нужнымъ оговориться, что въ сферѣ международныхъ экономическихъ отношеній еще болѣе, нежели въ индивидуальныхъ, современное состояніе міра заключаетъ всѣ фазы экономической исторіи и историческую смѣну должно понимать въ смыслѣ фазъ исторической эволюціи.

VI.

Экономическія орудія въ международной борьбѣ.

2. Обозрѣніе современныхъ отношеній.

Въ настоящее время экономисты всѣхъ школъ и направленій, а равно слѣдующіе ихъ указаніямъ государственные люди заботятся о возможно большемъ расширеніи вывоза національныхъ

товаровъ заграницу и о возможномъ сокращеніи ввоза товаровъ иностранныхъ. Перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ считается признакомъ благопріятнымъ, а обратное отношеніе вызываетъ опасенія. Это до такой степени прочно установилось въ общемъ мнѣніи, что публицисты, статистики, экономисты даже перестали говорить «перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ равняется тому-то», а попросту выражаются «торговый балансъ заключился *въ благопріятномъ смыслѣ* на такую-то сумму» и всѣ знаютъ, что это означаетъ перевѣсъ вывоза на означенную сумму. Точно также и обратно «неблагопріятный балансъ на такую-то сумму» всякій пойметъ, какъ перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ. Теоретически рѣшено было разъ навсегда, что перевѣсъ ввоза означаетъ приплату чистою монетою, а въ этой приплатѣ заключается и рабочая плата иностраннымъ рабочимъ и прибыль иностраннымъ предпринимателямъ, которые такимъ образомъ содержатся и наживаются на счетъ страны, допустившей въ своей внѣшней торговлѣ перевѣсъ ввоза или «неблагопріятный торговый балансъ». Нельзя оспаривать теоретической правильности этого вывода при одномъ, однако, условіи: равной экономической силы и состоятельности всѣхъ странъ, входящихъ въ торговый обмѣнъ. Допуская это равенство, какъ можно теоретически допускать и равенство работоискателя и работодателя при договорѣ о наймѣ, -- мы совершенно логически заключимъ, что если, обмѣниваясь продуктами, а слѣдственно и прибылями (и послѣдними, при равенствѣ экономическомъ, въ прямой пропорціи съ отпускаемыми продуктами), одна сторона даетъ меньше продуктовъ, то она получаетъ и меньше прибылей. Такое состояніе дѣлъ, если долго продолжается, должно вести къ постоянному обогащенію одной стороны на счетъ другой. Все это вѣрно и все это такъ ясно, что никогда не возбуждало сомнѣнія; и споръ между экономическими школами и направленіями рѣдко касался этого предмета, вращаясь вокругъ тѣсно связанныхъ съ нимъ вопросовъ, выгодно-ли вообще мѣняться и чѣмъ выгоднѣе мѣняться (на этихъ вопросахъ и давались преимущественно битвы между протекціонистами и фритредерами). Вѣрно это и совершенно ясно, однако, лишь до тѣхъ поръ, покуда остаемся въ области гипотезы, допустившей полное экономическое равенство торгующихъ и обмѣнивающихся стороны. Но подобно тому, какъ въ индивидуальныхъ экономическихъ отношеніяхъ подобное равенство есть покуда фикція, въ дѣйствительности кассируемая не только легальнымъ рабствомъ, но и кабалою, и нуждою, и имущественнымъ неравенствомъ, и неравенствомъ культурнымъ, такъ точно и въ международныхъ экономическихъ отношеніяхъ экономическое равенство можетъ быть лишь абстрагировано мыслью, а въ дѣйствительности видимъ мы и прямую политическую зависимость, и экономическую кабалу, и неравенство богатства, и неравенство культуры. И всѣ эти могучіе факторы такъ глубоко вліяютъ на международныя экономическія отношенія, что наше теоретическое заключеніе о значеніи торговаго баланса остается такою-же фик-

ціей, какъ была иллюзіей напр. свобода договора между ирландскими ландлордами и ирландскими фермерами до послѣднихъ законоположеній *Гладстона*, отмѣнившихъ эту пресловутую свободу. Я чувствую, однако, что зашелъ нѣсколько впередъ и спѣшу обратиться къ фактамъ.

Наша теорія учитъ насъ, что вывозъ богатитъ націи, а ввозъ (или вѣрнѣе, перевѣсъ ввоза)—бѣднитъ. Возьмемъ-же по возможности больше странъ за довольно продолжительный періодъ (чтобы случайности одного года взаимно уравновѣсились) и посмотримъ, какія націи отличаются перевѣсомъ вывоза или перевѣсомъ ввоза, т. е. говоря общепринятымъ статистическимъ языкомъ, какія отличаются благопріятнымъ и какія неблагопріятнымъ торговымъ балансомъ? Для трехлѣтія 1880 — 1882 г. всѣ нужныя намъ данныя мы найдемъ въ «Uebersichten der Weltwirthschaft» *Неймана-Спалларта*. Позднѣйшія данныя для нѣкоторыхъ странъ я дополнительно извлекъ изъ «Вѣстника Финансовъ», гдѣ приводятся оффиціальные отчеты иностранныхъ правительствъ. Для предшествующаго десятилѣтія 1870—1880 гг. богатый матерьялъ заключается въ извѣстной работѣ *Мелльголля* «Balance-Sheet of the World for ten yars».

Прежде всего, нельзя не обратить вниманія на экономическія отношенія частей свѣта, взятыхъ въ ихъ цѣломъ, такъ какъ относительное экономическое преуспѣяніе такихъ крупныхъ единицъ сравненія не вызываетъ сомнѣнія и пререканій. Никто не сомнѣвается, что Европа богатѣетъ, а Азія ей экономически подчиняется. Не возбуждаютъ сомнѣнія и экономическіе успѣхи Австраліи, тогда какъ въ Америкѣ и Африкѣ смѣшаны страны, преуспѣвающія и экономически отсталыя. Какъ-же выражается взаимное отношеніе пяти частей свѣта въ сферѣ экономическаго обмѣна, насъ нынѣ интересующаго? Европа, взятая въ цѣломъ, обнаруживаетъ несомнѣнный и правильный изъ года въ годъ перевѣсъ ввоза продуктовъ надъ вывозомъ, т. е. имѣетъ «неблагопріятный» торговый балансъ. Этотъ перевѣсъ достигаетъ въ указанное трехлѣтіе (1880 — 1882 гг.) среднимъ числомъ милльярда восьмисотъ десяти милліоновъ рублей металлическихъ въ годъ. Съ другой стороны, Азія и Америка отличаются столь-же постояннымъ изъ года въ годъ перевѣсомъ вывоза надъ ввозомъ, т. е. «благопріятнымъ» балансомъ. Австралія, это отвѣтвленіе Европы, отличается, подобно своей метрополіи, перевѣсомъ ввоза, или «неблагопріятнымъ» балансомъ, тогда какъ Африка не имѣетъ установившагося типа (да и не усчитана сколько нибудь удовлетворительно). Такимъ образомъ, если вѣрить доктринѣ благопріятныхъ балансовъ, то Европа и Австралія изъ года въ годъ бѣднѣютъ, обогащая остальныя части свѣта! Выводъ сразу представляется столь несообразнымъ, что начинаетъ внушать самыя серьезныя опасенія за правильность установившихся воззрѣній и теорій на международный экономическій обмѣнъ. Чтобы полнѣе разобраться въ этихъ затрудненіяхъ и сомнѣніяхъ, обратимся теперь къ болѣе деталь-

ному анализу изучаемаго явленія по отдѣльнымъ странамъ и націямъ и посмотримъ, какъ между ними распредѣляется преобладаніе товарнаго вывоза или ввоза.

Страны, которыя въ среднемъ выводѣ за продолжительное время, показываютъ перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ (т. е. имѣютъ *благопріятный* балансъ) суть слѣдующія: *въ Европѣ*: — Германія, Австрія, Россія, Испанія, *въ Америкѣ* — Соединенные Штаты, Вестъ-Индія, Романская Америка (вся); въ *Азіи*—Японія, Сіамъ, Индія, Голландскія колоніи, Французскій Индо-Китай, Филлипины; въ *Африкѣ*—Египетъ. Что касается странъ съ перевѣсомъ ввоза или съ *неблагопріятнымъ* балансомъ, то это слѣдующія: Англія, Франція, Италія, Голландія, Бельгія, Скандинавія, Швейцарія, Португалія, Канада, Алжирія и Капландія. Довольно этого списка, чтобы усомниться въ благодѣтельности благопріятнаго баланса. Для наглядности мы представимъ эти-же свѣдѣнія въ видѣ статистическаго ряда по убыванію избытковъ ввоза (+) и возрастанію избытковъ вывоза (—), а такъ какъ въ спискѣ участвуютъ и великія державы и маленькія государства, то для лучшей сравнимости беремъ не абсолютныя цифры, а относительныя, именно: расчислимъ эти избытки на жителей. Такимъ образомъ, нижеслѣдующій рядъ представляетъ данныя объ избыткахъ ввоза (+) или вывоза (—), падающихъ на каждаго жителя данной страны (въ рубляхъ металлическихъ):

	Руб. мет. на душу.		Руб. мет. на душу.
1. Капландія и Наталь .	(+) 32,9	13. Китай	(±) 0,0
2. Голландія	(+) 30,2	14. Сербія	(±) 0,0
3. Англія	(+) 27,3	15. Испанія.	(—) 0,3
4. Алжирія.	(+) 17,5	16. Германія	(—) 0,4
5. Бельгія	(+) 16,0	17. Японія	(—) 0,4
6. Австралія	(+) 9,2	18. Россія	(—) 0,6
7. Швейцарія.	(+) 8,7	19. Сіамъ	(—) 0,8
8. Франція.	(+) 8,0	20. Индія.	(—) 0,9
9. Скандинавія	(+) 5,7	21. Австрія.	(—) 1,9
10. Португалія.	(+) 3,6	22. Романская Америка. .	(—) 2,9
11. Канада	(+) 2,2	23. Соед. Штаты	(—) 4,0
12. Италія	(+) 2,1	24. Египетъ.	(—) 5,8

Послѣдовательность этой статистической строки въ высшей степени назидательна. Первый столбецъ весь занятъ странами «съ неблагопріятнымъ балансомъ» и это несомнѣнно самыя богатыя страны міра. Одни Соединенные Штаты въ концѣ строки (на предпослѣднемъ мѣстѣ) нарушаютъ гармонію, а то бы пришлось признать, какъ разъ наоборотъ теоріи, что чѣмъ меньше вывозъ, тѣмъ лучше! О Соединенныхъ Штатахъ, впрочемъ, мы поговоримъ особо, а теперь постараемся внимательнѣе изучить нашу поучительную строку, столь смѣло и безцеремонно кассирующую установившіеся взгляды. Для этого мы покуда ограничимся одною

Европою и въ ней странами, о которыхъ можемъ имѣть довольно разнообразныя статистическія свѣдѣнія для необходимыхъ сопоставленій. Если мы возьмемъ десять такихъ странъ, охватывающихъ впрочемъ всю Европу, за исключеніемъ Пиринейскаго и Балканскаго полуострововъ, то, извлекая ихъ изъ вышеприведенной большой строки, получаемъ слѣдующую малую, собственно европейскую. Интервалъ отдѣляетъ страны съ ввозомъ больше средняго европейскаго (+ 5,5) отъ остальныхъ:

	На душу руб. мет.
1. Голландія	(+) 30,2
2. Англія	(+) 27,3
3. Бельгія	(+) 16,0
4. Швейцарія	(+) 8,7
5. Франція	(+) 8,0
6. Скандинавія	(+) 5,7
7. Италія	(+) 2,1
8. Германія	(—) 0,4
9. Россія	(—) 0,6
10. Австрія	(—) 1,9

Европа — (+) 5,5 руб. мет. на душу.

Такимъ образомъ, шесть изъ этихъ десяти странъ имѣютъ избытокъ ввоза (+) болѣе средняго для всей Европы избытка (5,5 на жителя), а остальныя или меньше средняго, или даже избытокъ вывоза (—). Но которыя же изъ нихъ богаче? Не полагаясь на установившееся мнѣніе, посмотримъ на факты. Если мы возьмемъ ежегодное производство богатства въ каждой странѣ и, выразивъ его въ металлическихъ рубляхъ, расчислимъ на душу, то (слѣдуя вычисленіямъ *Мелльюлля*) окажется слѣдующій убывающій рядъ по относительному богатству, причемъ мы отмѣчаемъ *курсивомъ* тѣ страны, которыя въ вышеприведенной строкѣ показали больше средняго европейскаго избытка по ввозу. Интервалъ ставимъ на переходѣ черезъ среднюю европейскую цифру производства богатства. Для Швейцаріи данныхъ не имѣю.

	На душу руб. мет.		На душу руб. мет.
1. Англія	*365,8*	*6. Скандинавія*	*158,1*
2. Голландія	*339,1*		
3. Бельгія	*275,0*	7. Австрія	105,3
4. Франція	*222,5*	8. Италія	93,7
5. Германія	175,3	9. Россія	67,8

Европа — 145.

Всѣ націи, ввозящія болѣе средняго европейскаго и стоящія подъ рядъ во главѣ списка «неблагопріятнаго баланса» (см. предъи-

дущую строку), показываютъ, по этому списку, преимущество и въ богатствѣ, будучи *всѣ пять* богаче средняго европейскаго (145 р. м. на душу) и стоя *изъ пяти четыре* подъ рядъ во главѣ строки, расположенной по богатству. Наоборотъ, *всѣ три* націи, которыя въ этой строкѣ стоятъ ниже интервала, т. е. оказываются бѣднѣе средней европейской состоятельности, оказываются и по прежней строкѣ замыкающими нисходящій рядъ, т. е. отличающимися наименьшимъ ввозомъ и наибольшимъ вывозомъ. Параллельное изученіе этихъ двухъ строкъ не оставляетъ сомнѣнія, что существуетъ какой-то законъ, управляющій соотвѣтственнымъ расположеніемъ странъ въ обоихъ рядахъ; что должно быть соотношеніе между перевѣсомъ ввоза и богатствомъ и соотношеніе не обратное, какъ принято думать, а прямое. Само исключеніе въ пользу Соединенныхъ Штатовъ (въ первой строкѣ) и частью (хотя и въ меньшей степени) въ пользу Германіи (въ третьей строкѣ), можетъ только свидѣтельствовать, что законъ этотъ дѣйствуетъ не одинъ, а подверженъ ограниченію и вліянію иныхъ факторовъ, достаточныхъ для частныхъ нарушеній, но безсильныхъ повліять на общій весьма ярко выступающій характеръ соотношеній. Каковы-же могутъ быть эти факторы?

Прежде всего обратимся къ денежному обращенію на международномъ рынкѣ, къ обмѣну драгоцѣнными металлами. Обыкновенно принимается, что разница между цѣнностью ввоза и вывоза товаровъ выплачивается монетою. Посмотримъ-же, какъ происходитъ эта операція? Выше мы привели данныя о ввозѣ и вывозѣ товаровъ, за исключеніемъ драгоцѣнныхъ металловъ. Вотъ къ сожалѣнію менѣе полныя данныя о международномъ движеніи монеты. Ввозъ (+) и вывозъ (—) расчислены тоже на душу въ металл. рубляхъ и страны расположены въ ряду по убыванію избытковъ ввоза монеты и возрастанію избытковъ вывоза. Страны, въ которыхъ преобладаетъ (по 2-й строкѣ, см. выше) ввозъ товаровъ, отмѣчены *курсивомъ*. Интервалъ на мѣстѣ перехода строки чрезъ среднюю для Европы. Для Италіи и Швейцаріи не имѣю достаточно полныхъ данныхъ. О странахъ не-европейскихъ особо ниже. Такимъ способомъ, статистическая строка о ввозѣ и вывозѣ драгоцѣнныхъ металловъ въ европейскихъ странахъ получается слѣдующая:

	На душу руб. мет.		На душу руб. мет.
1. *Бельгія*	(+) *5*,1	5. *Скандинавія*	(+) *0*,3
2. *Голландія*	(+) *1*,6	6. Австрія	(—) 0,02
3. *Франція*	(+) *1*,5	7. Россія	(—) 0,1
4. *Англія*	(+) *0*,5	8. Германія	(—) 0,2

Европа — (+) 0,4

Поучительность этой строки превосходитъ всякое ожиданіе. Не только ни одна страна не расплачивается монетою за полученные избытки ввоза, но рѣшительно всѣ, получившія такіе

избытки товаромъ, затѣмъ получаютъ избытокъ и монетою, тогда какъ всѣ три, вывозящія монету, вывозятъ и товары съ избыткомъ. Европа, взятая въ цѣломъ, тоже слѣдуетъ этому закону, ввозя и товары, и монету въ избыткѣ.

Эти исчисленія не могутъ возбуждать сомнѣнія. Для Англіи они заимствованы у *Спалларта* и основаны на выводѣ средней цифры изъ 27 лѣтъ; для Франціи заимствованы оттуда же и составляютъ среднюю для 12 лѣтъ [1]); для Германіи — оттуда же, средняя для послѣднихъ четырехъ лѣтъ (т. е. 1880 — 83 гг.), а предъидущее десятилѣтіе исключено въ виду ненормальнаго ввоза контрибуціи (къ тому же и данныя для баланса товарной торговли взяты для тѣхъ же четырехъ лѣтъ). Что касается остальныхъ странъ, то цифры ввоза и вывоза монеты заимствованы мною у *Мелльголля* (такъ какъ у *Спалларта* ихъ нѣтъ) и составляютъ среднюю изъ десятилѣтій (1870—1880 гг.). Такимъ образомъ, хотя данныя не вполнѣ другъ другу современны, но опираются на достаточно продолжительное время, чтобы выводъ былъ достовѣренъ въ общемъ своемъ значеніи. Для Италіи, къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ ни у *Мелльголля*, ни у *Спалларта*, но по отрывочнымъ свѣдѣніямъ «Вѣстника Финансовъ» видно, что она золото вывозитъ въ значительномъ количествѣ, будучи въ такомъ случаѣ первымъ примѣромъ въ нашемъ изслѣдованіи, гдѣ разность товарнаго ввоза и вывоза покрывается монетою. Мы видимъ, что въ восьми странахъ, объемлющихъ всю Европу, кромѣ трехъ южныхъ полуострововъ, дѣло обстоитъ именно обратно и тотъ, кто отдаетъ больше товара, не только не получаетъ эквивалента монетою, но даже самъ приплачиваетъ покупателю!

Если мы обратимся къ странамъ не-европейскимъ, то данныя за продолжительный періодъ и вмѣстѣ съ тѣмъ за послѣдніе годы находимъ у *Спалларта* и въ «Вѣстникѣ Финансовъ» лишь для Соединенныхъ Штатовъ и Остъ-Индіи. За четырнадцать лѣтъ (съ 1872—86 гг.) Соединенные Штаты ввозили и вывозили слѣдующее количество драгоцѣнныхъ металловъ (въ мет. руб.).

Трехлѣтія.	Милліоновъ руб. мет. Вывезено болѣе (—) Ввезено болѣе (+)	Среднимъ числомъ въ годъ милл. руб. мет.	Среднимъ числомъ ежегодно на душу руб. мет.
1872—74 гг. . .	(—) 217,7	(—) 72,6	(—) 1,45
1875—77 » . .	(—) 165,3	(—) 55,1	(—) 1,1
1878—80 » . .	(+) 87,4	(+) 29,1	(+) 0,58
1881—83 » . .	(+) 105,2	(+) 35,1	(+) 0,7
1885—86 » . .	(—) 17,0	(—) 8,5	(—) 0,17
Итого за 14 лѣтъ .	(—) 207,4	(—) 14,8	(—) 0,29
За 6 л. (80—86 гг.)	(+) 186,9	(+) 31,2	(+) 0,62

[1]) Не надо забывать, что Франція за это время вывезла пять милльярдовъ контрибуціи и все-таки сохранила перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ!

Въ поясненіе къ этой табличкѣ должно замѣтить, что въ ней кромѣ общаго итога за четырнадцать лѣтъ приведенъ частный итогъ за шесть лѣтъ (1880 — 86 гг., безъ 1884 г., для котораго точныхъ данныхъ у меня нѣтъ), потому что приведенныя въ первой строкѣ данныя о вывозѣ и ввозѣ товаровъ относятся именно къ этому періоду. Данныя для 1872—83 гг. взяты у *Спалларта*, для остальныхъ двухъ лѣтъ изъ «Вѣстника Финансовъ».

Сопоставляя эту табличку съ данными о вывозѣ товаровъ, мы замѣчаемъ, что и здѣсь, какъ и въ Италіи, но совершенно обратно даннымъ для восьми главнѣйшихъ государствъ Европы, ввозъ и вывозъ являются въ таблицѣ не съ одинаковыми, а съ обратными знаками. Въ Соединенныхъ Штатахъ перевѣсъ товарнаго вывоза совпадаетъ (для восьмидесятыхъ годовъ) съ перевѣсомъ монетнаго ввоза. Въ Италіи наоборотъ, перевѣсъ товарнаго ввоза совпадаетъ съ перевѣсомъ монетнаго вывоза. Такимъ образомъ, если, поэтому, Италію надо исключить изъ списка странъ, получающихъ ежегодно избытокъ цѣнностей и товаромъ и монетой, то Соединенные Штаты приходится исключить изъ списка тѣхъ націй, которыя ежегодно приплачиваютъ монетою покупателямъ своихъ произведеній. Эти данныя для Италіи и Соединенныхъ Штатовъ, такимъ образомъ, не только не подрываютъ выводовъ изъ нашихъ рядовъ, но даже подтверждаютъ. Было странно видѣть Италію рядомъ съ богатѣйшими странами міра, какъ было удивительно найти Соединенные Штаты въ спискѣ бѣднѣйшихъ. Мы видимъ теперь, что и Италія и Соединенные Штаты существенно отличаются отъ иныхъ странъ, въ сосѣдство съ которыми они попали въ нашей первой строкѣ, гдѣ съ одной стороны Голландія, Англія, Бельгія и Франція отличаются наибольшимъ богатствомъ (см. строку третью), наибольшимъ избыткомъ товарнаго ввоза (см. первую и вторую строку) и наибольшимъ избыткомъ ввоза монеты (см. четвертую строку), а съ другой стороны Россія и Австрія отличаются наименьшимъ развитіемъ богатства, наибольшимъ избыткомъ товарнаго вывоза и наибольшею монетною приплатою по торговому балансу (см. тѣ же строки). Относительно этихъ шести странъ такъ же, какъ и относительно Германіи и Скандинавіи (только не такъ рѣзко выраженное), явленіе, нами наблюдаемое и изучаемое, не можетъ возбуждать ни споровъ, ни сомнѣнія. Переходное положеніе занимаютъ Италія и Соединенные Штаты, не успѣвшіе окончательно примкнуть ни къ одному изъ этихъ двухъ рѣзко опредѣленныхъ и сложившихся международно-экономическихъ типовъ, ни къ тому, который, какъ Англія, Франція, Нидерланды и въ меньшей мѣрѣ Скандинавія, только все получаетъ, ни къ тому, какъ Россія, Австрія, въ меньшей мѣрѣ Германія, который все только отдаетъ. Италія получаетъ товары и отдаетъ монету (хотя, судя по неполнымъ даннымъ, даетъ денегъ больше, нежели получаетъ товаровъ), а Соединенные Штаты отдаютъ товары, получая взамѣнъ деньги (хотя денегъ получаютъ значительно меньше, нежели даютъ товаровъ). Обѣ страны даютъ

все же цѣнностей больше, нежели получаютъ, но однажды еще не установился окончательно типъ, обѣ націи еще могутъ разсчитывать примкнуть къ типу англо-франко-нидерландскому, а не къ австро-русскому. Особенно это слѣдуетъ сказать о Соединенныхъ Штатахъ. Изъ вышеприведенной таблицы ввоза и вывоза драгоцѣнныхъ металловъ въ Соединенные Штаты совершенно явствуетъ, какъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ (1872—83 гг.) быстро улучшалось положеніе страны на международномъ рынкѣ. Начавъ съ значительнаго перевѣса монетнаго вывоза, совпадавшаго тогда и съ перевѣсомъ товарнаго вывоза, десятилѣтіе закончилось значительнымъ ввозомъ и переходъ этотъ не былъ внезапностью, которая могла быть вызвана случайностью, но (какъ и видно изъ нашей таблицы) постепенно накоплялся изъ года въ годъ въ зависимости, очевидно, отъ постоянно дѣйствующей причины.

Въ теченіи десятилѣтія 1870 — 1879 гг. Соединенные Штаты постоянно вывозили въ избыткѣ и товары и монеты, такъ что за всѣ десять лѣтъ потеряли около милльярда рублей металлическихъ всякаго рода цѣнностей, но съ начала восьмидесятыхъ годовъ начинается замѣтный поворотъ въ этихъ отношеніяхъ. Съ одной стороны постепенно сокращается перевѣсъ товарнаго вывоза, а съ другой появляется перевѣсъ монетнаго ввоза. Сокращеніе перевѣса товарнаго вывоза съ начала восьмидесятыхъ годовъ шло слѣдующимъ образомъ: въ трехлѣтіе 1881 — 1883 гг. среднимъ числомъ ежегодно вывозилось товаровъ больше, нежели ввозилось, на сумму 226.900,000 руб. мет. при среднемъ ежегодномъ избыткѣ по ввозу монеты на сумму 35.100,000 или при чистой потерѣ цѣнностей на сумму 191.800,000 руб. мет.; а въ слѣдующее трехлѣтіе средній ежегодный перевѣсъ товарнаго вывоза понизился до 163.900,000 руб. мет. при среднемъ вывозѣ монеты (безъ данныхъ о 1884 годѣ) въ 8.500,000 руб., всего 172.400,000, или на 9.400,000 руб. мет. ежегодной потери меньше. И это несмотря на то, что именно въ это послѣднее трехлѣтіе (1884—1886 гг.) Соединенные Штаты испытали серьезный промышленный кризисъ!

Что же Соединенные Штаты сдѣлали для такого поворота въ свою пользу международнаго экономическаго положенія? Они быстро накопляли богатство усиленною производительностью труда и освобождали страну отъ иностранныхъ капиталовъ, которые были въ значительномъ размѣрѣ затрачены въ американскія цѣнности со временъ междуусобной войны шестидесятыхъ годовъ. Война эта стоила одному только государству нѣсколько милльярдовъ и значительная часть этихъ бумагъ находилась заграницей, такъ что однимъ лишь этимъ путемъ въ видѣ процентовъ на государственные займы Американская республика вывозила заграницу десятки милліоновъ. Оправившись отъ войны и быстро возстановляя свою состоятельность, американцы двоякимъ способомъ принялись за измѣненіе этого даннического положенія. Съ одной стороны, государство усиленно погашало долги, а съ другой американскіе финансисты обращали свободные и быстро ра-

стущіе рессурсы на покупку американскихъ фондовъ, которые, такимъ образомъ, даже не погашенные, постоянно возвращались въ Америку. Правда, этимъ путемъ увеличивался вывозъ монеты въ обмѣнъ за бумаги, но за то постоянно сокращался вывозъ монеты въ уплату процентовъ. Одна эта операція, потребовавшая въ первое десятилѣтіе послѣ войны усиленнаго вывоза монеты, повела къ значительному сокращенію этого вывоза къ началу восьмидесятыхъ годовъ. Но не одни государственные фонды находились заграницею. Сильно пострадавшая во время войны страна нуждалась въ капиталахъ для всякаго рода реставраціи въ промышленности и торговли, обѣщая большіе барыши капиталистамъ. Европейскіе капиталы, конечно, явились къ услугамъ и американцы должны были видѣть, какъ прибыли на эти капиталы вывозились заграницу. Но это привлеченіе иностранныхъ капиталовъ было лишь первою фазою экономической реставраціи послѣ войны; затѣмъ и тутъ начался выкупъ предпріятій, скупка американскихъ акцій и облигацій на европейскихъ биржахъ и т. д., въ результатѣ чего оказывался временно усиленный отливъ монеты изъ Америки, но цѣною уменьшенія ея постояннаго отлива въ будущемъ. Насколько закончился этотъ процессъ уравненія экономическаго положенія американскаго и европейскаго (англо-франко-нидерландскаго) рынковъ, судить трудно, но при томъ богатствѣ, который развиваютъ американцы, и при той культурности, которой они достигли, можно ожидать, что имъ совершенно удастся эмансипироваться отъ опеки иностраннаго капитала въ указанной формѣ.

Существуетъ однако еще другая форма такой опеки, менѣе рѣзкая и яркая, но тѣмъ не менѣе вполнѣ реальная, при помощи которой иностранный капиталъ извлекаетъ дополнительныя выгоды изъ туземной промышленности. Эта форма заключается въ способахъ транспорта и характерѣ торговаго посредничества. Надо помнить, что тотъ-же товаръ, вывезенный изъ страны x и ввезенный въ страну z, по цѣнности далеко не всегда равенъ самъ себѣ. Конечно, если ввозимый безпошлинно товаръ (напр. хлѣбное зерно) транспортируется черезъ сухопутную границу, напр. чрезъ австро-русскую у Волочиска, то его цѣнность, заносимая въ вѣдомости обѣихъ таможень, русской Волочисской и австрійской Подволочисской,—приблизительно одинакова. Совсѣмъ иное дѣло, если товаръ перевозится моремъ. Транспортъ хлѣба, отбывшій изъ Одессы или Нью-Іорка, показывается въ таможенныхъ вѣдомостяхъ этихъ портовъ цѣнностью, значительно меньшею, нежели въ портахъ прибытія, Лондонѣ или Гаврѣ. Въ пути цѣнность груза значительно возросла. Возьмемъ напр. послѣдній номеръ «Вѣстника финансовъ и промышленности» (№ 30, 1887 г.) и видимъ въ немъ, что напр. въ портѣ отбытія, Одессѣ, 17 іюля 1887 г. озимая пшеница стоила 1,00—1,20 рубля, а въ портѣ прибытія, Марсели, уже — 1,21 — 1,40 руб. или на 20 коп. дороже. Самарская пшеница въ Петербургѣ стоила тогда 0,90 — 1,00 р., а въ Лон-

донѣ 1,32—1,45 р., или на 42—45 коп. дороже и т. д., т. е. въ пути цѣнность товара возросла на 20—45%. Сюда входитъ цѣна транспорта (фрахта), страховая премія и прибыль негоціанта. Кто-же получаетъ эту надбавку цѣнности? Конечно, та страна, на чьихъ судахъ перевозится цѣнность, въ чьихъ страховыхъ компаніяхъ страхуется грузъ, въ чьихъ рукахъ находится сама торговая операція... Американскій торговый флотъ, сильно потрясенный междуусобною войною, когда онъ братоубійственно взаимно былъ уничтоженъ, долженъ былъ послѣ войны уступить первенство иностраннымъ флагамъ, преимущественно британскому, а съ тѣмъ вмѣстѣ и страховка грузовъ перешла въ иностранныя компаніи тѣхъ странъ, подъ флагами коихъ отнынѣ двинулся американскій грузъ. Тѣ же причины, вмѣстѣ съ возрастающею непомѣрно силою европейскаго англо-франко-нидерландскаго капитала, повели и къ сосредоточенію главной доли внѣшней американской торговли въ рукахъ европейцевъ. Надо помнить, что Соединенные Штаты очень мало имѣютъ торговыхъ сношеній съ отсталыми экономически европейскими странами, а преимущественно съ самыми преуспѣвающими. Такимъ образомъ громадная цѣнность, пріобрѣтаемая товаромъ при транспортѣ, въ большей части стала учитываться въ пользу европейскихъ конкуррентовъ Америки, такъ что напр. Англія, получая американскаго товара на 100 милл., возвращала, изъ уплоченной за него суммы всю цѣну транспорта, страховки и посреднической прибыли, тогда какъ отправляя въ Америку тѣ же 100 милл. товара, она прибавляла въ свою пользу и цѣну транспорта, премію, прибыль. Если мы допустимъ, что единовременно изъ Лондона въ Нью-Іоркъ и изъ Нью-Іорка въ Лондонъ отправлено по грузу цѣнностью въ 100 милл. и что, по прибытіи, каждый изъ нихъ вздорожалъ до 120 милл., то предполагая, что весь транспортъ сдѣланъ на англійскихъ судахъ и англійскими негоціантами, окажется, что Америка получитъ 100 милл., а Англія 140 милл. Конечно, въ дѣйствительности, не весь транспортъ дѣлается на иностранныхъ судахъ и иностранными коммерсантами, но если большинство грузится иностранцами на иностранныя суда, то и этого достаточно, чтобы обмѣнъ вышелъ далеко не равный. Достаточно сказать, что средняя (за трехлѣтіе 1880—1882 гг.) ежегодная цѣнность ввоза всѣхъ странъ міра превышаетъ среднюю ежегодную цѣнность всемірнаго вывоза на 1.385.300,000 руб. мет., чтобы убѣдиться въ громадномъ значеніи указываемаго фактора. Весь этотъ милльярдъ съ третью рублей и есть надбавка цѣнности въ пути, надбавка, достающаяся тому, кто съумѣлъ овладѣть транспортомъ и посредничествомъ. Средняя цѣнность всего всемірнаго экспорта опредѣляется суммою около 10 милльярдовъ руб. мет., такъ что надбавка цѣнности за транспортъ и посредничество достигаетъ 14% первоначальной стоимости товара.

Такимъ образомъ, если первою формою международнаго экономическаго неравенства является непосредственная затрата иностранныхъ капиталовъ на туземную промышленность или въ туземные

фонды, при помощи чего прибыли національнаго производства отливаютъ заграницу, то второю такою формою представляется завладѣніе торговымъ международнымъ посредничествомъ и транспортомъ, благодаря чему естественныя прибыли международной торговли вмѣсто того, чтобы распредѣляться между обѣими сторонами, падаютъ въ пользу одной, такъ что для уравновѣшенія ввоза приходится вывозить не равное, а большее количество цѣнностей (на всю сумму возросшей отъ обмѣна цѣнности обмѣниваемыхъ товаровъ). Эта форма также какъ и первая успѣла было установиться въ отношеніяхъ между Соединенными Штатами и передовыми націями Европы, но постепенное возрожденіе американскаго торговаго флота и американской торговли открываетъ довольно вѣроятныя перспективы устраненія и этого неравенства, хотя конечно не столь скоро и рѣшительно. Европейскій торговый флотъ и европейскій торговый капиталъ тоже развиваются весьма быстро и неохотно уступаютъ завоеванное въ Америкѣ положеніе.

Третья причина отлива монеты изъ Соединенныхъ Штатовъ заключается въ переселенческомъ движеніи. Дѣло въ томъ, что только нѣмцы и ирландцы большею частью выселяются въ Америку, порывая всѣ связи съ родиною, забирая съ собою семью, не имѣя мечты вернуться въ отечество. Другіе переселенцы, которыхъ въ Америкѣ не меньше указанныхъ категорій, большею частью смотрятъ на Америку лишь какъ на мѣсто, гдѣ они должны поправить свои дѣла, чтобы вернуться съ полными карманами на туманный-ли британскій островъ, въ свѣтлую-ли Францію, или въ знойную Италію. Весьма многіе и дѣйствительно возвращаются, переводя съ собою и свои нажитые въ Америкѣ капиталы. Приливаютъ въ Соединенные Штаты пустые карманы, отливаютъ полные. Но даже тѣ, которымъ не удается осуществить завѣтную мечту заработать состояніе и возвратиться на родину, долго бьются надъ ея осуществленіемъ и не рвутъ связей съ родиною. Туда они посылаютъ сбереженія, туда направляется и помощь семьѣ и родственникамъ, расплата съ долгами, нравственными обязательствами, дань любви къ родинѣ и друзьямъ. Все это, сливаясь въ одно движеніе монеты изъ Новаго Свѣта въ Старый, даетъ въ результатѣ весьма крупную сумму и составляетъ могущественный элементъ постояннаго перевѣса вывозимыхъ цѣнностей надъ ввозимыми и притомъ элементъ неустранимый до тѣхъ поръ, пока Соединенные Штаты являются страною иммиграціоннаго движенія.

Я нарочно остановился подробнѣе на американскихъ отношеніяхъ, чтобы на примѣрѣ этой несомнѣнно преуспѣвающей и высоко культурной страны показать пружины той международной экономической борьбы, которая кажется столь простою поклонникамъ «благопріятнаго» международнаго торговаго баланса. Эти пружины, какъ мы видимъ, сами собою сводятся къ тремъ главнымъ группамъ: 1) вселеніе иностранныхъ капиталовъ, затрачи-

ваемыхъ на туземную промышленность, помѣщаемыхъ въ національные фонды; 2) утвержденіе иностраннаго капитала въ качествѣ главнаго посредника въ международной торговлѣ, чрезъ что обезцѣнивается въ пользу иностранцевъ вывозъ, увеличивается въ цѣнности въ ихъ же пользу ввозъ, а разность уплачивается новою цѣнностью; и 3) вселеніе иностранцевъ, смотрящихъ на страну, какъ на временное мѣстопребываніе, какъ на поприще для наживы и обогащенія съ цѣлью возвращенія домой. Несмотря на высокую культурность американцевъ, ихъ богатство, силу ихъ капиталовъ, всѣ эти три фактора проявились въ Соединенныхъ Штатахъ съ особою силою послѣ раззорительнаго междоусобія шестидесятыхъ годовъ. Хотя третья причина дѣйствуетъ совершенно самостоятельно и внѣ связи съ послѣдствіями междоусобной войны, но, благодаря зависимости первыхъ двухъ отъ этихъ послѣдствій, семидесятые годы, непосредственно переживавшіе плоды войны, были такъ неблагопріятны для Соединенныхъ Штатовъ, что можно было опасаться (при поверхностномъ наблюденіи), не понизила ли эта война самый международный экономическій типъ американской республики до типа экономически-подчиненныхъ странъ Стараго Свѣта? Но это была горячая международная борьба. Американцы выкупали иностранные капиталы, затраченные въ ихъ промышленность и помѣщенные въ ихъ фонды. Цѣнности поэтому усиленно отливали изъ Америки, но въ результатѣ уменьшался ихъ отливъ въ будущемъ. Съ другой стороны, начавшееся возрожденіе торговаго флота и вообще сложнаго аппарата торговаго международнаго посредничества открываетъ надежды на улучшеніе и съ другой стороны, хотя покуда въ значительныхъ размѣрахъ существуетъ третья причина, полной экономической взаимности установить съ экономически-господствующими странами Европы конечно Соединеннымъ Штатамъ не удастся.

Обращаемся къ Остъ-Индіи, которая тоже характеризуется, какъ мы видѣли, громаднымъ перевѣсомъ вывоза товаровъ. Посмотримъ, въ какомъ отношеніи между собою находятся приливъ и отливъ цѣнностей въ товарахъ и въ монетѣ. Вотъ данныя, выведенныя изъ свѣдѣній о четырехъ годахъ, а именно товарный обмѣнъ для трехлѣтія 1880 — 1882 гг. (по *Спалларту*) и особо для 1886 г. (по «Вѣстнику Финансовъ»), а обмѣнъ монеты для четырехлѣтія 1880—1883 гг. (по *Спалларту*).

Въ милліонахъ рублей металическихъ.

	Вывезено больше нежели ввезено товаровъ на сумму.	Ввезено больше нежели вывезено монеты на сумму.	Чистый дефицитъ.
1880 . .	(—) 150,2	(+) 60,1	(—) 90,1
1881 . .	(—) 216,5	(+) 47,2	(—) 179,3
1882 . .	(—) 206,1	(+) 63,9	(—) 142,2
1883 . .	?	(+) 77,6	?
1886 . .	(—) 162,6	?	?
1880—1882 гг.	(—) 572,8	(+) 171,2	(—) 401,6
Среднее. . .	(—) 190,9	(+) 57,1	(—) 133,8

*

Такимъ образомъ, Индія ежегодно отдаетъ цѣнностей приблизительно на 134 милл. руб. мет. больше, нежели получаетъ. Это та дань, которую она выплачиваетъ экономически господствующимъ странамъ (собственно говоря, Англіи) и выплачиваетъ всѣми тремя способами. Громадные англійскіе капиталы затрачены въ индійскую промышленность (желѣзныя дороги, оросительные каналы, портовыя сооруженія, чайныя и иныя плантаціи, и пр.) и помѣщены въ индійскіе фонды, истраченные на поддержаніе англійскаго владычества въ Индіи. Поэтому, весьма солидныя количества всевозможныхъ цѣнностей ежегодно переходятъ изъ Индіи въ Англію владѣльцамъ этихъ фондовъ, акцій, облигацій, промышленныхъ и торговыхъ паевъ, предпріятій и пр. Съ другой стороны, ни собственнаго торговаго флота, ни собственнаго торговаго класса, занимающагося международнымъ посредничествомъ, Индія не имѣетъ. Все это въ рукахъ англійскаго капитала, а такъ какъ оборотъ внѣшней индійской торговли равняется среднимъ числомъ приблизительно 800 милл. руб. мет., въ годъ то однимъ этимъ путемъ Англія можетъ выручить избытковъ на десятки милліоновъ. Наконецъ, и третья форма экономической подчиненности широко развита въ Индіи, гдѣ не только большіе иноземные капиталы эксплуатируютъ туземную промышленность, а громадный иноземный капиталъ всецѣло овладѣлъ внѣшнею торговлею, но и масса иностранцевъ, смотрящихъ на страну, лишь какъ на поприще наживы и легкаго обогащенія, постоянно въѣзжаетъ и выѣзжаетъ, привозя съ собою только большіе аппетиты, а увозя солидные капиталы. Культурная отсталость Индіи, нуждающейся въ интеллигентномъ и техническомъ трудѣ, облегчаетъ эту операцію, а политическая подчиненность англичанамъ дѣлаетъ ее еще того удобнѣе. Эта политическая подчиненность, не дозволяющая Индіи политическими мѣрами обороняться отъ экономическаго подчиненія, въ связи съ культурною отсталостью, устраняющею туземца съ дороги пріѣхавшаго наживаться европейца, въ связи наконецъ съ бѣдностью страны, являющеюся необходимымъ послѣдствіемъ экономическаго подчиненія,—не открываетъ въ ближайшемъ будущемъ перспективы для измѣненія положенія къ лучшему. Чтобы въ этомъ убѣдиться стоитъ только сравнить семидесятые годы (*Mullhall* «Balance-Sheet») съ восьмидесятыми. Въ теченіе семидесятыхъ годовъ Индія отпустила товаровъ болѣе, нежели получила на 750 милліоновъ руб. мет., а монеты получила болѣе, нежели отпустила на 430.600,000 руб. мет., т. е. чистой потери въ пользу иностранцевъ—319.400,000, или по 31.940,000 р. мет. въ годъ. Мы видѣли выше, что въ наступившее затѣмъ первое трехлѣтіе восьмидесятыхъ годовъ, эта средняя ежегодная потеря равняется уже 133.800,000 руб. мет. Такое громадное возрастаніе (въ четыре раза) конечно не было внезапнымъ скачкомъ а постепенно накоплялось въ теченіе десятилѣтія 1870—1879 гг. и это явленіе доказываетъ лишь одно, что Индія стоитъ не на той дорогѣ, которая ведетъ къ экономическому равенству. Иностран-

ные капиталы и иностранные культуртрегеры солидно основались въ странѣ и она очень быстро увеличиваетъ свою ежегодную дань, взимаемую, однако, уже не мытарями или полисмэнами, а незамѣтно, хотя и весьма чувствительно, уплачиваемую въ сложномъ оборотѣ производства и торговли.

Обозрѣвъ экономическое отношеніе двухъ главныхъ не-европейскихъ странъ къ экономически-господствующимъ европейскимъ, мы теперь снова вернемся въ Европу. Только здѣсь, на крайнемъ Западѣ материка (Франція, Бельгія и Голландія) и на прилегающемъ къ нему британскомъ островѣ безспорно утвердилось международное экономическое преобладаніе. Сюда же отчасти примыкаетъ сосѣдняя Швейцарія и скандинавскій Сѣверъ. Остальная Европа, подобно Остъ-Индіи, служитъ данницею этимъ экономически господствующимъ націямъ. Особенно рельефно въ этомъ смыслѣ выступаетъ, какъ мы выше видѣли, положеніе Австріи и Россіи. Первая изъ нихъ ежегодно вывозитъ товаровъ среднимъ числомъ больше, нежели ввозитъ, на 73.500,000 руб. мет., отпуская при этомъ и монеты на 8.700,000 руб. м. (къ сожалѣнію, данныя не вполнѣ другъ другу современны) [1]), т. е. въ среднемъ выводѣ ежегодно приплачиваетъ иностранцамъ 82.200,000 руб. мет. или безъ малаго 2 р. (1 р. 92 коп.) съ каждаго жителя имперіи. Не столь велико обложеніе нашего отечества, но тоже не ничтожное. Общее превышеніе нашего товарнаго вывоза равняется суммѣ въ 64 мил. руб. мет., а приплата монетою достигаетъ среднимъ числомъ 12.690,000 руб. мет., а всего—76,690,000 руб. мет. или приблизительно по 70—80 коп. съ каждаго жителя.

Нечего много распространяться, чтобы напомнить о наличности въ этомъ случаѣ всѣхъ тѣхъ трехъ причинъ, отъ которыхъ нынѣ постепенно высвобождается Америка и которыя постепенно окончательно опутываютъ Остъ-Индію. Кому неизвѣстно, напр., какіе громадные иностранные капиталы помѣщены въ русскіе и австрійскіе государственные фонды и какіе поэтому громадныя суммы наличною монетою переводятся заграницу единственно для удовлетворенія процентами государственныхъ кредиторовъ. Послѣдній походъ нѣмецкой печати противъ русскихъ фондовъ обнаружилъ ихъ въ размѣрѣ болѣе милльярда въ одной Германіи. Но не одни государственные фонды служатъ иностранцамъ для помѣщенія капитала въ Россіи или Австріи. Желѣзныя дороги и масса промышленныхъ предпріятій служатъ для того же. Чуть-ли не ежедневно читается о новыхъ грандіозныхъ предпріятіяхъ въ Россіи, зачинаемыхъ на иностранные капиталы. То нефтяное дѣло въ Баку, то желѣзное — въ Кривомъ Рогѣ, то мануфактура — въ Царствѣ Польскомъ и т. д. и т. д. служатъ все новымъ и новымъ

[1]) Данныя *Спалларта* о товарномъ вывозѣ захватываютъ начало 80-хъ годовъ, а данныя *Мелльголля* о монетномъ вывозѣ относятся къ десятилѣтію 1870—80 гг. Тоже и для Россіи, для которой есть впрочемъ отрывочныя данныя и болѣе позднія, того же значенія.

поприщемъ для затраты иностранныхъ капиталовъ, прибыли съ которыхъ конечно текутъ заграницу.

Не менѣе упрочилась и другая форма экономическаго неравенства между западною и восточною Европою. Для кого же тайна, что le gros corps нашей внѣшней торговли находится въ рукахъ иностранцевъ и что почти цѣликомъ весь ввозъ и вывозъ является къ намъ на иностранныхъ судахъ, оставляя въ пользу иностранцевъ всю разность между цѣнностью вывоза и цѣнностью ввоза и заставляя насъ выплачивать эту разность новыми собственными цѣнностями.

Третья форма международнаго экономическаго подчиненія, вселеніе культуртрегеровъ, не менѣе широко распространена какъ въ Австріи, такъ и въ Россіи. Недавно законъ объ иностранноподданныхъ обнаружилъ ихъ въ числѣ даже большемъ, нежели ожидали при самыхъ смѣлыхъ разсчетахъ. Все это пріѣзжаетъ въ Россію, дѣлаетъ деньги и отъѣзжаетъ на родину съ капиталами въ карманѣ. Культурное неравенство дозволяетъ свободное и удобное внѣдреніе этихъ культуртрегеровъ какъ въ Россіи, такъ и въ Австріи. Относительная бѣдность дозволяетъ внѣдреніе капиталовъ для разныхъ предпріятій и захватъ этими иноземными капиталами внѣшней торговли. А вмѣстѣ взятое все это ведетъ къ тому, что нація обращается въ экономически подчиненную сторону, ежегодно и правильно выплачивающую дань экономически-господствующимъ націямъ.

Эти націи — Англія, Нидерланды (и романскія, и германскія), Франція, стоящія вмѣстѣ съ тѣмъ на вершинѣ національнаго богатства и культуры. Если мы напр. возьмемъ Голландію и сложимъ чистый избытокъ ввоза товаровъ и монеты, то получимъ около 32 руб. мет. средняго ежегоднаго избытка на душу, т. е. около 160 р. мет., свыше 250 руб. кредитныхъ на среднюю семью въ годъ! Столько цѣнностей могла бы ежегодно получать каждая голландская семья, какъ дань другихъ народовъ, если бы всѣ приплаты другихъ націй въ пользу голландцевъ были бы раздѣлены поровну между ними. Сдѣлавъ подобный же разсчетъ для всѣхъ экономически господствующихъ націй, мы увидимъ, что эта дань другихъ націй въ ихъ пользу приноситъ имъ на семью: англійскую—около 230 руб. кр., бельгійскую—170 р. кр., французскую — 75 р. кр. и скандинавскую — 45 р. кр., приблизительно. На эту сумму другія націи работаютъ и производятъ для нихъ, не получая ничего въ обмѣнъ. Что касается абсолютныхъ цифръ, то къ сожалѣнію для восьмидесятыхъ годовъ они недостаточно (что касается обмѣна драгоцѣнными металлами) полны, чтобы охватить довольно значительное число странъ. Поэтому приходится довольствоваться семидесятыми годами, для которыхъ у *Мелльголля* находимъ довольно полный матеріалъ. За десятилѣтіе 1870—79 гг. главнѣйшія страны міра слѣдующимъ образомъ участвовали въ обмѣнѣ:

1. Четыре экономически господствующихъ націи получили излишекъ цѣнности и товаромъ и монетою въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	Избытокъ ввоза въ мил. р. м.		
	Монетою.	Товаромъ.	Всего.
Англія	157,5	5,812,5	5,970,0
Франція	851,2	1,125,0	1,976,2
Голландія	66,2	625,0	691,2
Бельгія	285,0	562,5	847,5
	1,359,9	8,125,0	9,484,9

Или другими словами эти четыре страны за сказанное десятилѣтіе поглотили цѣнностей, произведенныхъ другими странами, безъ всякаго ихъ за то вознагражденія круглымъ числомъ на $9^1/_2$ милліардовъ рублей металлическихъ или 38 милліардовъ франковъ (безъ малаго 15 милліардовъ рублей кредитныхъ).

2. Съ другой стороны слѣдующія страны оказались несомнѣнно экономически подчиненными, уплачивая иностранцамъ избытокъ цѣнностей:

	Избытокъ вывоза, въ мил. р. м.		
	Монетою.	Товаромъ.	Всего.
Соединенные Штаты. . .	310,0	687,5	997,5
Южная Америка (вся) . .	490,6	250,0	740,6
Южная Африка	11,9	62,5	74,4
Остъ-Индія	+ 430,6	750,0	319,4
Австралія	290,3	+ 125,0	165,3
	672,2	1,625,0	2,297,2

3. Изъ остальныхъ странъ, о которыхъ у *Мелльголля* находимъ достаточныя свѣдѣнія, небольшой избытокъ имѣли Россія, Австрія, Скандинавія и Канада. О Германіи, Италіи, Швейцаріи, Турціи свѣдѣнія вполнѣ недостаточны, какъ и о большей части Азіи и Африки и нѣкоторой части Америки (Мексика, Вестъ-Индія и др.) и Австраліи (не англійскія владѣнія).

Если сравнимъ эти данныя для семидесятыхъ годовъ съ вышеприведенными вычисленіями для восьмидесятыхъ, то легко усмотримъ, что Скандинавія и Канада, тогда лишь робко ступившія на стезю избытковъ, успѣли на ней утвердиться; Соединенные Штаты сдѣлали значительныя и не безуспѣшныя усилія, чтобы высвободиться изъ экономической подчиненности, въ которую ихъ поставила междоусобная война; Остъ-Индія напротивъ того сдѣлала значительные шаги по пути развитія этой подчиненности; нѣкоторые шаги по тому же пути сдѣлали Австрія и Россія. Богатые богатѣли; бѣдные бѣднѣли; среднее состояніе выпадало, такъ какъ Скандинавія, Канада, Соединенные Штаты выбивались на верхъ, другіе же вытѣснялись къ низу, и между имущими и неимущими націями разстояніе лишь возрастало. Этотъ общій экономическій законъ, нынѣ господствующій во внутреннихъ отношеніяхъ передовыхъ странъ Европы и опредѣляющій развитіе и порядокъ

имущественнаго распредѣленія при невозбранномъ господствѣ капитала, сказался, какъ мы видимъ, и въ международныхъ отношеніяхъ и сказался во всемъ своемъ блескѣ и силѣ. Историческая эволюція, распредѣливъ сначала членовъ націй на экономическіе классы, нынѣ распредѣляетъ на такіе же экономическіе классы сами націи. Несомнѣнно, что Англія, Франція, Нидерланды возвысились и утвердились, какъ экономически господствующій классъ націй. За ними тянутся Скандинавія и Швейцарія, имѣя нѣкоторые шансы на успѣхъ. За то же мѣсто энергически бьется сѣверо-американская республика (и, прибавимъ, Германія). Тѣнь того-же экономическаго преобладанія падаетъ отъ Англіи и Франціи и на ихъ колоніи съ европейскимъ населеніемъ (Канада, Капландія, Алжирія), которыя тоже выбиваются на верхъ. За то тѣмъ ниже опускаются колоніи съ туземнымъ населеніемъ, Остъ-Индія, французскій Индо-Китай, голландская Индія (Зондскіе и Моллукскіе острова), вся Вестъ-Индія (британская, французская, голландская, испанская), Египетъ и т. д. Рядомъ съ этими туземными колоніями стоятъ культурно-отсталыя страны не европейскія, вся Южная Америка, Сіамъ, Японія и др. Нѣсколько выше ихъ, но все же въ разрядѣ экономически подчиненныхъ странъ встрѣчаемъ культурно-отсталыя европейскія страны, Австрію, Россію, Испанію, Балканскія земли... Приблизительно такимъ вырисовывается современное экономическое положеніе міра и отношеніе націй между собою. Дифференцированіе націй на экономическіе классы стало уже совершившимся фактомъ и было бы нелѣпо оставаться на фиктивной теоретической почвѣ якобы равнаго экономически положенія. Не равно положеніе работодателя и рабочаго; не равно положеніе ландлорда и мелкаго съемщика; чистая фикція — свобода ихъ договора о наймѣ или арендѣ. Точно такъ же нынѣ и въ международныхъ отношеніяхъ не равно положеніе націи-капиталистки и народа-работника и чистая фикція—весь этотъ «благопріятный» и «неблагопріятный» торговый балансъ, въ спорахъ о которомъ столько преломлено копій.

Указанное дифференцированіе націй на экономическіе классы представляетъ собою явленіе, совершенно новое въ исторіи. Оно начало сказываться въ сороковыхъ годахъ, когда впервые Англія начала ввозить товара болѣе, нежели вывозила и, вопреки этому, продолжала богатѣть. Она первая вступила на этотъ путь, но данныя о томъ времени еще не указываютъ на сущность явленія. Это просто казалось странностью, которой только опасались въ Англіи. Опасенія оказались излишними. За Англіей одна за другою вступили на тотъ же путь Голландія, Бельгія, Франція, и всѣ четверо продолжали богатѣть. Патріоты, однако, опасались и скорбѣли... Чудаки скорбѣли, что получаютъ болѣе, нежели даютъ! Пятидесятые и шестидесятые годы, въ теченіе которыхъ съ разными колебаніями совершалась эта знаменательная эволюція, затемненная при этомъ многочисленными военными и политическими потрясеніями, очень медленно выясняли существенныя черты про-

цесса, такъ что лишь послѣднія два десятилѣтія обрисовали его съ достаточною ясностью. И мы видѣли, что восьмидесятые годы въ этомъ отношеніи даже ярче семидесятыхъ. Вотъ почему мнѣ приходилось сводить самый новѣйшій статистическій матеріалъ, хотя по необходимости онъ долженъ быть менѣе полонъ и точенъ, нежели болѣе отъ насъ отдаленный. Дѣло въ томъ, что только въ настоящее время изучаемый процессъ обрисовался съ достаточною рельефностью и ясностью, потому что это самые послѣдніе, самые свѣжіе всходы на всемірно-исторической нивѣ.

Что же обнаруживаютъ передъ нами эти всходы? Ясно, что экономическая международная исторія, пройдя фазисы прямого экономическаго насилія или завоевательной политики и экономической монополіи во всѣхъ ея послѣдовательныхъ стадіяхъ,—вступила въ фазисъ господства капитала, которому въ теоріи соотвѣтствуетъ фритредерство, какъ господству капитала внутри обществъ соотвѣтствуетъ пресловутая доктрина «laissez-faire, laissez-passer», теорія свободнаго (т. е. дезорганизованнаго) труда и свободной конкурренціи. Такимъ образомъ, чисто фактическое изслѣдованіе насъ привело въ этой главѣ къ заключеніямъ, которыя въ предъидущей главѣ были выведены нами изъ теоретическаго построенія. Индуктивное изслѣдованіе вполнѣ подтверждаетъ дедукцію изъ общаго историческаго закона, установленнаго нами ранѣе того, а такая взаимная провѣрка даетъ намъ новую увѣренность въ правильности нашихъ выводовъ, практическое и теоретическое значеніе которыхъ жизнь и наука призваны выяснить во весь ихъ ростъ въ недалекомъ будущемъ.

Такъ строго соотвѣтственно развиваются экономическія отношенія на почвѣ индивидуальной и на почвѣ коллективной борьбы за существованіе. Одинаковымъ способомъ возникаетъ экономическое господство и одинаково проходитъ оно три главныхъ стадіи, порабощеніе, монополію, эксплуатацію, причемъ каждая послѣдующая стадія представляетъ сравнительно съ предъидущею болѣе смягченную форму господства и болѣе полное дифференцированіе господства экономическаго и политическаго. Каждая изъ этихъ большихъ стадій въ исторіи международной экономической борьбы сама распадается на фазисы. Такъ стадія порабощенія заключаетъ въ себѣ фазисы набѣговъ (грабежа, контрибуцій), постоянной дани и сатрапій. Стадія монопольнаго режима распадается на фазисы чисто-торговой монополіи, торгово-промышленной монополіи ввоза, торгово-промышленной монополіи вывоза. И тутъ, какъ мы видѣли, каждый послѣдующій фазисъ экономическаго господства является и смягченіемъ сравнительно съ предъидущимъ, и болѣе дифференцированнымъ отъ господства политическаго. Каждая стадія, однако, предоставленная сама себѣ, роковымъ образомъ, свершаетъ свою миссію деморализаціи и деградаціи, упраздняя координированную самодѣятельность народа и вызывая самодѣятельность некоординированную. При культурной разнородности сталкивающихся націй, когда рѣшающимъ моментомъ въ борьбѣ

является культура, историческій подборъ рѣшительно покровительствуетъ этой формѣ исторической эволюціи и циклизмъ становится закономъ развитія. При относительной культурной однородности сталкивающихся націй, когда рѣшающимъ моментомъ въ борьбѣ является уже не культура, а активность (координированная самодѣятельность), историческій подборъ даетъ опору этой активности, въ которой циклизмъ и находитъ сопротивленіе и даже опроверженіе. Активность въ этомъ случаѣ опирается, какъ на культурное орудіе борьбы, на орудіе экономическаго господства слѣдующей стадіи. Противъ порабощенія выступаетъ монополія; противъ монополіи воздвигается капиталъ. Такова въ самыхъ общихъ чертахъ схема международной экономической борьбы въ ея историческомъ развитіи, насколько она выясняется передъ нами на предшествующихъ страницахъ.

Сообразно этимъ стадіямъ и фазисамъ развитія международныхъ экономическихъ отношеній развивалась и экономическая доктрина, гдѣ меркантилизмъ смѣнился протекціонизмомъ, а этотъ послѣдній — фритредерствомъ, который является теоретическимъ обоснованіемъ и нормальнымъ выраженіемъ экономическаго господства капитала въ международныхъ отношеніяхъ. Практическое осуществленіе доктрины фритредерства, безъ всякихъ ограниченій и безъ всякаго регулированія, означало бы только облегченіе и ускореніе дифференцированія націй на капиталистовъ и рабочихъ, на имущихъ и неимущихъ. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что протекціонизмъ правъ въ своихъ притязаніяхъ вытѣснить фритредерство изъ практики также, какъ и изъ теоріи? Нисколько, конечно. Протекціонизмъ есть выраженіе монопольнаго періода международной экономической борьбы, какъ фритредерство — эпохи господства капитала. Какъ неосновательно было бы думать побороть господство капитала во внутреннихъ экономическихъ отношеніяхъ возвратомъ къ монополіямъ гильдій, цеховъ, майоратовъ и пр., такъ точно и въ международныхъ отношеніяхъ невозможно противупоставлять силѣ господствующаго капитала режимъ монополій. Не протекціонизму по силамъ остановить дифференцированіе націй, являющееся выраженіемъ того господства капитала, которое нынѣ весьма недвусмысленно начинаетъ устанавливаться и въ международныхъ отношеніяхъ, какъ уже установилось въ индивидуальныхъ.

Что можетъ дать намъ протекціонизмъ съ интересующей насъ точки зрѣнія? Несомнѣнно, онъ повышаетъ предпринимательскую прибыль въ промышленности и дѣлаетъ ее сравнительно болѣе значительною, нежели въ странахъ, не огражденныхъ благодѣяніями покровительственныхъ тарифовъ, а такое повышеніе прибылей неизбѣжно ведетъ и къ повышенію рыночнаго процента на капиталъ. Все это, во первыхъ, заставляетъ государство, общественныя управленія и компаніи искать для своихъ займовъ преимущественно иностранные капиталы, какъ болѣе дешевые. Такимъ образомъ, національные фонды оказываются по необходи.

мости за границею. Далѣе, иностранные капиталы привлекаются въ страну высокою предпринимательскою прибылью. Вспомнимъ, сколько переселилось въ Царство Польское иностранныхъ фабрикъ послѣ повышенія пошлинъ. Эта же высота предпринимательской прибыли въ странѣ необходимо и неизбѣжно передаетъ всю внѣшнюю торговлю въ руки иностраннаго капитала, который довольствуется меньшею прибылью (а вещь экономически невозможная, чтобы напр. въ торговлѣ англо-русской могли быть разныя прибыли для русскихъ и англійскихъ негоціантовъ). И отливъ національныхъ фондовъ заграницу, и вселеніе иностраннаго капитала въ страну, и переходъ внѣшней торговли въ руки иностранцевъ, и даже вселеніе иностранныхъ культуртрегеровъ (сопровождающихъ иностранные капиталы), все это значительно облегчается системою протекціонизма, которая, затрудняя одни пути международной экономической эксплуатаціи, облегчаетъ другіе и является не только совершенно призрачнымъ орудіемъ противъ угрожающей экономически отсталымъ странамъ участи стать чѣмъ-то въ родѣ батраковъ по отношенію къ націямъ, экономически господствующимъ, но въ нѣкоторомъ отношеніи даже содѣйствуетъ этому процессу. Но фритредерство только облегчаетъ его? Что же дѣлать?

Можно бы указать на рядъ палліативныхъ мѣръ, способныхъ задержать быстрое развитіе этого процесса, въ родѣ напр. разныхъ препятствій и затрудненій къ вселенію иностранныхъ капиталовъ и иностранныхъ культуртрегеровъ; поощренія торговому мореходству; системѣ тарифовъ, разсчитанной на пониженіе предпринимательской прибыли и покровительство обработкѣ сырья его производителями и т. д., и т. д. Этюдъ этотъ, однако, совершенно теоретическаго характера и я не имѣлъ въ виду предлагать какія либо практическія рѣшенія. Не могу только не указать въ заключеніе, что пути къ дѣйствительному сопротивленію этой опасности намѣчены отчасти исторіей внутреннихъ экономическихъ отношеній, всегда на всемъ протяженіи исторіи предварявшихъ своею эволюціей аналогичную эволюцію международныхъ отношеній. Это предвареніе, бывшее доселѣ закономъ исторіи, не указываетъ-ли прежде всего на то, что и нынѣ господство капитала должно найти себѣ ограниченіе прежде всего въ отношеніяхъ внутреннихъ? Сюда должны быть направлены первыя и главныя усилія. Только послѣ этого можно надѣяться съ успѣхомъ противустать капиталу и на почвѣ международныхъ экономическихъ отношеній, исходя, конечно, изъ тѣхъ же началъ, которыя противуставляются господству капитала во внутреннихъ экономическихъ отношеніяхъ. А это—начала общественной солидарности, государственнаго вліянія и экономической организаціи, которая частью разстроилась съ паденіемъ прежней рабской и монопольной организаціи труда, частью разстраивается въ процессѣ разложенія сельской общины и замѣняется полною дезорганизаціей (свободный трудъ, свободная конкурренція, мобилизація земельной собственности), открывающей самое широкое поприще для

изучаемыхъ нами экономическихъ явленій господства капитала въ индивидуальныхъ такъ же, какъ и въ международныхъ отношеніяхъ.

Не могу не отмѣтить еще одного историческаго обстоятельства, имѣющаго существенное значеніе для насъ, русскихъ. Изъ великихъ націй Англія, Нидерланды и Франція занимаютъ положеніе экономически господствующихъ, представляютъ капиталъ въ международныхъ отношеніяхъ. Соединенные Штаты и Германія (съ Цислейтаніею) бьются за мѣсто среди тѣхъ же экономическихъ господъ. Возможно, что они достигнутъ цѣли, но весьма мало шансовъ, чтобы еще какая либо великая нація имѣла возможность подняться на ту же ступень, потому что по самому существу процесса счастливцевъ не можетъ быть много. Изъ массы представителей труда возвышаются немногіе представители капитала. Въ такомъ случаѣ, Россія окажется силою вещей въ числѣ, а слѣдовательно и во главѣ націй, представляющихъ трудъ въ международныхъ отношеніяхъ и страдающихъ отъ экономическаго дифференцированія, отъ господства капитала. И не натурально-ли ожидать, что на ея долю выпадетъ главная роль въ предстоящей борьбѣ за международную экономическую справедливость? Въ этомъ заключается ея прямой интересъ и для этого она покуда сохраняетъ въ своей внутренней экономической организаціи очень важные и существенные элементы и условія, дозволяющіе борьбу съ господствомъ капитала. Такова одна изъ императивныхъ задачъ русской исторіи, и сколько бы мы ни отворачивались отъ этой задачи, налагаемой на насъ всѣмъ ходомъ нашей національной жизни, исторія (и если не внутренняя, то внѣшняя) должна рано или поздно привести и поставить насъ лицомъ къ лицу съ этою широкою и отвѣтственною проблемою. И лучше заранѣе приготовиться къ великой исторической отвѣтственности, выпадающей на нашу долю, нежели увидѣть себя застигнутыми врасплохъ, «какъ рабъ лѣнивый и лукавый», зарывшій свой талантъ въ землю. Нашъ талантъ тоже въ землѣ, но онъ не скрывается въ землѣ, а питается, сохраняется и держится ею... Нашъ долгъ не дать заглохнуть ему среди плевелъ злонамѣреннаго кулачества и благонамѣреннаго невѣжества.

С. Южаковъ.

НРАВСТВЕННОЕ НАЧАЛО ВЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ БОРЬБѢ.

Соціологическій этюдъ.

Явленіе *общественной борьбы*, къ изслѣдованію котораго я приступилъ въ этюдѣ «Международная экономическая борьба» (*«Сѣверный Вѣстникъ»*, 1888 г., №№ 1 и 2), затронуто въ упомянутой работѣ лишь съ одной, хотя и очень важной, стороны. Такое одностороннее разсмотрѣніе вопроса, конечно, не можетъ вести и не ведетъ къ уясненію всего значенія, которое общественная борьба во всѣхъ ея формахъ можетъ имѣть для общаго хода человѣческаго прогресса, для общественнаго развитія вообще и для тѣхъ или иныхъ сторонъ его въ частности. Упомянутый этюдъ предлагалъ лишь приступъ къ такому изслѣдованію и, понятно, не могъ отвѣтить на многіе вопросы, естественно возникавшіе при его чтеніи. Кромѣ общаго введенія, скорѣе ставившаго вопросы, нежели дававшаго отвѣты, тамъ лишь одна спеціальная сторона процесса была обслѣдована болѣе подробно и обстоятельно съ тѣмъ, конечно, что и другія стороны, одна за другою, будутъ обслѣдованы съ той же общей точки зрѣнія и, по мѣрѣ движенія работы, будутъ предлагаемы вниманію читателя. Нынѣ въ предлагаемомъ этюдѣ я пытаюсь дать истолкованіе другой, не менѣе важной стороны явленія, но, конечно, и этою работою не исчерпываю всѣхъ сторонъ и всѣхъ вопросовъ, которые логически связаны съ избранною мною задачею и постепенно должны быть введены въ изслѣдованіе. Дѣлаю эту оговорку, потому что вышеупомянутая моя работа заслужила именно этотъ самый упрекъ въ односторонности, упрекъ, очевидно порожденный мнѣніемъ, что ею одною я и предполагаю завершить изслѣдованіе громаднаго вопроса, выдвинутаго мною въ началѣ статьи. Эта нынѣ предлагаемая вниманію читателя работа составляетъ, такимъ образомъ, звено въ рядѣ другихъ, мною предпринятыхъ съ цѣлью уясненія законовъ, управляющихъ общественною борьбою вообще, историческою международною борьбою въ особенности. Примыкая къ упомянутому этюду о международной экономической борьбѣ и связывая его съ предстоящими еще работами о борьбѣ на почвѣ умственной и политической, настоящій этюдъ о нравственномъ началѣ въ общественной борьбѣ представляетъ,

однако, подобно предъидущему, работу, на столько отдѣльную и самостоятельную, что для своего пониманія не требуетъ предварительнаго ознакомленія съ какими нибудь иными моими работами.

Но почему, послѣ *богатства*, я остановился именно на *нравственности*, какъ орудіи борьбы, отложивъ *знаніе* и политическую *власть* для послѣдующихъ этюдовъ? Въ выборѣ именно такой послѣдовательности руководили мною причины, которыя я считаю не безполезнымъ предварительно выяснить въ видѣ приступа къ изложенію предмета. Въ первыхъ двухъ главахъ этюда о международной экономической борьбѣ я остановился въ бѣгломъ обзорѣ на орудіяхъ общественной борьбы въ ихъ совокупности, чтобы затѣмъ постепенно разработать ихъ по частямъ. Я старался показать, что въ общественной борьбѣ все многоразличіе ея дѣятелей и орудій можетъ быть сведено въ двѣ существенно отличныя, существенно важныя группы. *Активность* съ одной стороны, *культура* съ другой являются, каждая, совокупностью такой группы орудій и дѣятелей борьбы. Общества одерживаютъ верхъ въ борьбѣ съ другими обществами, члены обществъ — въ борьбѣ съ согражданами, благодаря преимуществамъ того или другого рода, благодаря болѣе развитой активности или болѣе высокой культурѣ. Другихъ способовъ борьбы общественная жизнь не знаетъ. Является, стало быть, настоятельная надобность ознакомиться съ обоими способами, изучить и культуру, и активность, какъ орудія борьбы и побѣды. Въ этюдѣ «Международная экономическая борьба» я остановился на культурѣ и выбралъ среди культурныхъ орудій такое, которое полнѣе другихъ выдѣлилось отъ соотносительной активности (богатство отъ труда). Ни власть (культура политическая), ни знаніе и вѣра (культура умственная) не выдѣлились такъ отъ соотносительной активности (свободной политической дѣятельности и критической мысли), какъ богатство и капиталъ (культура экономическая). Поэтому, специфическое значеніе культуры, какъ орудія общественной борьбы, удобнѣе всего было изучать, начавъ съ анализа въ этомъ направленіи культуры экономической. Мы такъ и сдѣлали. Переходя затѣмъ къ изслѣдованію прочихъ культурныхъ орудій борьбы, интеллектуальныхъ и политическихъ, мы на первыхъ же порахъ сталкиваемся съ переплетающимся вліяніемъ активности, умственной и политической, какъ такихъ же орудій. Здѣсь гораздо затруднительнѣе выдѣленіе одной стороны явленія и для его пониманія необходимо одинаковое вниманіе къ обѣимъ сторонамъ. Здѣсь, стало быть, необходимо предварительное, болѣе обстоятельное ознакомленіе съ активностью, какъ орудіемъ борьбы и побѣды. Но какъ изученіе культурной стороны политическаго и умственнаго развитія затрудняется переплетающимся вліяніемъ политической и умственной активности, точно такъ же это обстоятельство затрудняетъ и изученіе роли активности въ политической и умственной борьбѣ. Для предварительнаго ознакомленія съ культурою, какъ орудіемъ борьбы, мы избрали *богатство*, культурный факторъ, наи-

болѣе независимый отъ вліянія активности. Такимъ же полнѣе всего обособленнымъ и наименѣе зависимымъ отъ вліянія культуры проявленіемъ общественной активности представляется *нравственность*. Поэтому, для анализа роли и значенія активности въ общественной борьбѣ нельзя найти другого общественнаго явленія столь же удобнаго, столь же независимаго отъ культурнаго гнета, какъ мораль. Конечно, мораль очень чувствительна къ культурному гнету, политическому, умственному или экономическому, но это уже другой вопросъ о взаимодѣйствіи разныхъ сторонъ общественнаго строенія, тогда какъ внутри группы явленій, соединяемыхъ подъ именемъ нравственности, тѣ изъ нихъ, которыя можно назвать моральною культурою (собственно — догматика морали), играютъ роль сравнительно второстепенную, уступая значеніе моральному настроенію и моральному дѣйствію, подобно тому, какъ развитая экономическая культура можетъ подчиняться вліянію активности политической, умственной и моральной, но господствуетъ надъ матеріальнымъ трудомъ. Теперь, надѣюсь, понятно, почему именно съ нравственности мы начинаемъ наше изученіе общественной активности, какъ орудія общественной борьбы.

Та же причина (необработанность предмета), которая заставила меня и въ этюдѣ объ экономической борьбѣ начинать рѣчь издалека и дѣлать отступленія отъ нити изслѣдованія, предписываетъ мнѣ и теперь тотъ же планъ изложенія, хотя при этомъ довольно затруднительно удержать вниманіе читателя въ желаемомъ направленіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Активность и ея значеніе въ жизни.

1. Реакція жизни на среду. — 2. Приспособленіе среды и цѣлесообразность активной реакціи на среду. — 3. Высвобожденіе энергіи активною жизнью. — 4. Работа и самосохраненіе. — 5. Круговращеніе вещества и энергіи въ пассивной и въ активной жизни. Сходства и отличія. Активное приспособленіе. — 6. Законъ прямой соотносительности накопленія и траты вещества и энергіи въ живыхъ тѣлахъ. Контрасты развитія. — 7. Прямо-соотносительное накопленіе вещества и энергіи. Процессы растительные или пассивные. — 8. Прямо-соотносительная трата вещества и энергіи. Накопленіе и трата. Процессы активные. — 9. Цѣлесообразность въ свѣтѣ основныхъ законовъ жизни. — 10. Отвѣтвленіе общественнаго процесса. Общественное самосохраненіе. Контрасты общественнаго и индивидуальнаго самосохраненія. — 11. Общественныя потребности и общественныя силы. Общественная активность. Контрасты общественной и индивидуальной активности. — 12. Возникновеніе культуры. Овеществленіе момента работы. Законъ культурныхъ процессовъ. — 13. Значеніе культуры. Духовная культура. — 14. Сводъ и заключеніе.

I.

Активность представляется особенностью, медленно и постепенно вырабатываемою въ прогрессѣ жизни. Она заключается,

какъ мы знаемъ (см. первыя двѣ главы этюда объ экономической борьбѣ, «*Сѣв. В.*», 88, № 1), въ способности организма реагировать на среду для приспособленія ея къ потребностямъ жизни. *Реакція жизни на среду*—таково первое основное отличительное свойство активной жизни. Начиная съ простѣйшихъ животныхъ организмовъ, уже реагирующихъ на среду не всегда сознательно и преднамѣренно, и кончая человѣкомъ и человѣческимъ общежитіемъ, способнымъ къ глубокимъ преобразованіямъ среды, активность постепенно накоплялась жизнью, все опредѣленнѣе и яснѣе выдѣляясь изъ прочихъ органическихъ процессовъ, все рѣзче и ярче выясняя свою сущность и свое значеніе въ общей экономіи природы нашего земного міра.

На низшихъ ступеняхъ жизни не всегда легко отличить пассивную реакцію на среду отъ активной, потому что если активность и состоитъ въ реакціи на среду, то не всякая реакція на среду есть уже активность. Отложеніе древеснаго листопада, преобразующее почву лѣса и подготовляющее ее къ произрастанію новыхъ растеній, къ иному поглощенію влажности, къ иному заселенію животными, — является, безъ сомнѣнія, тоже реакціей жизни на среду, и очень могучею реакціей. Или не такою же-ли могучею реакціей жизни на среду является затѣненіе почвы лѣсомъ, препятствующее накаливанію почвы, стало быть и лучеиспусканію теплоты этою почвою, и нагрѣванію этимъ лучеиспусканіемъ проносящагося надъ почвою облака, и, такимъ образомъ, содѣйствующее болѣе частому выпаданію дождя и росы, большей влажности климата? Лѣсъ могучимъ образомъ реагируетъ на почву и на климатъ страны, удобряя одну и увлажняя другой,—это-ли не приспособленіе среды къ потребностямъ жизни чрезъ реакцію самой жизни на среду? Густая растительность, покрывающая крутые горные склоны, сильно задерживаетъ быстроту скатыванія воды по этимъ склонамъ и является, какъ извѣстно, лучшимъ предохранительнымъ средствомъ противъ внезапныхъ и опустошительныхъ наводненій въ горныхъ странахъ, — это-ли не новое проявленіе той же могучей реакціи жизни на среду, ее преобразующей и видоизмѣняющей? Да, конечно, все это реакція жизни на среду, порою даже служащая на пользу жизни, но однако это никакъ не активность. Такую же реакцію на среду, и зачастую тоже въ интересахъ жизни, нерѣдко оказываютъ и неодушевленные предметы и силы природы. Вывѣтриваніе горныхъ породъ тоже видоизмѣняетъ составъ почвы, удобряетъ ее и подготовляетъ для новой растительности. Направленіе вѣтровъ, обиліе озеръ, расположеніе горныхъ хребтовъ тоже вліяетъ на большее или меньшее выпаданіе дождя и росы. Глубокіе озерные водоемы на горныхъ склонахъ тоже задерживаютъ быстрое скатываніе влаги и предупреждаютъ внезапныя и опустошительныя наводненія. Словомъ, не только жизнь, но и различныя явленія неодушевленной природы могутъ производить тѣ же реакціи на среду, на общее ея состояніе и частныя ея свойства, какъ и вышеперечи-

сленныя проявленія разнаго рода реакціи растительной жизни. Но и человѣческое общежитіе, эта высшая форма активной жизни, можетъ производить и производитъ въ дѣйствительности тѣ же самыя воздѣйствія въ видѣ реакціи на окружающую среду?

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ покрываетъ горные склоны густою растительностью и устраиваетъ искусственные обширные водоемы (запруды) на этихъ склонахъ, предупреждая этими своими дѣйствіями внезапныя наводненія. Онъ искусственно разлагаетъ горныя породы, собираетъ и свозитъ продукты органическаго разложенія, преобразуя и удобряя тѣмъ почву, приготовляя ее для новой растительности, которою затѣмъ и покрываетъ эту видоизмѣненную почву. Онъ разводитъ лѣса для урегулированія естественнаго орошенія. Онъ замѣняетъ недостатокъ этого орошенія системою искусственной ирригаціи. Итакъ, и явленія неодушевленной природы (горныя породы, вѣтеръ, озера, хребты), и пассивная растительная жизнь (лѣса, растительность горныхъ склоновъ), и человѣческія общежитія реагируютъ на среду, видоизмѣняя ея почву, смягчая климатъ, преобразуя флору страны, предохраняя отъ наводненій и т. д. и т. д. Какая же разница между этой реакціей неодушевленныхъ явленій природы или пассивной жизни, съ одной стороны, и *работою* человѣка, съ другой? Если реакція на среду есть активность, то она разлита вокругъ насъ, во всѣхъ явленіяхъ неорганической и органической природы. Значитъ, вопросъ въ томъ, чѣмъ отличается реакція на среду активной жизни отъ прочихъ явленій того же рода, будь то реакція со стороны неорганическихъ явленій или со стороны жизни пассивной? Активность всегда выражается въ формѣ реакціи на среду, но не всякая реакція на среду есть проявленіе активности. Необходимо, слѣдовательно, развить и дополнить это первое опредѣленіе активности. Оно вмѣщаетъ въ себя всю активность, но не одну активность. Оно слишкомъ просторно. Попробуемъ его разгородить и точнѣе ограничить собственное помѣщеніе активной жизни. Мы знаемъ уже, гдѣ находится это помѣщеніе; намъ надлежитъ точнѣе опредѣлить его межи. Активность есть реакція жизни на среду, но какая реакція? Въ чемъ ея отличительные признаки, творящіе изъ нея могучую самостоятельную силу природы?

II.

Въ началѣ прошлаго параграфа, опредѣляя активность, какъ реакцію жизни на среду, мы согласно идеямъ, высказаннымъ уже въ этюдѣ объ экономической борьбѣ [1]), ввели и нѣкоторое ограниченіе въ понятіе реакціи на среду, именно прибавивъ: «для

[1]) Впервые, еще въ 1872 году, въ этюдѣ: «Соціальное строеніе и соціальные дѣятели» («Знаніе», 1872, № 12). См. такъ-же: «Отвѣтъ Н. К. Михайловскому» (*ibidem.*, 1873 г. № 7) и «Субъективный методъ въ соціологіи» (*ibidem*, 1873 г., № 10).

приспособленія среды къ потребностямъ жизни». Съ одной стороны, всякая активная реакція жизни на среду стремится приспособить среду къ потребностямъ жизни, а съ другой стороны, значительная, если не бо́льшая, часть различныхъ реакцій неодушевленныхъ явленій и пассивной жизни вовсе не ведетъ къ приспособленію среды для потребностей жизни. Вывѣтриваніе мергеля или лавы, конечно, удобряетъ почву, приспособляетъ ее къ потребностямъ жизни; но вывѣтриваніе песчаника или мѣла можетъ ухудшить почву, затруднить развитіе жизни на ней. Вѣтеръ приноситъ и сгущаетъ влагу, но онъ ее и уноситъ и высушиваетъ; онъ приноситъ не только влагу, но и сыпучіе пески, погребающіе подъ своимъ мертвеннымъ покровомъ цѣлые оазисы. Горные хребты содѣйствуютъ выпаданію влаги, но и затрудняютъ это выпаданіе, если отдѣляютъ отъ моря; они бываютъ зачастую причиною неумѣренно холоднаго климата, загораживая страну отъ южныхъ вѣтровъ (въ сѣверномъ полушаріи). Озера увлажняютъ климатъ, но не вездѣ такое увлажненіе необходимо; порою же оно бываетъ вредно для развитія жизни. Тоже слѣдуетъ сказать и о вліяніи лѣсовъ, которые охлаждаютъ и увлажняютъ Финляндію такъ же, какъ и Крымъ и, если во второмъ случаѣ это охлажденіе и увлажненіе приспособляетъ климатъ страны къ потребностямъ жизни, то въ первомъ оно дѣйствуетъ въ совершенно обратномъ смыслѣ. Точно также и преобразованіе почвы лѣсомъ бываетъ разное. Лиственные лѣса при умѣренно влажномъ климатѣ удобряютъ почву своимъ листопадомъ. Хвойные лѣса нерѣдко могутъ только ухудшить почву. При очень влажномъ климатѣ и лиственный лѣсъ болотитъ почву, дѣлаетъ ее кислою, малоплодородною. Вообще, и неодушевленныя явленія и пассивная жизнь проявляютъ очень могучую реакцію на среду, но эта реакція, обусловленная состояніемъ самой среды, ведетъ къ дальнѣйшему приспособленію среды для потребностей жизни или, наоборотъ, ухудшаетъ жизненныя условія въ зависимости никакъ не отъ собственнаго приспособительнаго процесса, видоизмѣняющагося сообразно состоянію среды, а болѣе отъ этого самого состоянія. Лѣсъ всегда дѣйствуетъ въ одномъ направленіи, но онъ ухудшаетъ или улучшаетъ почву и климатъ въ зависимости отъ состоянія почвы и климата. При одномъ состояніи природы отложеніе листопада и сушняка, затѣненіе и увлажненіе приспособляютъ почву и климатъ къ потребностямъ жизни; при другомъ состояніи, наоборотъ, но лѣсъ всегда и неизмѣнно отлагаетъ листопадъ, затѣняетъ и увлажняетъ. Онъ не приспособляетъ своей реакціи на среду сообразно видоизмѣненному состоянію среды и ради приспособленія ея къ потребностямъ жизни. Онъ и не въ состояніи приспособить и видоизмѣнить свою реакцію на среду сообразно потребностямъ жизни.

Такимъ образомъ, если приспособленіе къ потребностямъ жизни составляетъ первое искомое нами ограниченіе понятія реакціи на среду, первое приближеніе къ болѣе точному опредѣленію актив-

ной жизни, то и внутри этого новаго опредѣленія необходимо имѣть въ виду лишь такія реакціи, приспособляющія среду къ къ потребностямъ жизни, которыя способны сами приспособляться, сообразоваться съ разнообразіемъ среды и не превращаться изъ распространителей жизни въ ея истребителей. Способность сообразоваться съ условіями и, при ихъ измѣненіи, измѣнять и приспособительный процессъ — такова особенность, которою должна отличаться реакція жизни на среду, если мы желаемъ дать ей названіе активной. Иначе говоря, *активность заключается въ цѣлесообразной реакціи жизни на среду для приспособленія среды къ потребностямъ жизни.* И такъ *цѣлесообразность*—вотъ первый отличительный признакъ, присущій уже одной лишь активной жизни. За ея предѣлами царствуетъ лишь одна причиноосообразность. И неодушевленныя явленія природы, содѣйствующія и противодѣйствующія распространенію жизни на землѣ, и пассивная жизнь, реагирующая на среду въ направленіи благопріятномъ и неблагопріятномъ для жизни вообще и для себя самой въ частности, дѣйствуютъ никакъ не *съ цѣлью* содѣйствія или противудѣйствія жизни. Но когда человѣкъ предпринимаетъ свои работы, онъ имѣетъ ясно опредѣленную цѣль: затруднить наводненія, удобрить почву, урегулировать орошеніе, видоизмѣнить флору и фауну и т. д., о чемъ ни горныя озера, ни лѣсъ, ни травяная растительность склоновъ не знаютъ, хотя и дѣлаютъ порою то же дѣло, что и человѣкъ. Эта цѣлесообразность и является, такимъ образомъ, первою бросающеюся въ глаза специфическою особенностью того дѣйствія, которое мы называемъ активнымъ. Активная жизнь отличается прежде всего этимъ появленіемъ *цѣлей* и *задачъ*, отсутствующихъ въ неодушевленной неорганической природѣ такъ же, какъ и въ пассивной растительной жизни. Послѣднія біологическія изслѣдованія открыли, правда, и въ растительной жизни нѣкоторыя такія реакціи на среду, которыя можно бы признать отмѣченными чѣмъ-то въ родѣ цѣлесообразности. Таковы факты, относящіеся къ плотояднымъ растеніямъ, къ сну и движенію растеній, къ распространенію корней и борьбѣ за пищу и пространство между кореньями и пр. Но если даже допустить въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ цѣлесообразность (чего можно еще и не допускать), то эта зачаточная активность, проявляемая жизнью пассивною, лишній разъ обнаруживая законъ постепенности въ природѣ, ни мало не колеблетъ ни общаго противуположенія пассивной и активной жизни, какъ онѣ проявляются въ своихъ высшихъ законченныхъ типахъ, ни тѣмъ менѣе опредѣленія активности, какъ явленія, развиваемаго жизнью животною, но сказывающагося въ эмбріональномъ видѣ и въ жизни растительной. *Цѣлесообразность* въ реакціяхъ жизни на среду и является такимъ первымъ опредѣленіемъ активности, первымъ существеннымъ фактомъ, отличающимъ активную жизнь и дарующимъ ей самостоятельное мѣсто въ природѣ вообще, въ жизни—въ частности.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ 1872 — 1874 гг., мнѣ при-

велось участвовать въ довольно горячей полемикѣ по вопросу о значеніи этого факта, этого появленія цѣлей въ процессѣ жизни. Тогда я старался отклонить нѣкоторые методологическіе выводы, которые отсюда дѣлались писателями, общее міросозерцаніе которыхъ мнѣ было вполнѣ симпатично. И теперь, конечно, я повторю тоже самое, особенно объ одномъ изъ моихъ оппонентовъ, о *Н. К. Михайловскомъ*, именно съ которымъ однако мнѣ и пришлось тогда вести бесѣду о *цѣляхъ*, какъ существенной особенности общественной жизни и причинѣ, предписывающей для соціологіи методъ субъективный. Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Между прочимъ, и по вопросу, насъ тогда раздѣлявшему, произошло въ русской литературѣ не мало интереснаго. Такъ *В. В. Лесевичъ* въ своихъ «Письмахъ о научной философіи» попробовалъ найти общую почву для примиренія нашихъ разнорѣчій. Г. *Дебольскій* въ своемъ послѣднемъ этическомъ трактатѣ поступилъ иначе; онъ прямо усомнился въ принадлежности г. *Михайловскаго* къ субъективной школѣ и отослалъ его въ объективную, гдѣ я, конечно, первый съ удовольствіемъ его натурализовалъ-бы, еслибы, впрочемъ, не г. *Гротъ*, который отсылаетъ меня наоборотъ въ субъективную школу, оставляя впрочемъ тамъ и г. *Михайловскаго*. Замѣшались въ эту полемику и гг. *Карѣевъ*, *Каблицъ* etc., но и упомянутаго достаточно, чтобы призадуматься надъ глубиною разногласія, насъ раздѣлявшаго въ оно время, и, оставивъ полемическіе мечи ржавѣть въ ножнахъ, изъ которыхъ они нами не вынимались уже пятнадцать лѣтъ, не перетряхать старыхъ споровъ, не нарушающихъ общей и несомнѣнной солидарности работъ. Эти споры въ свое время способствовали уясненію вопроса о цѣлесообразности въ жизни и преимущественная заслуга *Н. К. Михайловскаго* въ статьяхъ упомянутаго цикла и заключается, по моему мнѣнію, въ разработкѣ этого вопроса о цѣляхъ и задачахъ, какъ отличительномъ признакѣ общественной жизни.

III.

Цѣлесообразность дѣйствій живого тѣла представляется намъ самою яркою, самою бросающеюся въ глаза особенностью активной жизни, самою яркою, потому что цѣлесообразности не знаетъ ни пассивная жизнь, ни неорганическая природа. Но самая яркая особенность не всегда значитъ самая существенная и сама цѣлесообразность можетъ быть сведена къ болѣе глубокимъ отличіямъ активной жизни. Для этого мы еще разъ вернемся къ нашимъ примѣрамъ реакціи на среду со стороны пассивной и со стороны активной жизни и попробуемъ сравнить эти два процесса съ точки зрѣнія того метода, которымъ производится ими вліяніе. Мы знаемъ уже, что вліяніе пассивной жизни только причиносообразно, вліяніе-же жизни активной причиносообразно и цѣлесообразно; теперь сравнимъ, какъ обѣ формы жизни достигаютъ получаемыхъ результатовъ?

Возьмемъ первый примѣръ. Лѣсъ увлажняетъ страну и человѣческое общежитіе тоже увлажняетъ страну. Какимъ-же образомъ достигается то и другое? Въ общихъ чертахъ мы уже знаемъ, какъ это достигается лѣсомъ. Онъ, прежде всего, затѣняетъ почву, препятствуетъ быстротѣ испаренія и нагрѣванію. Это нѣкоторое овлажненіе и значительное охлажденіе почвы производитъ рядъ новыхъ результатовъ. Почва, не нагрѣтая или малонагрѣтая солнечными лучами, доступъ которыхъ затрудненъ густолиственнымъ навѣсомъ, не лучеиспускаетъ изъ себя теплоты, а не значительное лучеиспусканіе снова прерывается лѣснымъ покрываломъ и не выходитъ въ атмосферу за его предѣлы (вспомните, какъ тепло ночью въ лѣсу, гдѣ лучистая теплота почвы задержана лѣсомъ). Между тѣмъ, однимъ изъ самыхъ существенныхъ препятствій въ степи для тихихъ и умѣренныхъ дождей изъ облаковъ, умѣренно богатыхъ влагою и съ относительно высокою температурою, является именно эта теплота, излучиваемая накаленною солнцемъ почвою. Она поднимаетъ температуру проносящагося надъ нею облака и осадка не происходитъ. Поэтому, степи знаютъ ливни, а съ тихими и самыми полезными для жизни дождями знакомы въ жаркое время единственно вскорѣ послѣ ливней, когда почва еще не успѣла накалиться. Ясенъ теперь тотъ процессъ, при помощи котораго лѣсъ учащаетъ выпаданіе дождя. Лѣсъ самъ по себѣ не привлекаетъ дождевыхъ облаковъ, также не заставляетъ проносящіяся надъ нимъ тучи сгущаться въ осадки. Онъ только прерываетъ непосредственное отношеніе между солнечною теплотою и почвою, между почвенною теплотою и облаками. Прерываетъ онъ это отношеніе самымъ фактомъ своего существованія и достигаетъ этого просто ростомъ и развитіемъ. Можно спросить еще, почему самъ лѣсъ, сами вершины его не могутъ явиться замѣстителемъ почвы, не могутъ скоплять солнечную теплоту и затѣмъ возвращать ее проносящимся надъ ними облакамъ? Кромѣ физическаго строенія лѣсныхъ верховъ, не благопріятствующаго лучеиспусканію, здѣсь дѣйствуетъ другая болѣе важная причина. Солнечная теплота, какъ и теплота почвы, нужна самому лѣсу, который ростетъ и развивается именно на счетъ этой теплоты. Свободная энергія въ видѣ солнечной теплоты, солнечнаго свѣта, атмосфернаго электричества и т. д. и является тою силою, на счетъ которой развивается растительная жизнь. Эта свободная энергія, разлитая въ природѣ, потребляется растительною жизнью въ томъ смыслѣ, что преобразуется въ потенціальную энергію, въ химическую силу, удерживающую отъ разложенія и въ состояніи равновѣсія такія неустойчивыя соединенія, какъ органическія ткани. Благодаря этому процессу, изъ котораго и состоятъ растительные жизненные процессы, свободная энергія постоянно преобразуется въ потенціальную, теплота, свѣтъ и электричество — въ химическую энергію. Такимъ образомъ, и солнечная теплота, перехватываемая лѣснымъ покровомъ и не допускаемая имъ до почвы, и почвенная теплота, не выпускаемая лѣснымъ навѣсомъ

на свободу въ верхніе слои атмосферы, поглощается этою заслонкою и сохраняется въ ней уже не въ видѣ тепла, а въ потенціальномъ, скрытомъ состояніи, въ неустойчивыхъ химическихъ соединеніяхъ. Поэтому поверхность лѣса, обращенная къ проносящимся надъ нимъ облакамъ, и не можетъ посылать имъ теплоту, поглощенную отъ солнца и отъ почвы. Поверхность лѣса холодна, пока лѣсъ живъ, потому что, покуда онъ живъ, онъ преобразуетъ получаемую теплоту въ химическую энергію. Если же солнце или атмосфера или почва теплоты даютъ больше, нежели лѣсъ можетъ преобразовать, то онъ погибаетъ, засыхаетъ. Такимъ образомъ, резюмируя методъ дѣйствія лѣса въ качествѣ овлажнителя климата и почвы, мы видимъ, что этотъ методъ заключается просто въ томъ, что лѣсъ живетъ, ростетъ, развивается. Своимъ ростомъ онъ образуетъ непроницаемую шапку надъ почвою, непроницаемое дно для облака; своею жизнью онъ поглощаетъ свободную энергію среды (теплоту) и потому не можетъ замѣнить собою почвы и, получивъ теплоту отъ солнца и почвы, возвращать ее атмосферѣ и облакамъ. Такъ дѣйствуетъ лѣсъ, увлажняя климатъ и почву территоріи, въ предѣлахъ которой живетъ. Какъ же дѣйствуетъ въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ?

Искусственная ирригація является первымъ методомъ, которымъ человѣкъ овлажняетъ почву, недостаточно овлажняемую атмосферою. Для этого онъ проводитъ каналы, цѣлую систему каналовъ, роетъ водоемы, строитъ запруды, воздвигаетъ водоподъемныя сооруженія. Онъ достигаетъ своей цѣли, но какою цѣною? Для всѣхъ этихъ дѣйствій необходимо прежде всего затратить *силу*, произвести *работу*. Чтобы провести каналъ или вырыть водоемъ, необходимо оторвать, поднять и перемѣстить извѣстное количество, иногда громадное количество земли, каменьевъ, воды. Для запрудъ и плотинъ необходимо такое же отторженіе, поднятіе и перемѣщеніе значительныхъ массъ, которыя нужно еще укрѣпить, для чего нужно поднятіе и перемѣщеніе другихъ массъ, нужна борьба съ напоромъ воды, съ размывами и т. д. Все это требуетъ громадной свободной энергіи (изъ которой часть затѣмъ сохраняется въ сооруженіямъ въ состояніи потенціальномъ). Громадной затраты свободной энергіи требуетъ и ростъ лѣса, но тамъ затрачиваетъ энергію солнце, а жизнь лишь поглощаетъ и сохраняетъ ее въ потенціальномъ состояніи и этимъ поглощеніемъ и производитъ свое овлажняющее дѣйствіе. Здѣсь же въ человѣческой работѣ, самъ человѣкъ затрачиваетъ энергію; онъ самъ ее освобождаетъ, переводя энергію, заключенную въ состояніи потенціальномъ въ его нервныхъ и мышечныхъ тканяхъ, въ мышечныхъ и нервныхъ тканяхъ рабочаго скота, въ топливѣ и пр., въ состояніе свободное. Конечно, часть энергіи, такимъ образомъ освобожденной человѣкомъ, преобразуется снова въ состояніе потенціальное въ продуктахъ его труда. Но во первыхъ, это—конечный актъ процесса человѣческаго труда, которому предшествуетъ актъ освобожденія энергіи, а во вторыхъ, это новое преобразованіе энергіи въ со-

стояніе потенціальное происходитъ уже за предѣлами человѣческой жизни, хотя и по ея велѣніямъ. Въ ея же предѣлахъ преобразованіе среды, ея увлажненіе сказалось, какъ мы видѣли, въ видѣ перехода энергіи изъ потенціальнаго состоянія въ свободное, тогда какъ такое же дѣйствіе лѣса, тоже увлажняющаго среду, обязано переходу свободной энергіи въ потенціальную. Поглощеніе свободной энергіи—это методъ, которымъ реагируетъ пассивная жизнь на среду; выдѣленіе свободной энергіи — методъ жизни активной. Пассивная жизнь ростетъ; активная — работаетъ.

Не только искусственная ирригація, но и искусственное лѣсоразведеніе можетъ явиться въ рукахъ человѣка способомъ для увлажненія населенной имъ и скудно орошенной территоріи. Въ этомъ случаѣ мы легко увидимъ, что методъ воздѣйствія человѣка по сущности своей остался тѣмъ же, какъ и при ирригаціи, хотя и выраженъ въ иной формѣ. Конечно, лѣсъ, разведенный человѣкомъ, реагируетъ на среду, увлажняетъ почву и климатъ тѣмъ же способомъ, какъ и лѣсъ, естественно выросшій и вызванный къ жизни игрою естественныхъ силъ территоріи и солнца. Онъ совершаетъ и теперь свою увлажняющую миссію чрезъ преобразованіе свободной энергіи, разлитой въ средѣ, въ состояніе потенціальное. Но появился онъ на данной территоріи, благодаря работѣ человѣка, благодаря преобразованію скомбинированной въ его организмѣ энергіи потенціальной въ состояніе свободное. Въ естественно выросшемъ лѣсѣ эту работу всецѣло производитъ свободная энергія, разлитая въ средѣ, преимущественно солнечная. Въ данномъ же случаѣ, когда понадобилось искусственное облѣсненіе страны, этой свободной энергіи среды недостаточно для произростанія лѣса и человѣкъ комбинируетъ съ нею (какъ и при всякомъ трудѣ своемъ) свою энергію, которую способенъ высвобождать его организмъ. Такой лѣсъ является въ такой же степени продуктомъ человѣческаго труда, какъ и каналы, запруды, водопроводы и другія ирригаціонныя сооруженія, и, какъ всякій продуктъ труда, онъ сохраняетъ въ потенціальномъ состояніи часть свободной энергіи, затраченной на его производство. Поэтому, если искусственно разведенный лѣсъ увлажняетъ страну чрезъ поглощеніе свободной энергіи, то этимъ фактомъ онъ лишь сближается со значеніемъ и дѣйствіемъ другихъ продуктовъ труда. Самъ же трудъ облѣсненія и лѣсоохраненія, какъ всякое проявленіе активности, представляется цѣлесообразно направленнымъ высвобожденіемъ энергіи.

Такимъ образомъ, *цѣлесообразное высвобожденіе скомбинированной въ организмѣ энергіи для приспособленія среды къ потребностямъ жизни* и составляетъ основное отличительное свойство активной жизни, то свойство, которое выдѣляетъ ее изъ прочихъ явленій жизни и даетъ отдѣльное, самостоятельное и въ высшей степени значительное мѣсто въ природѣ нашей планеты.

IV.

Пространное опредѣленіе активности, данное нами въ концѣ прошлаго параграфа, можетъ быть значительно упрощено, если пересмотрѣть главныя составныя части опредѣленія и выразить ихъ въ соотвѣтственныхъ краткихъ терминахъ.

Высвобожденіе скомбинированной въ организмѣ энергіи, какъ мы знаемъ, представляется явленіемъ не безцѣльнымъ и не мимовольнымъ. Его цѣлесообразность нами введена даже въ опредѣленіе, а самая цѣль указана въ извѣстныхъ преобразованіяхъ среды. Такимъ образомъ, активность предполагаетъ не просто высвобожденіе энергіи, но высвобожденіе, сопровождающееся параллельною и соотвѣтственною ея затратою. Когда горитъ лѣсъ или каменноугольныя залежи, когда застываетъ выброшенная вулканомъ лава, когда падаетъ снѣгъ или замерзаетъ океанъ, происходитъ громадное высвобожденіе энергіи, скомбинированной въ тѣлахъ, преобразующихъ этими путями свое химическое или физическое состояніе, но эта энергія, освобожденная процессомъ горѣнія или процессомъ замерзанія, остается свободнымъ капиталомъ среды, частью безслѣдно теряемымъ лучеиспусканіемъ въ космическое пространство, частью утилизуемымъ разными земными процессами, никакъ не для возникновенія которыхъ высвобождалась энергія лѣснымъ пожаромъ, отвердѣніемъ лавы, или сгущеніемъ паровъ въ снѣгъ. Здѣсь затрата энергіи происходитъ изъ общаго капитала свободной энергіи среды и въ него же поступаетъ всякая высвобождающаяся энергія. Въ общемъ оборотѣ земного развитія существуетъ, конечно, извѣстное правильное соотношеніе между процессами высвобожденія энергіи (интеграція) и ея затраты (дисинтеграція), но въ частности отдѣльные эпизоды того и другого процесса не связаны между собою какими либо постоянными соотношеніями. Солнечная энергія затрачивается въ ростъ и распространеніе лѣса не затѣмъ, конечно, чтобы эта энергія, скомбинированная въ лѣсѣ, высвободилась лѣснымъ пожаромъ. Соотношеніе причинности, конечно, существуетъ, но соотношеніе общее, управляющее развитіемъ нашей планеты и установляющее извѣстное подвижное равновѣсіе между процессами интеграціи и дисинтеграціи, къ которымъ въ послѣднемъ счетѣ сводятся всѣ процессы, происходящіе на землѣ и вообще во вселенной. Съ этой космической точки зрѣнія, и процессы активной жизни входятъ въ эту общую экономію природы, представляя составную часть, какъ общаго процесса интеграціи планеты, такъ и частныхъ процессовъ дисинтеграціи, задерживающихъ быстроту и осложняющихъ простоту основного процесса. Но это съ общей космической точки зрѣнія, а въ частности процессы активной жизни тѣмъ выдѣляются изъ другихъ процессовъ высвобожденія энергіи (интеграція), что, будучи цѣлесообразными, всегда сопровождаются и затратою энергіи, обращеніемъ ея въ потенціальное состояніе (дисинтеграція). Затрата же энергіи есть *работа*.

Въ смыслѣ механики работа есть произведеніе скорости на массу, чѣмъ и выражается количество энергіи, затрачиваемой для данной работы, будь то энергія солнечная или животная (активность) или всякая иная. Вообще въ природѣ, какъ мы видѣли, процессы высвобожденія энергіи изъ потенціальнаго состоянія и ея новой затраты въ это состояніе не представляются неразрывно связанными, какъ двѣ лишь стороны одного процесса. Именно это, однако, мы видимъ въ активной жизни, гдѣ энергія не высвобождается иначе, какъ для затраты, и гдѣ затрата идетъ всегда параллельно и всегда на счетъ этого параллельнаго высвобожденія. Работа активной жизни есть совмѣщеніе высвобожденія и затраты и такъ какъ всякое высвобождевіе сопровождается затратою, то и является оно всегда работою. Такимъ образомъ, вмѣсто пространнаго опредѣленія «цѣлесообразное высвобожденіе скомбинированной въ организмѣ энергіи» вполнѣ достаточно сказать «цѣлесообразная работа» и это сокращенное опредѣленіе, заключая все, заключающееся въ пространномъ, еще вводитъ въ него фактъ затраты, параллельной высвобожденію. Не надо забывать только, что въ данномъ случаѣ *работа* должна быть понимаема въ точномъ философскомъ и механическомъ значеніи, а не политико-экономическомъ. Эта возможность смѣшенія столь несходныхъ понятій и составляетъ самую слабую сторону сокращеннаго опредѣленія. Работою въ смыслѣ этого опредѣленія будетъ и битва съ непріятелемъ, и бѣгство отъ хищниковъ, и любовь къ женщинѣ, и политическая рѣчь, и проповѣдь, и т. д. и т. д., тогда какъ ничего подобнаго не входитъ въ понятіе работы, какъ политико-экономическаго термина. Надо не забывать этого различенія.

Вторая половина нашего пространнаго опредѣленія тоже допускаетъ сокращеніе, сопровождаемое тоже новымъ выясненіемъ содержанія самого понятія. «Для приспособленія среды къ потребностямъ жизни» — такова эта вторая половина нашей пространной формулы. Съ тѣхъ поръ, какъ, вмѣстѣ съ введеніемъ въ опредѣленіе термина *работы*, мы ввели и представленіе о затратѣ высвобождаемой энергіи, этимъ самымъ мы частью замѣнили и выраженіе *приспособленіе среды*, которое и состоитъ въ затратѣ энергіи для удовлетворенія потребностей жизни. Потребности жизни заключаются въ ея охраненіи, поддержаніи и развитіи. Жизнь-же, для которой работаетъ всякое активно-живое существо, есть собственная жизнь этого существа. На извѣстной ступени развитія активности, эта эгоцентрическая точка зрѣнія расширяется или замѣняется болѣе или менѣе распространенною, но это расширеніе сферы цѣлесообразной работы активнаго организма отличаетъ не всѣ формы активной жизни, тогда какъ съ другой стороны распространенная сфера цѣлесообразной работы на пользу жизни (не только собственной) всегда ограничивается сознаніемъ принадлежности къ той или другой группѣ живыхъ существъ. Такимъ образомъ, забота о собственной жизни, огра-

ничиваемая потребностями одного своего организма, или болѣе или менѣе распространенная сознаніемъ солидарности съ другими существами, и составляетъ основное теченіе работы для удовлетворенія потребностей жизни. Всякое существо заботится о себѣ или о своей группѣ, но дѣятельность всѣхъ вмѣстѣ сливается въ общій процессъ приспособленія среды къ потребностямъ жизни. Забота же о себѣ и о своей группѣ называется *самосохраненіемъ*, выраженіемъ, которое удобно можетъ найти мѣсто въ нашемъ сокращенномъ опредѣленіи.

Работа въ цѣляхъ самосохраненія — таково будетъ и совершенно полное и возможно сжатое опредѣленіе активности въ жизни. Здѣсь отмѣченъ и фактъ высвобожденія энергіи организмомъ съ параллельною ея затратою, и фактъ цѣлесообразности этой затраты, и общая формула этой цѣлесообразности, направленіе дѣятельности. Если помнить значеніе термина «работа», то опредѣленіе не оставляетъ ничего желать ни въ смыслѣ ясности, ни въ отношеніи сжатости. Оно объемлетъ собою всю активную жизнь отъ низшихъ животныхъ и даже отъ растеній, проявляющихъ нѣкоторую активность, до высшихъ формъ активности, до человѣка и человѣческаго общежитія. Способность высвобождать энергію по мѣрѣ надобности въ ней для охраненія и развитія организма и есть то основное отличіе, которымъ отмѣчена активная жизнь. Способность управлять этою высвобожденною энергіею (управлять чрезъ новое высвобожденіе энергіи) или цѣлесообразность дѣйствій составляетъ второе отличительное свойство активной жизни. Наконецъ, общее и неизмѣнное направленіе этого дѣйствія на охрану и развитіе жизни или самосохраненіе составляетъ третье отличительное и послѣднее общее всей активной жизни свойство. Высвобождаемость энергіи, цѣлесообразность ея затраты, самосохраненіе, — таковы эти три общія всей активной жизни свойства. Дальше начинаются уже различія, смотря по ступени и роду развитія активной жизни. Къ самому существенному и для насъ наиболѣе важному различію, выросшему изъ развитія активности, мы и обратимся нѣсколько ниже, а теперь еще должны остановиться на нѣкоторыхъ фактахъ, связанныхъ съ общими свойствами активной жизни.

V.

Итакъ, мы уже знаемъ, что отличительною особенностью активной жизни, противуполагающей ее жизни пассивной, является работа въ цѣляхъ самосохраненія. Для работы нужна сила, ее производящая, и этою силою является энергія, высвобождаемая активнымъ организмомъ изъ потенціальнаго состоянія, въ которомъ она заключена въ его тканяхъ. Но чтобы высвободить энергію изъ этого состоянія, нужно предварительно обладать ею, нужно ее накопить, нужно взять изъ среды свободную энергію и обратить ее въ потенціальное состояніе въ тканяхъ собственнаго организма.

Въ этомъ комбинированіи или координированіи свободной энергіи среды и состоитъ, какъ мы видѣли выше, главный отличительный признакъ растительной жизни. Мы не должны забывать, что тѣмъ же свойствомъ, и даже въ сугубомъ размѣрѣ, обладаетъ и жизнь животная. Эта способность координировать энергію среды (какъ и вещество) связываетъ оба царства, растительное и животное, въ одинъ міръ органическій, въ одну группу явленій жизни. Разница заключается въ томъ, что для растительнаго царства этотъ процессъ координированія свободной энергіи среды представляется главнымъ и отличительнымъ, процессъ же высвобожденія энергіи проявляется или въ видѣ умиранія, прекращенія самаго процесса жизни, или же въ качествѣ побочныхъ не существенныхъ явленій, не нарушающихъ общаго направленія развитія. Между тѣмъ, въ жизни животной процессъ накопленія и координированія энергіи составляетъ лишь одну сторону всего жизненнаго процесса, другою и не менѣе важною стороною котораго является постоянное высвобожденіе этой постоянно координируемой энергіи при постоянной затратѣ ея на пользу организма.

Этотъ круговоротъ энергіи въ активной жизни дополняется такимъ же круговоротомъ вещества. Растеніе всю свою жизнь накопляетъ вещество, не переставая расти до самой смерти; животное же имѣетъ предѣлъ своему росту, предѣлъ, поставляемый постояннымъ обмѣномъ вещества, постоянною его тратою, параллельною накопленію. Дѣло въ томъ, что животное работаетъ, т. е. затрачиваетъ энергію, для чего ее предварительно освобождаетъ изъ своихъ тканей, въ которыхъ она координирована. Эти ткани, будучи очень сложными химическими соединеніями, легко освобождаютъ массу энергіи (въ видѣ нервныхъ токовъ, мозговыхъ вибрацій, мышечныхъ сокращеній, температуры тѣла и пр.), если подвергаются процессу разложенія, преобразуясь въ болѣе устойчивыя, стало быть требующія менѣе химической энергіи, соединенія. Именно этимъ методомъ и происходитъ высвобожденіе организмомъ энергіи для работы, но очевидно, что такое высвобожденіе уничтожаетъ ткани организма, производитъ трату (узуру) составляющаго живое тѣло вещества. Чтобы живое тѣло продолжало жить, эта трата должна быть возмѣщена и она дѣйствительно возмѣщается при посредствѣ цѣлаго ряда такъ называемыхъ растительныхъ отправленій животнаго организма, при помощи пищеваренія, дыханія, кровообращенія и т. д. Эти растительныя отправленія постоянно снова и снова координируютъ истраченное вещество и высвобожденную энергію въ то время, какъ отправленія животныя или активныя постоянно снова и снова разлагаютъ органическія ткани, созданныя растительными процессами, и дискоординируютъ, высвобождаютъ энергію, заключенную въ эти ткани тѣми же процессами. Высвобождается эта энергія для работы на пользу организма, т. е. для облегченія тѣхъ процессовъ, коими онъ живетъ, коими онъ накопляетъ и

координируетъ вещество и энергію. Координированіе энергіи и вещества для возможности ихъ высвобожденія; высвобожденіе — для возможности затраты (работы); затрата—для возможности координированія и накопленія,—таковъ круговоротъ энергіи и вещества въ жизни активной.

Конечно, и въ жизни растенія происходитъ круговоротъ вещества и энергіи, происходитъ накопленіе и координированіе, разложеніе и дискоординированіе, но, не говоря даже о томъ, что тамъ процессъ накопленія и координированія постоянно преобладаетъ, самый способъ, значеніе и характеръ процессовъ разложенія и дискоординированія существенно отличаются отъ тѣхъ же процессовъ въ организмѣ животнаго. Въ растеніи трата вещества и энергіи происходитъ или подъ вліяніемъ повелительныхъ условій среды, или въ видѣ процесса умиранія частей организма, или же въ видѣ отбросовъ излишне поступившаго вещества. Такъ опаданіе листьевъ осенью, засыханіе нижнихъ вѣтвей въ густомъ лѣсу, конечно, обязано внѣшнимъ условіямъ. Не хватило въ средѣ тепла, и растеніе теряетъ листья и останавливаетъ движеніе соковъ до весны. Не хватило свѣта, и растеніе теряетъ нижнія вѣтви, его лишенныя. Ко второму типу растительной траты принадлежатъ такія явленія, какъ дуплистость, усыханіе вершинъ, постепенная смѣна хвои, а въ жаркомъ климатѣ и листьевъ, омертвѣніе и смѣна коры и т. д. Третьяго типа трату вещества мы видимъ въ выдыханіи листьями излишняго кислорода и излишней воды (въ видѣ пара). Совсѣмъ иначе происходитъ трата животнаго организма. Истрачивая вещество и энергію на работу, животный организмъ уничтожаетъ для этого составныя части своихъ тканей и замѣняетъ ихъ новыми, такими же. Ткань, пока животное живо и здорово, остается не уничтоженною, но постоянно обновляется ея составъ. Заживленіе ранъ, обростаніе обрѣзанныхъ или сбритыхъ волосъ, наконецъ линяніе нѣкоторыхъ животныхъ представляютъ процессы, напоминающіе растительные процессы узуры и обновленія. Но, конечно, не эти процессы составляютъ существенную сторону животной жизни. Дискоординированіе энергіи и разложеніе вещества составляютъ и въ растительной, и въ животной жизни явленіе, широко распространенное, но въ первой оно однородно по существу своему съ явленіемъ умиранія (тоже дискоординированіе энергіи и разложеніе вещества), а во второй представляетъ существенную сторону самой жизни, ея необходимое условіе и высшее проявленіе, потому что именно въ этомъ дискоординированіи и разложеніи и состоитъ активность, которою поддерживается жизнь въ животномъ организмѣ и которая вмѣстѣ съ тѣмъ является высшею, самою развитою формою жизненнаго процесса, съ ея лишь помощью получающаго власть надъ окружающею средою и постепенно перестающаго быть рабомъ этой среды. Рядомъ съ приспособленіемъ жизни къ условіямъ среды, этою единственною формулою развитія жизни пассивной, возникаетъ процессъ приспособленія среды къ потребностямъ

жизни, который уже многое совершилъ на землѣ, но которому предстоитъ совершить несоизмѣримо большее. Рядомъ съ пассивнымъ приспособленіемъ, закономъ растительной жизни, является *приспособленіе активное*, или работа въ цѣляхъ самосохраненія.

VI [1]).

Эта константированная нами двусторонность всякаго жизненнаго процесса, достигающая полнаго развитія и равновѣсія въ высшихъ типахъ активной жизни, получаетъ особенное значеніе въ свѣтѣ общаго философскаго ученія о космическомъ развитіи. Я позволю себѣ, поэтому, сдѣлать нынѣ отступленіе, къ чему мы подготовлены предъидущимъ изложеніемъ и для чего я въ сжатомъ извлеченіи напомню сначала нѣкоторыя относящіяся къ этому вопросу воззрѣнія, развитыя мною года два тому назадъ [2]) и получающія все свое значеніе лишь въ связи съ вопросами, разрабатываемыми въ настоящемъ этюдѣ:

Извѣстенъ законъ космической эволюціи, формулированный *Гербертомъ Спенсеромъ* въ его First Principles и довольно удачно резюмирующій выводы науки о физической сущности космическаго процесса. Конечное обобщеніе *строенія* всего сущаго приводитъ насъ къ *веществу* (опредѣляемому, какъ аггрегаты атомовъ), находящемуся въ состояніи *движенія* (въ которомъ и состоитъ то, что мы называемъ энергіей или силою). Различныя отношенія между этими двумя явленіями обусловливаютъ собою различія въ *физическихъ состояніяхъ* тѣлъ. Измѣненія и преобразованія этихъ отношеній и составляютъ сущность всякаго процесса: больше или меньше вещества, больше или меньше движенія (энергіи), — въ этомъ состоитъ въ послѣднемъ счетѣ всякая перемѣна, совершающаяся въ мірѣ. Обратность отношенія въ накопленіи вещества и движенія и является вышеупомянутымъ закономъ космическаго развитія, формулированнымъ *Гербертомъ Спенсеромъ*. Накопленіе, сосредоточеніе и укрѣпленіе (координированіе)

---

[1]) Этотъ VI-й параграфъ и два послѣдующіе (VII—VIII) заключаютъ попытку свести вышеустановленные законы жизни вообще и активности въ особенности къ основнымъ законамъ физики и химіи и уяснить ихъ въ свѣтѣ универсальнаго закона космическаго развитія, причемъ глубже и полнѣе раскрываются и сами явленія жизни и активности. Но изложеніе предлагаемыхъ здѣсь идей, по необходимости сжатое, вышло по необходимости и абстрактнымъ. Поэтому, возможно, что нѣкоторые читатели, которые не безъ интереса остановятся на первыхъ пяти параграфахъ, найдутъ дальнѣйшее изложеніе нѣсколько тяжелымъ. Въ такомъ случаѣ, они могутъ пропустить эти три параграфа (VI—VIII) и продолжать съ девятаго. Въ послѣднемъ, четырнадцатомъ параграфѣ они найдутъ краткое резюме всѣхъ идей этой главы.

[2]) См. *Сѣверный Вѣстникъ*, 1886 г., № 6: «Интеграція и дисинтеграція въ исторіи» (въ *Пол. Лит.*).

вещества сопровождается тратою (высвобожденіемъ) энергіи (движенія) и называется *интеграціей;* обратный процессъ, или *дисинтеграція* состоитъ въ накопленіи энергіи и тратѣ вещества. Всѣ космическіе процессы сводятся въ послѣднемъ счетѣ къ этимъ двумъ обратно-соотносительнымъ явленіямъ накопленія или траты вещества и движенія. Изъ нихъ интеграція доминируетъ въ процессахъ космической эволюціи, а дисинтегральные процессы являются лишь побочными, производными явленіями, задерживающими и осложняющими процессъ развитія, но безсильными его упразднить или замѣнить [1]). Таковъ законъ космическаго развитія, если опредѣлять его въ *физическихъ* терминахъ, какъ сдѣлалъ *Спенсеръ*.

Химики опредѣляютъ его не менѣе удачно и широко въ терминахъ *химическихъ*. Химически тѣла раздѣляются на простыя и сложныя (соединенія), а послѣднія на болѣе или менѣе устойчивыя, прочныя. Поэтому, съ точки зрѣнія химіи всякій процессъ есть или переходъ простыхъ тѣлъ въ сложныя и наоборотъ, или замѣна менѣе устойчивыхъ соединеній болѣе устойчивыми и наоборотъ. При переходѣ простыхъ тѣлъ въ сложныя и при замѣнѣ менѣе устойчивыхъ соединеній болѣе устойчивыми всегда освобождается болѣе или менѣе значительное количество движенія (въ формѣ теплоты, иногда свѣта и электричества) и наоборотъ для перехода соединеній въ состояніе простыхъ тѣлъ и для замѣны устойчивыхъ соединеній менѣе устойчивыми необходимо поглощеніе этимъ тѣлами изъ окружающей среды болѣе или менѣе значительнаго количества движенія (въ формѣ теплоты, свѣта и электричества). Космическій процессъ съ этой точки зрѣнія является замѣной простыхъ тѣлъ сложными и менѣе устойчивыхъ соединеній болѣе устойчивыми; обратные процессы представляются явленіями побочными, производными, осложняющими развитіе, но не вліяющими на направленіе его. Такимъ образомъ, въ химическихъ терминахъ интеграція опредѣляется, какъ переходъ къ устойчивымъ соединеніямъ, а дисинтеграція является переходомъ отъ устойчивыхъ соединеній къ неустойчивымъ или простымъ тѣламъ. Съ этой *химической* точки зрѣнія *весь процессъ жизни можетъ быть признанъ процессомъ дисинтегральнымъ*, такъ какъ онъ заключается, между прочимъ, въ замѣнѣ болѣе устойчивыхъ неорганическихъ соединеній менѣе устойчивыми соединеніями органическими.

Планета наша должна интегрироваться, какъ вся вселенная.

---

[1]) Когда говорятъ о космическомъ развитіи, то разумѣютъ развитіе всѣхъ небесныхъ тѣлъ, но если сюда включить и развитіе мірового пространства, тѣхъ безвоздушныхъ пучинъ безъ конца и края, въ которыхъ носятся и развиваются всѣ небесныя тѣла, то, конечно, процессы дисинтеграціи и интеграціи уравновѣсятъ другъ друга. Общая сумма міровой энергіи всегда остается равною себѣ самой, но общая сумма энергіи, заключенной въ небесныхъ тѣлахъ, постепенно теряется этими тѣлами, разсѣевается въ міровомъ пространствѣ. Отсюда и постепенная интеграція вселенной, понимаемой, какъ совокупность небесныхъ тѣлъ.

Она тратитъ (освобождаетъ) движеніе и накопляетъ (сосредоточиваетъ, укрѣпляетъ) вещество; она постоянно замѣняетъ менѣе устойчивыя соединенія болѣе устойчивыми и простыя тѣла—сложными. Но она находится вблизи громаднаго тѣла (солнца), которое тоже интегрируется, стало быть также тратить энергію, посылая ее въ окружающую среду. На пути нѣкоторой сравнительно ничтожной части этой энергіи, посылаемой солнцемъ въ пространство, лежитъ земля. Эта-то солнечная энергія, приходящая извнѣ и самое появленіе которой на землѣ есть признакъ преобладанія въ солнечномъ мірѣ интегральнаго процесса, не можетъ однако не возбудить на землѣ процессовъ дисинтегральныхъ. Она растапливаетъ льды и снѣга и поддерживаетъ наши океаны и вообще воды въ жидкомъ состояніи; она поднимаетъ пары и насыщаетъ ими атмосферу; она порождаетъ вѣтры и грозы; она-же вызываетъ жизнь на землѣ. Въ космическомъ смыслѣ жизнь, стало быть, есть лишь побочный дисинтегральный побѣгъ интегральнаго процесса на солнцѣ; въ земномъ смыслѣ жизнь является весьма могучимъ проявленіемъ дисинтеграціи на землѣ, потому что въ то время какъ таяніе льдовъ и испареніе воды (второй мощный дисинтегральный процессъ на землѣ) является дисинтеграціей лишь въ физическомъ смыслѣ (ледъ, вода, паръ—тоже самое соединеніе кислорода и водорода), жизнь является дисинтеграціей химическою (переходъ въ менѣе устойчивыя соединенія). Значитъ-ли отсюда, что жизнь есть дисинтеграція? Да, но дисинтеграція земли, какъ цѣлаго, потому что на землѣ она увеличиваетъ количество неустойчивыхъ соединеній на счетъ устойчивыхъ и этимъ способомъ скопляетъ энергію, посылаемую солнцемъ (вспомнимъ, что мы теперь только понемногу освобождаемъ энергію, накопленную жизнью милліоны лѣтъ тому назадъ и отложившуюся въ формѣ каменнаго угля). Но это — точка зрѣнія земли. Жизнь-же можно разсматривать и самостоятельно и въ этомъ смыслѣ живое тѣло, которое поглощаетъ и накопляетъ вещество, преобразуя его по особому типу и даруя ему извѣстное соподчиненіе (сосредоточеніе, укрѣпленіе), не можетъ быть признано носителемъ одного дисинтеграціоннаго процесса. Дисинтеграція въ чистомъ видѣ лишь разлагаетъ вещество; здѣсь-же мы присутствуемъ при его сложеніи и сочетаніи. Мы должны-бы, слѣдовательно, признать это интеграціей, если только интеграція состоитъ въ накопленіи, сосредоточеніи и скрѣпленіи вещества. Но интеграція состоитъ такъ-же въ освобожденіи движенія, въ его уменьшеніи въ тѣлѣ, а живое тѣло, накопляя вещество, накопляетъ и энергію, т. е. какъ-бы сразу интегрируется и дисинтегрируется. Вмѣсто обратной соотносительности въ накопленіи и тратѣ вещества и движенія, которая является закономъ неорганическаго міра, въ процессѣ жизни устанавливается — въ извѣстныхъ предѣлахъ — прямая соотносительность: взрослый молодой человѣкъ сосредоточиваетъ въ своемъ организмѣ и больше вещества, нежели ребенокъ или дряхлый старикъ, и больше движенія; точно такъ-же количество движенія, представляемое вѣко-

вымъ дубомъ, въ видѣ потенціальной энергіи, которая имъ накоплена и которую онъ можетъ освободить во время горѣнія, настолько-же больше, нежели представляемое молодымъ деревцомъ, насколько и вещества первымъ накоплено болѣе. Не вдаваясь покуда въ истолкованіе этого явленія, мы можемъ сказать, что *разсматриваемый самостоятельно, внѣ связи съ общею эволюціею планеты, процессъ жизни характерно отличается прямою соотносительностью въ координированіи вещества и энергіи вмѣсто обратной соотносительности, характеризующей процессы неорганическіе.*

Такимъ образомъ, если интеграція есть координированіе вещества и высвобожденіе движенія, а дисинтеграція есть координированіе энергіи и трата вещества, то жизнь, разсматриваемая внѣ космическихъ отношеній, не есть ни интеграція, ни дисинтеграція, потому что она представляетъ параллельное и единовременное координированіе вещества и энергіи, параллельное и единовременное высвобожденіе (трату) того и другого. При этомъ въ пассивныхъ (растительныхъ) жизненныхъ процессахъ интеграція сказывается координированіемъ вещества, дисинтеграція — координированіемъ энергіи, между тѣмъ какъ въ процессахъ активныхъ интеграція выражается дискоординированіемъ энергіи, дисинтеграція—дискоординированіемъ вещества. Поэтому прямая соотносительность координированія вещества и движенія есть законъ растительной жизни, а закономъ жизни активной или животной является прямая соотносительность въ координированіи такъ-же, какъ и въ дискоординированіи вещества и энергіи, а равно прямая соотносительность этихъ двухъ процессовъ, координированія и дискоординированія, накопленія и траты.

Прежде, нежели идти дальше въ нашемъ анализѣ, мы должны нѣсколько пріостановиться, чтобы оправдать выведенную нами формулу, которая можетъ показаться противурѣчащею общему универсальному закону космическаго развитія. Мы знаемъ, что этимъ закономъ устанавливается обратная соотносительность въ координированіи вещества и энергіи, обратная соотносительность въ тратѣ (дискоординированіи) вещества и энергіи, обратная соотносительность координированія и дискоординированія. И этотъ законъ обратной соотносительности не является лишь широкимъ эмпирическимъ обобщеніемъ, но опирается на основные законы механики и физики, законы сохраненія энергіи, постоянства матеріи, преобразованія физическихъ силъ. Иначе, какъ на основаніи этихъ законовъ, въ строгомъ согласіи съ ними, не можетъ совершаться въ мірѣ никакой процессъ, никакое явленіе. Отчего же иначе можетъ совершаться процессъ жизни? Какимъ образомъ жизнь могла отмѣнить основные и непреложные законы механики и физики? Конечно, жизнь не могла отмѣнить этихъ законовъ и не отмѣняла ихъ. Конечно, жизненные процессы происходятъ въ полномъ и совершенномъ согласіи съ универсальнымъ закономъ космическаго развитія. Что касается прямой соотносительности процессовъ, координирующихъ вещество и энергію, то это прямое отношеніе вмѣсто

обратнаго, замѣчаемаго въ неодушевленной природѣ, само является лишь частнымъ случаемъ универсальнаго закона обратной соотносительности, или, точнѣе говоря, случаемъ сложнаго сочетанія нѣсколькихъ простыхъ процессовъ, изъ которыхъ каждый вполнѣ подчиняется закону обратной соотносительности. Выше мимоходомъ я уже намекнулъ, въ чемъ заключается разгадка этой жизненной загадки. Теперь же остановимся на ней нѣсколько обстоятельнѣе, чтобы имѣть право, не колеблясь, опираться на выведенную нами формулу, имѣющую, какъ ниже увидимъ, громадное значеніе для пониманія явленій жизни вообще, общественной жизни въ особенности. Для этого сначала посмотримъ внимательнѣе на процессы координированія вещества и энергіи жизнью растительною, чтобы затѣмъ легче найти истолкованіе болѣе сложнаго проявленія тѣхъ же процессовъ и въ жизни активной, для насъ болѣе важной, какъ непосредственно вводящей и въ жизнь общественную, предметъ нашего изученія.

VII.

Сочетаніе въ одномъ явленіи процессовъ интеграціи и дисинтеграціи мы можемъ наблюдать и въ неорганической природѣ. Если мы какую либо жидкость подвергнемъ быстрому испаренію (дисинтеграціи), напр. помѣстивъ въ закрытое помѣщеніе съ разрѣженною атмосферою, то побочнымъ продуктомъ этого внезапнаго испаренія можетъ явиться замерзаніе другой части жидкости. Быстрая дисинтеграція требуетъ поглощенія массы энергіи, которая на первый разъ и заимствуется у другой части той же жидкости; периферіи испаряются, дисинтегрируются; болѣе глубокіе слои замерзаютъ, интегрируются, уступая запасы своей энергіи на процессъ дисинтеграціи слоевъ периферическихъ. На этомъ явленіи, какъ извѣстно, основаны аппараты для искусственнаго изготовленія льду. Въ данномъ случаѣ мы видимъ, какъ физическая дисинтеграція тѣла производитъ физическую интеграцію нѣкоторой его части въ качествѣ производнаго, но необходимаго результата господствующаго процесса. Если бы вмѣсто физической дисинтеграціи мы наблюдали химическую, а побочнымъ продуктомъ ея явилась бы физическая интеграція не нѣкоторой части, а всего химически дисинтегрирующагося вещества, то передъ нами и былъ бы случай органическаго процесса въ самомъ упрощенномъ видѣ [1]). Поступая въ органическую лабораторію, вещество

[1]) Обратный случай физической дисинтеграціи химически интегрирующагося вещества мы можемъ наблюдать и среди явленій неорганической природы. Химически интегрируясь въ углекислоту, углеродъ физически дисинтегрируется изъ твердаго состоянія въ газъ. Тоже съ сѣрою, когда она химически интегрируется въ сѣрнистую кислоту (газъ), въ сѣрную кислоту (жидкость) или въ сѣроводородный газъ. Въ этихъ случаяхъ физическая дисинтеграція является побочнымъ продуктомъ химической интеграціи.

химически дисинтегрируется. Углекислота разлагается на кислородъ и углеродъ; вода — на водородъ и кислородъ; почвенныя соли — на свои химическіе элементы; все это вступаетъ въ новыя комбинаціи, въ органическія ткани, химическія соединенія, въ высшей степени неустойчивыя, въ высшей степени богатыя химическою энергіею. Но этотъ процессъ химической дисинтеграціи сопровождается физическою интеграціей того же вещества. Газы и жидкости (углекислота, вода, растворы) превращаются въ твердыя тѣла. Физическая интеграція *всего* организуемаго вещества можетъ явиться побочнымъ продуктомъ химической дисинтеграціи этого вещества, конечно, потому только, что химическіе процессы и поглощаютъ и выдѣляютъ энергіи для данной массы вещества, вовлеченнаго въ процессъ, гораздо больше, нежели физическіе. Могущественная химическая дисинтеграція, представляемая намъ растительнымъ міромъ, совершается, главнымъ образомъ, на счетъ солнечной энергіи, приносимой на землю вибраціями эѳира, выполняющаго міровое пространство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, процессъ растительный поглощаетъ для химической дисинтеграціи и часть энергіи, ранѣе того поддерживавшей вещество въ состояніи относительной физической дисинтеграціи. Отсюда, процессъ интеграціи, т. е. координированія и накопленія вещества (которое координируется физически), идетъ параллельно съ процессомъ дисинтеграціи, т. е. координированія и накопленія энергіи (которая координируется химически). Такимъ образомъ, формула прямой соотносительности въ координированіи вещества и энергіи, предложенная въ предъидущемъ параграфѣ, не только не является противурѣчащею общему закону обратной соотносительности этихъ двухъ процессовъ, но прямымъ его послѣдствіемъ. Именно потребность въ энергіи для дисинтегральнаго химическаго процесса, возбуждаемаго солнечною энергіей, и вызываетъ физическую интеграцію химически дисинтегрирующагося вещества. Оба процесса связаны между собою соотношеніемъ причинности и развиваются параллельно. Оба процесса являются, такимъ образомъ, двумя сторонами одного явленія и, слѣдовательно, ростъ и развитіе одного прямо пропорціональны росту и развитію другого, а въ этомъ и заключается выше формулированный нами законъ прямой соотносительности.

Физическая интеграція является въ органическомъ процессѣ естественнымъ послѣдствіемъ химической дисинтеграціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ она является и необходимымъ условіемъ этого химическаго дисинтегральнаго процесса. Дѣло въ томъ, что сосудистое строеніе органическихъ тканей вызываетъ, въ силу элементарныхъ физическихъ законовъ, движеніе жидкостей и газовъ и этимъ путемъ подвергаетъ ихъ всестороннему вліянію солнечной энергіи, являясь, стало быть, условіемъ, безъ котораго это вліяніе было бы безсильно сказаться въ данномъ направленіи. Твердыя части растенія, его сосудистыя ткани необходимы для процесса химической дисинтеграціи, но онѣ (или по крайней мѣрѣ ихъ

твердое состояніе) вмѣстѣ съ тѣмъ представляются естественными продуктами этой дисинтеграціи. Взаимно обусловливая, взаимно вызывая къ дѣйствію, процессы химической дисинтеграціи и физической интеграціи оказываются тѣсно и неразрывно связанными въ процессѣ жизни и, въ послѣднемъ счетѣ, сводятся къ основнымъ космическимъ законамъ развитія, одинаково царящимъ надъ всѣми явленіями и процессами, происходящими во вселенной. Не входя въ разборъ вопроса, какъ могло зародиться на землѣ это сложное сочетаніе процессовъ, на первый взглядъ кажущееся исполненнымъ внутренняго противурѣчія, мы знаемъ тотъ фактъ, что процессъ зародился нѣкогда и теперь непрерывно продолжается. Въ качествѣ же процесса продолжающагося, онъ не возбуждаетъ никакихъ недоумѣній и непреложные законы механики, физики и химіи обнаруживаютъ взаимную причинную связь процессовъ химической дисинтеграціи и физической интеграціи, слившихся въ одинъ процессъ органическій и предписавшихъ для жизни формулу прямой соотносительности въ координированіи вещества и энергіи, какъ верховный законъ развитія.

Мало того, эта формула прямой соотносительности является необходимымъ послѣдствіемъ комбинаціи земныхъ условій и солнечной энергіи на извѣстной ступени въ исторіи планеты. Химическіе процессы возбуждаются вліяніемъ значительнаго прилива энергіи въ свободномъ состояніи и могутъ быть послѣдствіемъ, какъ усиленнаго молекулярнаго движенія (теплоты), разлитаго въ средѣ и сообщившагося тѣлу, такъ и непосредственнаго дѣйствія вибрацій эѳира (матеріи въ состояніи полной диссолюціи, не успѣвшей сложиться не только въ тѣла, но и въ молекулы). Сама химическая энергія (не надо забывать этого) заключается въ движеніи атомовъ, изъ которыхъ состоятъ молекулы, и развивается внутри молекулъ. Усиленное движеніе самихъ молекулъ передается атомамъ и это—первый случай химической дисинтеграціи, когда она порождается молекулярнымъ движеніемъ, молекулярною теплотою, т. е. физическою дисинтеграціей. Эѳиръ, проникающій всѣ тѣла и ихъ молекулы, можетъ непосредственно возбуждать атомы и тогда (второй случай)—происходитъ химическая дисинтеграція независимо отъ дѣйствія молекулярной энергіи, разлитой въ средѣ. Если эта среда бѣдна молекулярнымъ движеніемъ, говоря проще, если она достаточно охлаждена, то второй методъ возбужденія химической энергіи становится господствующимъ. При этомъ, однако, надо помнить, что для того, чтобы первый методъ могъ имѣть мѣсто, т. е. чтобы дисинтеграція химическая шла объ руку съ дисинтеграціей физической, эта послѣдняя должна выражаться въ интенсивной формѣ. Но дисинтеграція физическая въ своихъ интенсивныхъ формахъ предполагаетъ необходимымъ высокую температуру тѣла, богатство энергіей въ состояніи свободномъ, а это невозможно безъ того, чтобы и среда не была также богата свободною энергіей. Только при такомъ насыщеніи среды свободною энергіею возможны параллельные и единовременные процессы химической и физической

дисинтеграціи, но какъ только среда бѣдна молекулярнымъ движеніемъ, она препятствуетъ и дисинтегрирующемуся тѣлу накоплять это движеніе, хотя не можетъ помѣшать накопленію химическаго движенія, такъ какъ сообщается съ химическою энергіею лишь въ состояніи высокаго возбужденія. Такимъ образомъ, послѣ того, какъ небесное тѣло достигаетъ извѣстной степени интеграціи и его поверхность и атмосфера оказываются на столько бѣдны молекулярнымъ движеніемъ, что непосредственное общеніе свободной энергіи среды съ химическою энергіей становится затруднительнымъ, а приливъ энергіи съ солнца продолжаетъ непосредственно возбуждать химическіе дисинтегральные процессы, послѣ этого процессы эти должны по необходимости дифференцироваться отъ физическихъ дисинтегральныхъ процессовъ, а разъ пріобрѣвши независимость, охраняемую охлажденіемъ среды, они естественно начинаютъ поглощать необходимую энергію отовсюду: и изъ окружающей среды (вспомнимъ охлаждающее и овлажняющее вліяніе растительности, о которомъ говорили выше), и изъ самого вещества, вовлеченнаго въ процессъ химической дисинтеграціи, послѣдствіемъ чего и является его физическая интеграція. Тѣмъ болѣе, что только такая физическая интеграція химически дисинтегрирующагося вещества обезпечиваетъ, какъ мы указали, постоянство процесса. Другими словами, естественная комбинація физическихъ и химическихъ законовъ, при условіи охлажденной планетной среды и дѣятельнаго прилива солнечной энергіи въ видѣ вибрацій эѳира, не только могла естественнымъ образомъ, но и должна была по необходимости, вызвать этотъ процессъ химической дисинтеграціи физически интегрирующагося вещества, который мы называемъ жизнью и который поэтому неизбѣжно проявляется прямою соотносительностью въ координированіи вещества и энергіи.

VIII.

Законъ прямо-пропорціональнаго накопленія живымъ тѣломъ и вещества и энергіи является универсальнымъ для всей жизни, пассивной и активной, индивидуальной и общественной. Спеціальныя особенности, которыми отличается жизнь активная, вызываютъ и нѣкоторое спеціальное развитіе этой формуты въ ея примѣненіи къ явленіямъ этой жизни. Мы знаемъ уже, что и животная жизнь обладаетъ растительными процессами, составляющими оборотную, необходимую сторону ея активности. Эти процессы точно такъ же заключаются въ координированіи вещества и координированіи энергіи, параллельныхъ и прямо-соотносительныхъ. Однако, сосуществованіе съ постояннымъ высвобожденіемъ энергіи и вещества не могло не отразиться и на растительныхъ процессахъ. Активность заключается въ высвобожденіи энергіи; вещество же тратится лишь, какъ неизбѣжное послѣдствіе траты энергіи. Ясно, что для животной жизни тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ меньше приходится тратить вещества при данной затратѣ энергіи, потому что тѣмъ

меньше приходится оставлять энергіи въ высвобождаемомъ веществѣ. Иначе говоря, тѣмъ совершеннѣе животная ткань, чѣмъ она богаче потенціальною энергіею. И дѣйствительно животныя ткани составляютъ химическія соединенія, еще гораздо менѣе устойчивыя, нежели ткани растеній, а слѣдовательно и заключаютъ, при одинаковой массѣ матеріи, гораздо больше потенціальной энергіи. Это большее совершенство животныхъ тканей составляетъ первое отличіе животной жизни, являющееся необходимымъ послѣдствіемъ и условіемъ активности и вызывающее собою другое отличіе, которое имѣетъ въ общей экономіи нашей планеты очень важное значеніе. Относительное совершенство животныхъ тканей не дозволяетъ ихъ выработку изъ грубо интегрированной или грубо дисинтегрированной матеріи неорганической, а равно изъ свободной энергіи, разлитой въ средѣ. Неорганическое вещество и свободная энергія лишь въ сравнительно незначительномъ размѣрѣ координируются въ тканяхъ животнаго организма, который существуетъ преимущественно поглощеніемъ органическихъ тканей, являющихся переходнымъ состояніемъ и предлагающихъ и вещество и энергію въ состояніи, какъ бы дисциплинированномъ. Благодаря этому, животная жизнь, поглощающая органическое вещество и возвращающая средѣ это вещество въ состояніи разложенія, представляется съ этой стороны могучимъ процессомъ, интегрирующимъ землю, тогда какъ растительная жизнь, поглощая неорганическія соединенія и создавая органическія, является для земли процессомъ дисинтегральнымъ.

Активность создаетъ это отличіе растительныхъ процессовъ животной жизни, но что такое сама активность съ занимающей насъ точки зрѣнія? Мы знаемъ, что она заключается въ способности высвобождать энергію для цѣлей и потребностей живого существа, носителя активности. Мы знаемъ также, что энергія эта высвобождается изъ тканей, богатыхъ потенціальною энергіей, въ процессѣ разложенія этихъ тканей. Мы указали такъ же, что энергія высвобождается активнымъ организмомъ или въ формѣ теплоты, или въ сокращеніяхъ мышечныхъ, или же въ нервно-мозговыхъ токахъ и вибраціяхъ. Если къ этому прибавить, что извѣстная температура тѣла является не болѣе, какъ условіемъ и вмѣстѣ послѣдствіемъ правильнаго дѣйствія остальныхъ частей активнаго аппарата, а мышечныя сокращенія всегда непосредственно вызываются нервными токами, то станетъ ясно, что центръ тяжести всего вопроса объ активности лежитъ въ этихъ нервно-мозговыхъ токахъ и вибраціяхъ, которые въ послѣднее время все охотнѣе сближаютъ съ токами и вибраціями электрическими. Подобно электрическому движенію, и движеніе нервно-мозговое вызывается интенсивными химическими процессами и, подобно ему же, способно переходить въ механическое движеніе. Высвобожденіе энергіи въ формѣ молекурнаго движенія (теплоты), помогая правильности химическихъ процессовъ, происходящихъ въ организмѣ, является при этомъ побочнымъ продуктомъ этихъ са-

мыхъ процессовъ. Въ этой формѣ высвобожденная энергія не идетъ на работу. На эту работу всецѣло уходитъ энергія, высвобождаемая организмомъ въ формѣ движенія механическаго (мышечныя сокращенія), но само это движеніе есть лишь преобразованное движеніе нервно-мозговое, въ которомъ, слѣдовательно, и состоитъ основа активности и которое, возбуждаемое химическими процессами, не есть однако ни химическое движеніе, ни механическое, ни молекулярное, сближаясь съ тѣмъ родомъ движенія, которое обозначается элементарными физическими силами природы и которое заключается въ токахъ и вибраціяхъ эѳира. Для зарожденія этого рода движенія (свѣта, электричества, лучистой теплоты) нужны всегда очень сильные возбудители и потому понятно, если для зарожденія аналогичнаго движенія въ организмѣ требуется такая концентрированная энергія, какую только и могутъ дать нервно-мозговыя ткани, самыя неустойчивыя и самыя богатыя химическою энергіей.

Такъ освобождаетъ активный организмъ энергію и только такъ онъ и можетъ освобождать ее, оставаясь въ предѣлахъ здоровыхъ и нормальныхъ процессовъ жизни, потому что вѣдь и смерть есть тоже высвобожденіе вещества и энергіи, скомбинированныхъ въ организмѣ. Если жизнь есть физическая интеграція химически дисинтегрирующагося вещества, то противуположный процессъ смерти есть физическая дисинтеграція химически интегрирующагося вещества, что мы и видимъ въ дѣйствительности. Сочетаніе процессовъ химической дисинтеграціи и физической интеграціи ведетъ къ координированію энергіи и вещества: обратно этому, сочетаніе физической дисинтеграціи и химической интеграціи проявляется единовременнымъ дискоординированіемъ энергіи и вещества. Смерть является полнымъ дискоординированіемъ и, освобождая вещество въ видѣ газовъ (физическая дисинтеграція), высвобождаетъ энергію, возвращая вещество къ прежнему устойчивому химическому состоянію (химическая интеграція) и выдѣляя при этомъ энергію въ формѣ движенія молекулярнаго. Но дискоординированіе вещества и энергіи *въ активномъ организмѣ* является не только закономъ смерти, но и закономъ жизни, ея необходимымъ условіемъ и высшимъ проявленіемъ. Вещество дискоординируется и въ этомъ случаѣ, обращаясь большею частью въ газы (углекислоту, водяные пары), а энергія тоже высвобождается чрезъ переходъ неустойчивыхъ органическихъ тканей въ устойчивыя неорганическія соединенія, т. е. и здѣсь мы видимъ химическую интеграцію физически дисинтегрирующагося вещества. Разница въ томъ, что здѣсь лишь часть энергіи выдѣляется въ формѣ молекулярнаго движенія, а большая часть въ нервно-мозговыхъ токахъ и въ порожденномъ ими механическомъ движеніи. Это различіе въ выдѣленіи энергіи въ той или иной формѣ и представляется первымъ важнымъ отличіемъ активнаго процесса жизни отъ процесса смерти.

Смерть есть физическая дисинтеграція химически интегрирую-

щагося вещества и активность есть точно также физическая дисинтеграція химически интегрирующагося вещества. Въ этомъ сходство. Начало различія выше отмѣчено въ видѣ различія въ выдѣленіи энергіи. Въ процессѣ смерти энергія выдѣляется въ формѣ молекулярнаго движенія, разсѣеваемаго мертвымъ тѣломъ въ средѣ (будь-то въ видѣ теплоты, или въ видѣ болѣе дисинтегрированнаго физическаго состоянія, жидкаго или газообразнаго). Въ процессѣ активности энергія выдѣляется въ видѣ нервно-мозговыхъ токовъ, аналогичныхъ электрическимъ, и въ формѣ механическаго движенія, а выдѣленіе при этомъ и молекулярнаго движенія является лишь побочнымъ, хотя и необходимымъ продуктомъ (и условіемъ) господствующаго процесса. Молекулярное движеніе необходимо выдѣляется при этомъ: оно къ тому же необходимо для развитія самаго процесса активной жизни, но не въ немъ отличительная особенность этой жизни, не изъ него она черпаетъ свое могущество, не оно работаетъ въ цѣляхъ ея самосохраненія. Оно и не можетъ работать въ этомъ направленіи, служа, по обыкновенію, лишь насыщенію энергіей среды, менѣе ею богатой, нежели активный организмъ, который и несетъ въ этой формѣ свою дань интегрированному состоянію среды. Работаетъ въ цѣляхъ самосохраненія та энергія, которая высвобождается въ нервно-мозговыхъ вибраціяхъ и въ руководимыхъ ими мышечныхъ сокращеніяхъ. Только эта энергія, высвобождаясь изъ организма, свои эффекты согласуетъ съ потребностями организма. Только она связана неразрывными узами съ процессами накопленія энергіи и вещества, постоянно питаясь ими и постоянно питая ихъ. Смерть упраздняетъ самосохраненіе; активность ему служитъ. Смерть — трата, не идущая на работу; активность — трата для работы. Смерть — трата, не координированная съ накопленіемъ; активность согласуетъ и взаимно обусловливаетъ оба процесса. Смерть — трата нецѣлесообразная; активность — цѣлесообразна. Таковы контрасты смерти и активности, которыя обѣ возникаютъ и развиваются на общей почвѣ химической интеграціи физически дисинтегрирующагося вещества. Эти контрасты снова приводятъ насъ къ началу нашего анализа, резюмируя всѣ существенные законы жизни активной.

Центральнымъ процессомъ, который выдѣляетъ активную жизнь въ особое явленіе и облекаетъ ее могуществомъ самостоятельной силы въ земномъ развитіи, такимъ процессомъ является прямо—соотносительное высвобожденіе энергіи и вещества (химическая интеграція при физической дисинтеграціи). Это высвобожденіе выражается въ *самосознаніи*, въ ощущеніяхъ, чувствахъ, мысляхъ, желаніяхъ и, наконецъ, механическихъ движеніяхъ и усиліяхъ (трудѣ). Только оно противупоставляетъ активную жизнь остальной природѣ. Только оно даруетъ активно-живымъ тѣламъ наименованіе существъ *одушевленныхъ*. Отъ него, вправо и влѣво, развиваются два процесса, первостепенно - важные въ экономіи активной жизни, но которые съ точки зрѣнія этой жизни прихо-

дится признать служебными. Таковъ съ одной стороны процессъ растительный, съ другой стороны—затрата высвобождаемой энергіи (работа) для приспособленія среды (культура).

IX.

Растительный процессъ координируетъ въ активномъ организмѣ вещество и энергію и является, такимъ образомъ, постояннымъ поставщикомъ энергіи, потребляемой активностью. Въ этомъ смыслѣ мы и назвали его служебнымъ, но въ такой же степени служебнымъ является и процессъ работы, предназначенный или доставить матеріалъ растительному процессу, или облегчить проявленіе активности. Такимъ образомъ, цѣлесообразность является необходимымъ послѣдствіемъ того факта, что организмъ постоянно высвобождаетъ энергію, и, постоянно растрачивая ее, по необходости долженъ ее возмѣщать изъ окружающей среды, реагировать на среду въ этомъ опредѣленномъ направленіи, съ этою цѣлью. Постоянное самоуничтоженіе, составляющее законъ активной жизни, вызываетъ и постоянное самосохраненіе, которое и является такимъ же основнымъ закономъ активной жизни. Самоуничтоженіе для самосохраненія, самосохраненіе для самоуничтоженія, — таковъ мудреный балансъ активной жизни. «Самоуничтоженіе для самосохраненія», потому что для самосохраненія необходима работа, необходимо высвобожденіе энергіи, которое однако и можетъ совершаться лишь въ процессѣ самоуничтоженія (дискоординированія вещества и энергіи). «Самосохраненіе для самоуничтоженія», потому что самосохраненіе и ведетъ къ поддержанію этой жизни, центральнымъ проявленіемъ которой является *сознаніе*, покупаемое единственно на счетъ самоуничтоженія (дискоординированія тканей). Такимъ образомъ, если прямо-соотносительное координированіе вещества и энергіи является универсальнымъ закономъ жизни, то прямо-соотносительное высвобожденіе вещества и энергіи (сознательность, одушевленность) является спеціальнымъ закономъ жизни активной, отличающей ее отъ пассивной жизни и вызывающей ея другое отличіе, цѣлесообразность реакціи на среду.

Начавъ нашъ анализъ вопроса объ активности съ цѣлесообразности, мы нынѣ снова пришли къ ней, но уже какъ къ простому наименованію того соотношенія между главными процессами активной жизни, который проходитъ черезъ сознаніе, иначе говоря совершается дѣятельностью высвобождаемой организмомъ энергіи. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что главныхъ процессовъ активной жизни — три; изъ нихъ каждый снова распадается на два. Координированіе вещества и координированіе энергіи составляетъ первую пару, сливающуюся въ одинъ *растительный* процессъ; прямое соотношеніе внутри этой пары, обязанное основнымъ физическимъ и химическимъ законамъ, не контролируется сознаніемъ, т. е. не зависитъ ни съ какой стороны отъ

высвобожденія энергіи организмомъ, и потому не называется нами цѣлесообразнымъ, хотя и можно сказать, что вещество физически координируется *для того*, чтобы энергія могла координироваться химически, и наоборотъ. Высвобожденіе энергіи и вещества составляетъ вторую пару, внутри которой прямое соотношеніе является простымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого же соотношенія внутри первой пары и потому не зависитъ отъ дѣятельности высвобождаемой энергіи. Это соотношеніе причиносообразно, какъ и соотношеніе въ первой парѣ, но оно точно такъ же и не цѣлесообразно; оно не контролируется сознаніемъ. Внутреннія соотношенія въ третьей парѣ (приспособленіе среды) лежатъ за предѣлами организма и тоже не могутъ быть контролируемы сознаніемъ; они тоже не цѣлесообразны. Кромѣ прямой соотносительности процессовъ накопленія вещества и движенія и процессовъ ихъ траты, существуетъ, какъ мы знаемъ, прямая соотносительность между каждыми двумя парами. Процессъ координированія вещества и энергіи развивается въ организмѣ прямо пропорціонально процессу высвобожденія и наоборотъ. Это первое прямое соотношеніе:—нельзя тратить больше, нежели накоплено; не нужно, а потому вредно для организма, потому нельзя накоплять больше, нежели нужно истратить (рѣчь идетъ о взросломъ организмѣ, конечно). Но и это соотношеніе находится внѣ контроля сознанія, внѣ зависимости отъ высвобождаемой энергіи, внѣ сферы цѣлесообразныхъ процессовъ активной жизни. Но уже слѣдующее соотношеніе между процессомъ высвобожденія энергіи и вещества организма и ихъ затратою на измѣненіе среды находится въ причинной зависимости отъ процесса высвобожденія энергіи (не болѣе того, какъ предъидущее соотношеніе отъ ея накопленія), проходитъ, стало быть, черезъ сознаніе и въ этомъ случаѣ причина именуется желаніемъ, волею, стремленіемъ, а послѣдствіе — цѣлью, задачею. Явленія становятся цѣлесообразными. Въ этомъ смыслѣ цѣлесообразность есть лишь частный случай причиносообразности, именно тотъ случай, когда причиною является энергія, высвобождаемая активнымъ организмомъ въ формѣ нервно-мозговыхъ токовъ и мышечныхъ сокращеній. Цѣлесообразность выражаетъ собою законъ прямой соотносительности между высвобожденіемъ энергіи и ея затратою на измѣненіе среды, и такъ же между этою затратою и накопленіемъ энергіи, или послѣдствіемъ затраты. Эти два ряда соотношеній связаны между собою такою же необходимостью, какъ и третій рядъ соотношеній (между накопленіемъ и высвобожденіемъ). Это одна замкнутая цѣпь: изъ среды энергія поглощается организмомъ; изъ организма энергія высвобождается и производитъ видоизмѣненія среды; изъ этихъ видоизмѣненій, произведенныхъ высвобожденною энергіей, организмъ вновь поглощаетъ энергію и возмѣщаетъ трату и т. д. и т. д. Но въ этой цѣпи соотношеній не всѣ звенья продятъ черезъ сознаніе, т. е. не всѣ производятся высвобожденною энергіей. Тѣ же, которыя произведены этою энер-

гіей и совершаются въ согласіи съ закономъ прямой соотносительности этихъ явленій, и называются цѣлесообразными. Такова сущность того отличительнаго свойства активной жизни, которое мы указали въ началѣ этой главы и признали наиболѣе яркимъ и бросающимся въ глаза. Если нормальными, здоровыми растительными процессами животнаго организма должны быть признаны такіе, которые вырабатываютъ ткани, способныя высвобождать энергію въ размѣрѣ ея средняго расходованія организмомъ, то нормальными, здоровыми активными процессами должно признавать такіе, которые производятъ видоизмѣненія среды, доставляющія растительнымъ процессамъ матеріалъ въ размѣрѣ его средняго потребленія организмомъ. Здоровые и нормальные процессы активные, мы и назовемъ цѣлесообразными.

Это сведеніе цѣлесообразности къ закону причиносообразности уничтожаетъ то противуположеніе, съ котораго мы, по необходимости, начали наше изложеніе, и указываетъ истинные предѣлы и значеніе явленія. Цѣлесообразность есть законъ нормальнаго здороваго *прямого отношенія* между энергіей, высвобождаемою жизнью, и работою, производимою этою энергіей. Если съ одной стороны энергія высвобождается прямо пропорціонально ея накопленію (въ среднемъ счетѣ), то и затрачивается она на приспособленіе среды тоже прямо пропорціонально высвобожденію. Это состояніе, нормальное и здоровое, цѣлесообразно. Цѣлесообразность. приспособленіе среды къ потребностямъ жизни, работа въ цѣляхъ самосохраненія — все это съ этой точки зрѣнія является однимъ изъ трехъ звеньевъ въ цѣпи кругорота веществъ и энергіи въ активной жизни и однимъ изъ двухъ звеньевъ (въ числѣ этихъ трехъ), коими активная жизнь отличается отъ пассивной. Координированіе вещества и энергіи (первое звено) общее и пассивной и активной жизни; послѣдняя отличается 1) высвобожденіемъ вещества и энергіи и 2) работою или затратою, соотносительною и высвобожденію, и координированію. Эта двойная соотносительность и есть цѣлесообразность, являясь очень существеннымъ, хотя и производнымъ свойствомъ активности. Не болѣе важнымъ, но болѣе кореннымъ представляется высвобождаемость энергіи.

Такова активность, медленно и постепенно развиваемая жизнью въ органическомъ прогрессѣ и достигшая относительной интенсивности въ организмѣ человѣка и особенно въ организаціи человѣческаго общежитія. Это — реакція жизни на среду, какъ мы ее опредѣлили съ первыхъ строчекъ, но реакція, прямо соотносительная высвобожденію вещества и энергіи жизнью (силамъ жизни), а съ другой стороны, прямо соотносительная координированію вещества и энергіи тою же жизнью (потребностямъ жизни). Уяснивъ себѣ общую сущность активности, мы можемъ теперь обратиться къ процессу ея развитія, къ ея развѣтвленію и, прежде всего, на два главные русла, индивидуальное и общественное.

X.

Та реакція жизни на среду, которую мы называемъ активностью, находится въ прямой причинной зависимости отъ двухъ рядовъ явленій; она прямо пропорціональна силамъ жизни (количеству высвобождаемой энергіи) и ея потребностямъ (количеству координируемой энергіи), которыя сами (силы и потребности жизни) тоже прямо пропорціональны. Является, стало быть, весьма существеннымъ вопросъ о тѣхъ условіяхъ, которыя могутъ вліять на эти силы и эти потребности и на ихъ взаимоотношеніе. Самою важною причиною, существенно видоизмѣняющею условія развитія и проявленія активности, является сложеніе индивидуальныхъ активныхъ организмовъ въ общежитія. Общественность видоизмѣняетъ весь рядъ соотношеній, составляющихъ вышеописанную замкнутую цѣпь круговращенія вещества и энергіи въ активной жизни. Реакція жизни на среду остается, конечно, прямо пропорціональною количеству высвобождаемой жизнью энергіи, но термины пропорціи измѣняются въ пользу жизни, т. е. большая относительно часть высвобождаемой энергіи затрачивается на приспособленіе среды, а меньшая тратится не цѣлесообразно или теряется на треніе о среду (если можно такъ выразиться). Равнымъ образомъ, реакція жизни на среду остается прямо пропорціональною и количеству координируемой жизнью энергіи, но и тутъ термины пропорціи измѣняются въ пользу жизни, т. е. большая относительно часть подлежащей координированію энергіи (и вещества) доставляется процессомъ приспособленія среды и меньшая оказывается въ дефицитѣ. Стало быть, благодаря общественности, лучше утилизуются силы жизни и лучше удовлетворяются ея потребности. Лучшее же удовлетвореніе потребностей, т. е. большее координированіе энергіи, не можетъ не отразиться и на увеличеніи высвобожденія и т. д. Другими словами, общественность является могучимъ рычагомъ къ поднятію и росту активности, которая проявляетъ всю свою силу лишь въ соединеніи съ этимъ новымъ факторомъ.

Такимъ образомъ, общественность является дѣятелемъ, усиливающимъ значеніе активности, ея силу, ея власть надъ средою, а слѣдовательно (надо думать) лучше обезпечивающимъ достиженіе тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуетъ активность (потому что, не надо забывать этого, активность всегда имѣетъ цѣли). Индивидуальная активность, или, вѣрнѣе выражаясь, активность, развиваемая индивидуальнымъ организмомъ, не вошедшимъ въ общественную организацію (или и вошедшимъ, но который въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ не подчинился велѣніямъ общественности), можетъ имѣть одну цѣль, именно сохранить этотъ организмъ, сохранить его индивидуальность. Естественно тяготѣя къ этой цѣли, активность индивидуальной жизни возстаетъ противъ всякихъ процессовъ, влекущихъ къ ограниченію, тѣмъ болѣе къ по-

терѣ индивидуальности. Такимъ образомъ, какъ мы и видѣли въ этюдѣ «Международная экономическая борьба» (главы I — II), активность разрушаетъ общежитія въ той формѣ, какъ они возникаютъ на стадіи жизни пассивной, и отмѣняетъ свойственный этимъ общежитіямъ процессъ органическаго развитія, образованія сложныхъ организмовъ, превращенія самостоятельныхъ индивидовъ въ органы новаго сложнаго индивида. Такова естественная и необходимая тенденція индивидуальной активности, тенденція, правильно проявляемая ею на всемъ протяженіи органическаго такъ же, какъ и историческаго прогресса.

Общественная активность возникаетъ первоначально лишь какъ новая форма индивидуальной. Разрушивъ общежитія, созданныя пассивной жизнью, активность возсоздаетъ ихъ въ формѣ активныхъ общинъ взаимной обороны. Защищаться вмѣстѣ отъ хищниковъ много удобнѣе и цѣлесообразнѣе въ смыслѣ самосохраненія, этой задачей всякой индивидуальной активности. Именно эту задачу и имѣютъ общины самообороны, въ которыя соединяются травоядныя млекопитающія, нѣкоторыя породы птицъ, обезьяны и пр. Скоро, однако, эта первоначальная цѣль союза осложняется другою, прямо изъ нея вытекающею. Такъ какъ община увеличиваетъ шансы индивидуальнаго самосохраненія, то ее необходимо сохранять въ интересахъ этого самого индивидуальнаго самосохраненія. *Сохраненіе общины* выростаетъ, такимъ образомъ, какъ новая задача активности рядомъ съ прежнею, охраненіемъ индивидовъ. Этимъ путемъ возникаетъ новая самостоятельная задача активной жизни, ея вторая цѣль, *общественное самосохраненіе.*

Если для лучшаго сохраненія индивидовъ необходимо сохраненіе общины, то и для лучшаго сохраненія общины необходимо сохраненіе ея членовъ, индивидовъ, входящихъ въ ея составъ. Эта солидарность общественнаго самосохраненія и индивидуальнаго, долженствовавшая и могущая служить къ ихъ согласному развитію, могла, однако, послужить и послужила причиною очень многихъ столкновеній между двумя основными задачами активности и этими столкновеніями переполнена всемірная исторія. Дѣло въ томъ, что хотя задача общественнаго самосохраненія и задача самосохраненія индивидуальнаго и тѣсно связаны между собою, взаимно обусловливая другъ друга, тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ можетъ быть признаваема объемлющею другую, какъ свою составную часть, и наоборотъ, каждая можетъ быть разсматриваема, какъ входящая въ составъ другой, ее объемлющей. Довольно вспомнить, сколько на этомъ поприщѣ было преломлено копій философами, моралистами, историками и политиками, чтобы понять все значеніе этого различенія, на первый взглядъ довольно эфемернаго. Покуда для насъ важно констатировать, что эти двѣ точки зрѣнія существуютъ не напрасно, потому что дѣйствительно возможны два пути общественнаго развитія, болѣе соотвѣтствующіе тому или иному воззрѣнію. Общественному самосохраненію можетъ быть приносимо въ жертву самосохраненіе индивидуальное и это путь органичес-

каго развитія, о которомъ мы упомянули выше и подробнѣе говорили въ этюдѣ о международной экономической борьбѣ. Это — первый путь развитія, отдающій преимущество прогрессу культурному (какъ то разъяснено мною въ упомянутой работѣ). Но съ другой стороны возможно и иное направленіе общественнаго развитія, когда общественное самосохраненіе не требуетъ подавленія самосохраненія индивидуальнаго, а это послѣднее принимаетъ форму, согласованную съ требованіями общественнаго самосохраненія.

Самосохраненіе общественное выростаетъ, сказали мы, изъ самосохраненія индивидуальнаго. Въ этомъ не трудно убѣдиться при самомъ бѣгломъ взглядѣ на значеніе общества для индивидуальной безопасности. Если мы остановимся даже на одномъ этомъ элементарномъ вопросѣ о безопасности индивидовъ, вошедшихъ въ составъ общежитія, то и тутъ мы увидимъ, что эта безопасность тѣмъ лучше обезпечена, чѣмъ прочнѣе и постояннѣе общественный союзъ, въ который вошли особи въ цѣляхъ индивидуальнаго самосохраненія. Для цѣлесообразной взаимной обороны необходимо взаимное пониманіе, необходима привычка, необходимо хотя нѣкоторое подчиненіе руководству общепризнаннаго вождя. Все это достигается, конечно, тѣмъ легче, чѣмъ продолжительнѣе и постояннѣе союзъ. И все это, однако, представляетъ собою лишь самыя элементарныя условія цѣлесообразной общей обороны. Дальнѣйшее развитіе этой общественной обороны, въ видѣ напр. различныхъ болѣе или менѣе сложныхъ построеній, облегчающихъ оборону, или сложнаго маневрированія, засадъ, или укрѣпленій, сооружаемыхъ общественнымъ трудомъ, не говоря даже объ организованныхъ отрядахъ и усовершенствованномъ вооруженіи, — все это дальнѣйшее развитіе общественной обороны, влекущее за собою высшую степень индивидуальной безопасности, требуетъ уже очень прочнаго и постояннаго союза, постояннаго изъ поколѣнія въ поколѣніе. Того же требуетъ и другая задача первобытнаго общежитія, забота о подростающемъ поколѣніи. Къ тому же ведутъ и всѣ остальныя задачи и цѣли общежитія, заботы о лучшемъ обезпеченіи пищею, убѣжищемъ, тепломъ, вообще о болѣе полномъ удовлетвореніи потребностей индивидовъ. Такимъ образомъ, въ цѣляхъ индивидуальнаго самосохраненія особи должны не только заключать союзы для взаимной обороны и для взаимной помощи въ удовлетвореніи потребностей, но и стремиться обратить эти союзы въ постоянныя общежитія, сохраняющія общественную связь и общественное строеніе изъ поколѣнія въ поколѣніе. Эта же задача сохранять общество, его строеніе и его непрерывность и является тѣмъ новымъ факторомъ въ прогрессѣ активной жизни, который мы назвали выше общественнымъ самосохраненіемъ. И если активность вообще опредѣлена нами, какъ способность живого тѣла высвобождать энергію въ цѣляхъ самосохраненія, то *активность общественная опредѣлится, конечно, какъ способность общественнаго тѣла и составляющихъ его индивидовъ высвобождать энергію въ цѣляхъ самосохраненія общественнаго.*

XI.

Содержаніе понятія общественнаго самосохраненія можетъ быть очень различно. Оно можетъ ограничиваться взаимозащитою и взаимопомощью въ предѣлахъ семьи и можетъ распространяться на все человѣчество, на всю жизнь, даже на всю планету, населенную живыми существами. Сообразно такому различію въ содержаніи понятія общественнаго самосохраненія, будетъ видоизмѣняться и содержаніе понятія цѣлесообразности. Цѣлесообразность есть, какъ мы знаемъ, просто субъективное, наименованіе объективнаго закона двойной прямой соотносительности между работою жизни и высвобожденіемъ энергіи, между работою и координированіемъ энергіи. Иначе говоря: — между силами жизни и ея работою, между ея работою и ея потребностями, а такъ какъ работа является посредствующимъ факторомъ, то можно сказать просто: между силами и потребностями жизни. Въ этомъ смыслѣ, очень большая и существенная разница между цѣлесообразностью при различномъ содержаніи понятія самосохраненія. Индивидуальное самосохраненіе совершенно цѣлесообразно дѣйствуетъ по принципу «après nous le déluge», по методу саранчи, которой дѣятельность, по своему, тоже цѣлесообразна, такъ какъ ведетъ къ поддержанію ея жизни, къ удовлетворенію потребностей этой жизни. Такъ называемое хищническое хозяйство, истощающее почву, истребляющее лѣсъ, изсушающее источники, разводящее насѣкомыхъ (чрезъ истребленіе птицъ), представляется такимъ же проявленіемъ цѣлесообразности на стадіи индивидуальнаго самосохраненія, какъ и истребительная дѣятельность саранчи. Чѣмъ болѣе расширяется, однако, содержаніе понятія сомосохраненія, тѣмъ менѣе цѣлесообразною становится такая дѣятельность, тѣмъ сложнѣе оказываются условія цѣлесообразной работы. То, что цѣлесообразно съ точки зрѣнія индивидуальнаго самосохраненія, можетъ оказаться явно нецѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія самосохраненія общественнаго и, что цѣлесообразно для данной группы, можетъ оказаться нецѣлесообразнымъ для болѣе обширной группы. Потребности жизни, составляющія, какъ мы выше опредѣлили, критерій цѣлесообразной дѣятельности, быстро и существенно видоизмѣняются съ расширеніемъ содержанія понятія самосохраненія. Потребности ста индивидовъ, если они не составляютъ общества, равняются всего лишь суммѣ потребностей отдѣльныхъ организмовъ, вошедшихъ въ это счисленіе. Потребности тѣхъ же ста индивидовъ, составившихъ постоянное общежитіе, слагаются 1) изъ суммы потребностей отдѣльныхъ членовъ (какъ и въ первомъ случаѣ), и 2) изъ заботы о сохраненіи общества, о его подростающемъ поколѣніи, о его будущемъ. Но такъ какъ удовлетвореніе перваго ряда потребностей, какъ мы только что видѣли, можетъ быть порою достижимо и путемъ, препятствующимъ удовлетворенію второго ряда потребностей, то ясно,

что цѣлесообразность при самосохраненіи индивидуальномъ, какъ единственной задачѣ активности, и при сочетаніи обѣихъ задачъ, самосохраненія индивидуальнаго и общественнаго, можетъ оказаться и дѣйствительно оказывается весьма различною. Мы уже намекнули въ прошломъ параграфѣ и на другую возможность, на случай, когда удовлетвореніе второго ряда потребностей активности (самосохраненіе общественное) можетъ принять направленіе, нарушающее полноту удовлетворенія потребностей индивидуальныхъ. Въ обоихъ случаяхъ, активность не справляется съ задачами, ей выпавшими на долю, оказывается не вполнѣ цѣлесообразною. Уже à priori мы можемъ вывести отсюда, что такое направленіе развитія, удовлетворяющее одну задачу въ ущербъ другой и нарушающее существенный законъ активной жизни, должно быть явленіемъ нездоровымъ, патологическимъ, умаляющимъ жизнь и активность, накликающимъ смерть.

Соотвѣтствіе между силами и потребностями жизни, между энергіей, высвобождаемою жизнью для работы, и энергіей, координируемой жизнью изъ продуктовъ труда, — въ этомъ, какъ мы знаемъ, заключается работа въ цѣляхъ самосохраненія, цѣлесообразность активной жизни. Съ появленіемъ въ процессѣ активной жизни общественности, съ возникновеніемъ новой задачи общественнаго самосохраненія, увеличивается, стало быть, и сумма цѣлесообразной работы, которая должна быть сдѣлана жизнью. Откуда же берется сила для этой новой работы? И какая можетъ быть цѣль, съ точки зрѣнія индивидуальнаго самосохраненія, въ этомъ умноженіи работы? А вѣдь первоначально лишь эта точка зрѣнія индивидуальнаго самосохраненія и порождаетъ сочетаніе индивидовъ въ общежитіе и даетъ первый толчокъ заботамъ объ охраненіи общежитія, работѣ общественнаго самосохраненія... Выше мы уже коснулись вскользь этого вопроса, теперь мы должны его разсмотрѣть съ общей точки зрѣнія развитія активности и въ связи съ только что указаннымъ фактомъ умноженія работы, какъ послѣдствія возникновенія общежитій.

Говоря объ общественныхъ потребностяхъ, требующихъ новой работы, легко говорить и объ *общественной активности*, на счетъ которой удовлетворяются эти потребности, но что же такое можетъ быть эта общественная активность? Откуда она берется? И новая трата на самосохраненіе общественное не составляетъ-ли просто лишней траты индивидовъ, когда вѣдь больше не откуда и высвободить энергію для общественной работы, какъ изъ тканей тѣхъ же индивидовъ? Отвѣтомъ на эти вопросы служатъ два ряда фактовъ: 1) при условіяхъ общежитія то же количество энергіи, высвобождаемой жизнью, даетъ больше чистой работы (умноженіе эффектовъ работы); 2) привлекается къ работѣ и энергія, не заключенная въ тканяхъ организмовъ, разлитая въ средѣ и утилизуемая общественной жизнью. Остановимся на минуту на обоихъ явленіяхъ, характеризующихъ общественную жизнь и составляющихъ ея отличительныя свойства.

Теорема политической экономіи объ увеличеніи производительности труда при сотрудничествѣ представляется положеніемъ, не возбуждающимъ и никогда не возбуждавшимъ споровъ между экономистами. Прекрасно развитая и обоснованная еще *Адамомъ Смитомъ*, теорема эта съ тѣхъ поръ принята всѣми школами и направленіями науки и вводится во всѣ учебники и трактаты. Усиленная производительность отъ сотрудничества и представляетъ вышеуказанное явленіе *умноженія эффектовъ затрачиваемой энергіи въ условіяхъ общежитія*. Это означаетъ, что, если сто индивидовъ достигаютъ, работая порознь, результата, которое мы выразимъ цифрою 100, то при условіи сотрудничества они достигнутъ результата, равнаго 110, 120 и т. д., смотря по организаціи сотрудничества, по привычкѣ къ сотрудничеству и т. д. Но это еще не все: если каждый индивидъ, работая порознь, вырабатываетъ единицу, то сто индивидовъ, работая порознь, получатъ сто единицъ только при условіи, чтобы они другъ другу не мѣшали, не оспаривали продуктовъ, не отнимали. Точка зрѣнія общественнаго самосохраненія отрицаетъ такое направленіе активности; а съ индивидуальной точки зрѣнія, и такая дѣятельность можетъ быть цѣлесообразна. Ясно, что 100 единицъ есть maximum эффектовъ отдѣльной работы ста индивидовъ, maximum, къ которому дѣйствительные результаты болѣе или менѣе приближаются, болѣе или менѣе не достигаютъ. Съ другой стороны, ясно, что эти 100 единицъ являются minimum'омъ въ условіяхъ общежитія, minimum'омъ, надъ которымъ болѣе или менѣе возвышаются, до котораго порою падаютъ дѣйствительные результаты работы. То, что въ индивидуальномъ быту есть еле достижимый maximum успѣшности работы, то въ быту общественномъ является minimum'омъ успѣшности. Въ среднемъ счетѣ, успѣшность работы въ индивидуальномъ быту значительно отстаетъ отъ этого наивысшаго ея предѣла, а въ общественномъ быту превосходитъ порою во много разъ, такъ что разность получается очень значительною. Эта разность и есть то, что можно бы было назвать активностью общественною, потому что своимъ появленіемъ она обязана общественности. Не слѣдуетъ только забывать, что *въ этомъ случаѣ* разность обязана своимъ происхожденіемъ *условіямъ*, въ которыхъ дѣйствуетъ активность индивидовъ, а не какой-либо новой энергіи, не распредѣленной между индивидами и составляющей особое, спеціально общественное достояніе. Нѣчто подобное мы видимъ въ другомъ методѣ, коимъ общественная жизнь увеличиваетъ сумму активности и количество работы. Этотъ методъ, какъ мы сказали уже, состоитъ въ привлеченіи къ работѣ той энергіи, которая разлита въ средѣ и не заключена въ тканяхъ индивидовъ.

Когда человѣкъ изобрѣтаетъ парусъ и заставляетъ вѣтеръ переносить его съ мѣста на мѣсто, переносить на громадныя разстоянія при относительно незначительной затратѣ энергіи самимъ человѣкомъ (управленіе парусами и ихъ сооруженіе), то мы ви-

димъ первый случай, когда жизнь комбинируетъ энергію, высвобождаемую организмомъ, со свободной энергіей, разлитою въ средѣ, и этимъ путемъ достигаетъ относительно громаднаго усиленія. Ясно, что для индивидуальнаго быта такое пользованіе свободною энергіей среды возможно лишь въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ и только развитая общественная жизнь создаетъ условія, при которыхъ это покореніе свободной энергіи среды становится широко распространеннымъ процессомъ. Прежде всего утилизуется общественною жизнью та свободная энергія, которая проявляется въ формѣ механическаго движенія. Вѣтеръ, теченіе рѣкъ и ручьевъ, движеніе другихъ организмовъ (рабочій скотъ) составляютъ обширный капиталъ, изъ котораго черпаетъ первобытное общежитіе энергію, дополняющую ту, которая высвобождается организмами. Болѣе развитое общество сохраняетъ пользованіе и этимъ капиталомъ, но кромѣ того находитъ и другіе способы пользоваться силами среды, какъ свободными, такъ и находящимися въ состояніи потенціальномъ.

Пользованіе солнечною энергіей для цѣлей земледѣлія, при разведеніи растеній, сославляетъ явленіе, очень распространенное и зарождающееся еще на относительно низкихъ ступеняхъ общественности. Другой случай мы видимъ, когда общественная жизнь пользуется теплотою въ цѣляхъ произвести работу. Таковы паровые двигатели. Здѣсь механическое движеніе, необходимое жизни, ею извлекается изъ движенія молекулярнаго (теплоты), которое само извлекается изъ потенціальнаго состоянія въ топливѣ. Жизнь здѣсь пользуется потенціальною энергіей среды и, высвобождая ее, создаетъ ту свободную энергію, которую и направляетъ въ своихъ интересахъ, въ цѣляхъ своего самосохраненія. Высвобожденіе потенціальной энергіи не изъ однихъ лишь органическихъ тканей индивидовъ, вошедшихъ въ общежитіе, составляетъ еще болѣе могущественный способъ покоренія силъ природы, нежели пользованіе готовыми свободными силами среды. Первые двигатели явились лишь первымъ шагомъ по этому пути, хотя и этотъ шагъ превысилъ, по своимъ эффектамъ, все, что дотолѣ общественная жизнь успѣла достигнуть въ этомъ направленіи. Вслѣдъ за утилизаціей молекулярнаго движенія въ паровыхъ двигателяхъ, появилось высвобожденіе энергіи въ формѣ электричества, свѣта и т. д. и утилизація этихъ силъ для цѣлей общественной жизни. Мы стоимъ еще почти у начала этого процесса, но и теперь видно то могущество, которымъ онъ облекаетъ общественную жизнь и котораго лишена жизнь въ быту индивидуальномъ.

Эта сила общественной жизни, заключающаяся въ покореніи ея цѣлямъ силъ природы, свободной и потенціальной энергіи среды, является, повидимому, дифференцированною отъ активности индивидовъ. Работаютъ вѣтеръ, вода, солнце, теплота, электричество, свѣтъ, порабощенные организмы, и работаютъ эти силы въ цѣляхъ общественнаго самосохраненія. Не доказываетъ ли это

совершенную самостоятельность, независимость общественной активности? Конечно, нѣтъ, потому что если дѣятельность этихъ силъ природы проявляется независимо отъ активности, высвобождаемой организмами, то направленіе ихъ дѣятельности въ интересахъ общественнаго самосохраненія зависитъ всецѣло отъ активности индивидовъ, составляющихъ общежитіе и комбинирующихъ свою энергію съ этою энергіей среды, служащею общественной жизни. Безъ этой комбинаціи энергіи, высвобождаемой организмами, съ энергіей среды, эта послѣдняя не можетъ служить задачамъ общественной жизни. Энергія среды является лишь дополненіемъ къ энергіи индивидовъ, входящихъ въ составъ общества, хотя порою эти дополненія и много могущественнѣе дополняемаго, въ которомъ, однако, и только въ которомъ и лежитъ сила, направляющая энергію среды на работу для удовлетворенія потребностей жизни.

Такимъ образомъ, общественность, создавая новыя потребности, создаетъ и новыя силы для ихъ удовлетворенія. Она создаетъ условія, умножающія полезную работу индивидуальной активности (сотрудничество, безопасность) и дополняетъ ея силу силами окружающей природы, подчиняемыми руководству жизни. Въ этомъ и заключается то явленіе, которое можно назвать активностью общественною и которое можетъ выдѣлиться изъ активности индивидуальной по своимъ задачамъ въ большей степени, нежели по своимъ силамъ, по необходимости прикованнымъ къ силамъ индивидуальныхъ организмовъ, вошедшихъ въ общежитіе. Нѣкоторое дифференцированіе возможно, но никогда не полное. Оно достаточно для того, чтобы нарушить согласное развитіе двухъ задачъ общественной жизни (самосохраненіе индивидуальное и общественное), но недостаточно, чтобы одну замѣнить другою, чтобы на подавленіи индивидуальной активности воздвигнуть прогрессъ активности общественной, всегда въ послѣднемъ счетѣ зависимой отъ состоянія, въ которомъ находится активность индивидуальная. Мы забѣгаемъ, однако, нѣсколько впередъ. Вернемся къ нити нашего анализа.

XII.

Самосохраненіе общественное, какъ и индивидуальное, достигается при помощи измѣненій (приспособленій) среды, производимыхъ активными силами жизни. Эти измѣненія и приспособленія, совершаемыя работою активныхъ организмовъ въ цѣляхъ самосохраненія, носятъ не одинъ и тотъ же характеръ въ быту индивидуальномъ и въ быту общественномъ. Господствующій типъ измѣненій среды на стадіи индивидуальнаго быта носитъ характеръ болѣе потребительный, нежели творческій. Животное добываетъ себѣ пищу, питье, убѣжище, безопасность, самку и т. д. Оно розыскиваетъ все ему необходимое, поскольку физическая среда заключаетъ и можетъ предложить; оно борется за это необходимое, охотится, сражается, спасается, наконецъ, потреб-

ляетъ, — въ этомъ и состоитъ цѣлесообразная работа активной жизни на стадіи индивидуальнаго быта. Измѣненія вносятся въ состояніе среды, но измѣненія, болѣе отрицательныя, нежели положительныя. Результаты положительные сказываются лишь косвенно чрезъ суммированіе всѣхъ этихъ частныхъ, между собою некоординированныхъ и нерѣдко взаимно-истребительныхъ работъ, чрезъ подборъ, какъ и въ жизни пассивной. И дѣйствительно, активная жизнь на стадіи индивидуальнаго быта еще весьма мало эмансипирована отъ руководящаго значенія физической среды; измѣненія, вносимыя ею въ состояніе этой среды, могутъ быть лишь съ натяжкою названы приспособленіями среды, тогда какъ вліяніе физической среды на самые организмы еще весьма ярко выражается въ приспособленіи жизни къ условіямъ среды. Въ индивидуальномъ быту активная жизнь уже обладаетъ силою для реакціи на среду въ интересахъ самосохраненія, но эти разрозненныя, несогласованныя, взаимно противурѣчивыя реакціи еще безсильны рѣшительно повернуть русло, по которому развивается жизнь. Все болѣе и болѣе ограничивая тѣ или другія частныя проявленія органическаго прогресса и все болѣе и болѣе накопляя силу (способность цѣлесообразнаго высвобожденія энергіи), имѣющую своею задачею возстать противъ законовъ органическаго прогресса, индивидуальная активная жизнь еще подчиняется этимъ законамъ. Борьба за существованіе, естественный подборъ, половой подборъ, дифференцированіе также господствуютъ и въ развитіи активной жизни на стадіи индивидуальнаго быта, какъ и въ развитіи пассивной жизни. Но активная жизнь и въ индивидуальномъ быту, какъ сказано, накопляетъ силу, которая призвана освободить жизнь отъ законовъ органическаго прогресса.

Уже на стадіи индивидуальнаго быта, хотя и очень осторожно, активная жизнь приступаетъ къ преобразованію общаго типа своихъ реакцій на среду. Когда птица строитъ гнѣздо, млекопитающее роетъ нору, сооружаетъ логовище или запасаетъ на зиму пищу (которая иначе разложилась-бы въ диссолюціонныхъ процессахъ осенняго сезона), то въ этихъ работахъ активныхъ организмовъ нельзя не видѣть первыхъ шаговъ къ такому преобразованію характера реакцій активной жизни на среду. Здѣсь впервые сказывается то, что можно назвать производствомъ, а измѣненія, вносимыя активною жизнью въ среду, съ полнымъ правомъ могутъ быть названы приспособленіями среды къ потребностямъ жизни. Прежде, между силами активнаго организма, затрачиваемыми на работу, и потребностями, удовлетворяемыми этою работою, существовало болѣе простое соотношеніе. Энергія дискоординировалась въ работѣ организма съ тѣмъ, чтобы немедленно цѣликомъ возобновиться въ организмѣ изъ продуктовъ работы, чрезъ немедленное и полное потребленіе этихъ продуктовъ. Появленіе такихъ продуктовъ, какъ запасы пищи и постоянныя убѣжища, раздвигаютъ рамки этого круговращенія, осложняютъ соотношеніе между силами и потребностями организма. Такіе продукты не потреб-

ляются цѣликомъ немедленно, а постепенно въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Энергія, въ нихъ затрачиваемая, лишь частью немедленно воспроизводится въ организмѣ, а частью остается въ нихъ заключенною; она тоже воспроизводится, но воспроизводится не въ собственныхъ тканяхъ организма, а въ продуктахъ труда, въ которыхъ пребываетъ въ потенціальномъ состояніи и лишь постепенно извлекается потребленіемъ. Между силами, затрачиваемыми на работу, и потребностями, удовлетворяемыми этою работою, создается новое звено, въ которое воплощается та часть работы, что не потребляется немедленно. Прежде она нецѣлесообразно пропадала для жизни, теперь она овеществляется въ продуктахъ труда и постепенно утилизуется жизнью. Философская сущность круговращенія вещества и энергіи въ активной жизни осталась, конечно, та же, но приняла новую форму, имѣющую громадное значеніе для всего будущаго жизни. И прежде и теперь одинаково господствуетъ законъ двойного прямого отношенія между высвобожденіемъ энергіи и работою, между работою и координированіемъ. Но прежде это звено «работы», связующее процессы высвобожденія и координированія, не длилось больше, нежели эти соотносительные процессы. Добыча служила цѣлямъ жизни и составляла звено въ круговращеніи вещества и энергіи въ живомъ тѣлѣ ровно по стольку, по сколько длилась охота и потребленіе. Овеществленная въ добычѣ, работа служила этимъ звеномъ, но это овеществленіе, не будучи явленіемъ длящимся, постояннымъ, не было способно къ отдѣльному развитію, не дифференцировалось отъ активности. Такое-то длящееся овеществленіе момента работы, дарующее этому новому явленію способность къ самостоятельному развитію, и замѣчаемъ мы въ указанныхъ фактахъ, на которые еще въ этюдѣ объ экономической борьбѣ мы указали, какъ на зачаточное проявленіе *культуры*. Культура, эта овеществленная и дифференцировавшаяся отъ жизни ея работа, возникаетъ, такимъ образомъ, на стадіи индивидуальнаго быта, но проявляется тамъ въ состояніи зачаточномъ. Въ развитомъ состояніи мы находимъ ее лишь въ быту общественномъ. Культура по справедливости можетъ быть названа самымъ важнымъ отличіемъ общественной жизни.

Развитая общественная жизнь, какъ напр. цивилизованное человѣческое общежитіе, отличается высокимъ развитіемъ культуры, которая является носителемъ громаднаго количества вещества и энергіи, заключенныхъ туда работою активныхъ силъ жизни, постоянно потребляемыхъ этою жизнью, постоянно возобновляемыхъ ея работою. Процессъ траты и возобновленія, этотъ универсальный законъ жизни, является и закономъ культуры, а равно и законъ прямо-соотносительнаго координированія вещества и энергіи и прямо-соотносительнаго ихъ дискоординированія.

Законъ траты и возобновленія весьма явственно выражается въ культурѣ экономическими явленіями производства и потребленія. Подобно тканямъ организма, и матеріалъ, составляющій куль-

туру, постоянно истрачивается и постоянно воспроизводится, полностью возобновляясь въ извѣстный срокъ. Къ этому весьма важному явленію обмѣна вещества и энергіи въ культурѣ мы, вѣроятно, еще будемъ имѣть случай возвратиться на протяженіи этого этюда, а теперь для насъ довольно констатировать, что по необходимости эти процессы траты (потребленія) и возобновленія (производства), какъ двѣ стороны одного и того же экономическаго явленія, находятся между собою въ прямомъ, а не обратномъ отношеніи, какъ и процессы траты (работа) и возобновленія (потребленія) въ организмахъ. Прямая соотносительность этихъ процессовъ является закономъ культурнаго движенія, какъ и активной жизни. Культура, которая общественностью взята въ одну скобку съ активностью, по-неволѣ слѣдуетъ законамъ этой послѣдней, если развивается правильно и нормально, если не клонится къ разрушенію и смерти.

Координированіе вещества и энергіи, прямо пропорціональное ихъ дискоординированію (и наоборотъ), представляется лишь одною стороною закона прямой соотносительности, какъ онъ проявляется въ активной жизни. Координированіе вещества, прямо пропорціональное координированію энергіи (и наоборотъ), составляетъ второй терминъ этого закона, а третьимъ будетъ дискоординированіе вещества, прямо пропорціональное дискоординированію энергіи (и наоборотъ). Эти законы должны такъ же господствовать въ культурѣ, какъ и въ активныхъ организмахъ. Координированіе вещества, прямо пропорціональное координированію энергіи, прежде всего могущественно проявляется въ земледѣліи и скотоводствѣ. Умножая растительную и животную жизнь на землѣ, культура безъ сомнѣнія является процессомъ прямо соотносительнаго накопленія вещества и энергіи. Но и обработка, которой подвергается въ процессѣ культуры неорганическая среда, является до нѣкоторой степени такимъ же единовременнымъ и параллельнымъ накопленіемъ вещества и энергіи. Въ однихъ случаяхъ мы видимъ, какъ неорганическое вещество, вовлекаемое въ составъ культуры, снабжается усиленною потенціальною энергіей химической на счетъ работы активныхъ организмовъ. Таковъ случай добыванія металловъ и другихъ простыхъ тѣлъ изъ рудъ и другихъ соединеній. Иногда химическая дисинтеграція сопровождается и физическою (добываніе ртути напр.). Въ другихъ случаяхъ вещество, вовлеченное въ культуру, снабжается движеніемъ не химическимъ или молекулярнымъ, какъ приведенные примѣры, а механическимъ, свободнымъ или потенціальнымъ (какъ всѣ сооруженія, требовавшія подъема значительныхъ массъ) и т. д. и т. д. Наконецъ, даже если вещество, вовлекаемое въ культурное круговращеніе, не снабжается новою потенціальною энергіей на счетъ работы активной жизни, то и въ этомъ случаѣ оно вноситъ съ собою то количество энергіи, которое до того было заключено въ его частицахъ и въ его массѣ, увеличивая такимъ образомъ культурный капиталъ и вещества и энергіи.

Фактъ дискоординированія вещества, прямо пропорціональнаго дискоординированію энергіи, также бросается въ глаза при самомъ бѣгломъ даже обзорѣ культурныхъ процессовъ. Вся работа вовлеченныхъ въ культуру низшихъ организмовъ (домашняго скота) является прежде всего такою же прямо-соотносительною тратою вещества и энергіи, какъ и работа человѣческихъ организмовъ, составившихъ общежитіе. Далѣе все потребленіе животной и растительной пищи какъ людьми, составляющими общежитіе, такъ и рабочимъ скотомъ, а равно прочими домашними животными, тоже является единовременнымъ и параллельнымъ, прямо-соотносительнымъ дискоординированіемъ вещества и движенія. Потребленіе топлива составляетъ слѣдующее затѣмъ обширное явленіе такой траты вещества, прямо-пропорціональной тратѣ энергіи, а равно потребленіе освѣтительныхъ матеріаловъ. Не то же ли самое мы и видимъ въ медленномъ потребленіи другихъ продуктовъ? Одежда носится, т. е. органическое вещество, составляющее ея ткань, разлагается и переходитъ въ неорганическія соединенія. То же съ деревянными постройками и сооруженіями, которыя гніютъ и истлѣваютъ. То же съ металлическими издѣліями, которыя ржавѣютъ. Даже каменныя сооруженія постепенно теряютъ вложенную въ нихъ работою силу сцѣпленія и нуждаются въ ремонтѣ, чтобы не развалиться, не потерять представляемую ими потенціальную энергію. Наконецъ, не надо забывать, что всякій отбросъ культуры уноситъ съ собою изъ ея круговращенія и вещество, и заключенную въ немъ энергію.

Такимъ образомъ, если активная жизнь отличается тѣмъ, что она постоянно тратитъ вещество и энергію, постоянно возобновляя ихъ и сохраняя прямую пропорціональность между тратою и возобновленіемъ, то и культурный процессъ отличается тѣмъ же постояннымъ круговращеніемъ, сохраняющимъ ту же прямую пропорціональность между тратою и накопленіемъ. Если далѣе активная жизнь отличается и тѣмъ, что координируетъ вещество въ прямой пропорціи съ координированіемъ энергіи, то и культура, разсматриваемая, какъ явленіе отдѣльное, тоже параллельно и единовременно накопляетъ вещество и энергію, тоже сохраняя между ними прямое, а не обратное отношеніе. Если наконецъ активная жизнь отличается еще и тѣмъ, что, дискоординируя энергію, дискоординируетъ и вещество въ прямой пропорціи съ энергіей, то и культура тоже проявляетъ такую же единовременную, параллельную и прямо-соотносительную трату вещества и энергіи, скомбинированныхъ въ культурѣ. Словомъ, культура, эта овеществленная и дифференцировавшая отъ жизни ея работа, подчиняется въ своемъ развитіи основнымъ законамъ, управляющимъ активною жизнью. Если мы вспомнимъ, что всякое общественное тѣло въ его цѣломъ состоитъ: 1) изъ активныхъ индивидовъ, вошедшихъ въ союзъ и которые накопляютъ и тратятъ энергію, сообразно законамъ активной жизни, и 2) изъ вещества и энергіи, скомбинированныхъ въ культуру и подчиненныхъ, какъ мы только что

показали, тѣмъ же основнымъ законамъ, то мы должны будемъ признать, что не только отдѣльные активные индивиды, но и активныя общежитія, разсматриваемыя, какъ цѣлое, представляютъ круговращеніе вещества и энергіи, основанное на законѣ прямой соотносительности, какъ онъ былъ установленъ нами выше въ шестомъ, седьмомъ и восьмомъ параграфахъ этой главы. Всякое нарушеніе этого закона представляется и въ общественной жизни явленіемъ патологическимъ и накликающимъ смерть, какъ и въ жизни индивидуальной.

XIII.

Уже изъ предъидущаго изложенія видно, что культура, какъ и активная жизнь, заключаетъ въ себѣ два ряда явленій, тѣсно и неразрывно связанныхъ между собою. Явленія высвобожденія вещества и энергіи составляютъ одну группу; явленія накопленія и координированія—другую. Первая соотвѣтствуетъ активнымъ процессамъ живого тѣла, вторая — растительнымъ. Группу, которую можно было бы назвать культурною активностью, если бы не нѣкоторое внутреннее противурѣчіе этихъ двухъ терминовъ, мы уже отмѣтили въ параграфѣ одиннадцатомъ, когда говорили о возникновеніи общественной активности; она заключается, какъ мы видѣли, въ вооруженіи жизни энергіей среды, комбинируемой въ одинъ процессъ и одну силу съ энергіей, высвобождаемой организмами. Эта группа культурныхъ явленій дополняетъ собою активность индивидовъ, вошедшихъ въ союзъ, умножаетъ силы активной жизни. Другая группа, или продукты въ тѣсномъ смыслѣ, предназначена для потребленія организмами, для удовлетворенія ихъ потребностей; она служитъ матеріаломъ, изъ котораго организмы почерпаютъ организуемыя ими вещество и энергію. Если рабочій скотъ, топливо, освѣтительные матеріалы, машины, орудія и т. д. составляютъ первую группу культурныхъ явленій, то вторую составятъ — запасы пищи и питья, потребительный скотъ, запасы пищи и питья для него, одежда и жилыя помѣщенія и проч. т. под., служащее для удовлетворенія потребностей индивидовъ, составляющихъ общежитіе.

Такимъ образомъ, составляя посредствующее звено между силами жизни и ея потребностями, между активными процессами индивидовъ, составляющихъ общество, и растительными процессами ихъ организмовъ, культура сама одною стороною болѣе приближается къ активности, а другою примыкаетъ къ пассивнымъ отправленіямъ жизни. Если процессы органическіе, происходящіе внутри индивидовъ, вошедшихъ въ общежитіе, связуютъ накопленіе вещества и энергіи съ ихъ тратою, заготовляя матеріалъ для этой траты, то съ другой стороны процессы культурные, происходящіе внѣ индивидуальныхъ организмовъ, хотя и въ предѣлахъ общественнаго тѣла, связуютъ въ обратномъ порядкѣ трату вещества и энергіи индивидами съ ихъ накопленіемъ, до-

ставляя матеріалъ для этого накопленія. Тѣ и другіе проходятъ стадію накопленія вещества и энергіи съ тѣмъ лишь, чтобы, разложившись въ тратѣ, послужить матеріаломъ и даже причиною такого же процесса въ обратномъ порядкѣ. Индивиды потребляютъ культуру и пользуются скомбинированными въ ней веществомъ и энергіей, какъ матеріаломъ для возобновленія тканей собственныхъ организмовъ. Съ другой стороны, можно сказать, что и культура потребляетъ органическія ткани, потому что только на счетъ разложенія этихъ тканей высвобождается энергія, творящая культуру, и преобразующаяся въ культурѣ въ новыя состоянія. И какъ органическіе процессы распадаются на активные и пассивные, творящіе матеріалъ для активныхъ, такъ точно и культурные процессы распредѣляются въ двѣ группы, изъ коихъ одна дополняетъ органическую активность, а другая служитъ матеріаломъ для пассивныхъ растительныхъ процессовъ живыхъ тѣлъ, входящихъ въ составъ культурнаго общежитія. Можно бы назвать одни дополнительно-активными, другіе—дополнительно-пассивными явленіями и, такъ какъ каждая группа дополняетъ собою соотвѣтствующую группу органическихъ явленій, а обѣ вмѣстѣ связуютъ ихъ въ замкнутую цѣпь круговращенія, то естественно, если въ своемъ развитіи и послѣдовательности они располагаются въ обратномъ порядкѣ. Прежде пассивные процессы, творящіе матеріалъ для активныхъ процессовъ; потомъ — активные, разлагающіе этотъ матеріалъ въ работѣ для удовлетворенія потребностей пассивныхъ процессовъ, — таковъ порядокъ органическихъ процессовъ. Работа является связующимъ звеномъ, замыкающимъ цѣпь круговращенія. Когда работа овеществляется въ культурѣ, то эта культура является новымъ звеномъ, примыкающимъ и къ активности (работѣ) и къ растительнымъ процессамъ (потребленію). Она служитъ передаточною инстанціей между активностью и потребностями. Поэтому, прежде активные процессы, творящіе продукты; потомъ продукты, потребляемые жизнью, — такова очередь культурныхъ процессовъ, очередь, обратная порядку процессовъ органическихъ и именно потому обратная, что эти культурные процессы являются внѣ организмовъ какъ бы продолженіемъ органическихъ процессовъ.

Если мы разложимъ органическіе процессы, пассивные и активные, на подгруппы, служебную и главную, то, анализируя отношенія этихъ подгруппъ, мы еще лучше уяснимъ себѣ значеніе и отношенія процессовъ культурныхъ. Если задача возобновленія вещества и энергіи въ организмѣ должна быть признана главною и основною для растительныхъ процессовъ, то кровеобращеніе вмѣстѣ съ дѣятельностью нѣкоторыхъ железъ и составитъ группу главныхъ пассивныхъ процессовъ, тогда какъ напр. пищевареніе или дыханіе представятся служебною дѣятельностью, лишь подготовляющей матеріалъ для главной ассимилятивной дѣятельности подобно тому, какъ и культура подготовляетъ этотъ матеріалъ для самаго пищеваренія и прочее. Съ другой стороны,

если цѣлесообразное высвобожденіе энергіи представляется кардинальною особенностью активныхъ процессовъ, то въ главную группу этихъ процессовъ помѣстятся нервно-мозговые токи и вибраціи, а въ служебной очутятся мышечныя сокращенія, какъ послѣдствія главныхъ процессовъ. Ассимилятивные процессы и нервно-мозговые — это главные; подготовительные (пищевареніе, дыханіе и проч.) и мышечные окажутся служебными. Если, разсматривая жизнь на стадіи индивидуальнаго быта, не знающаго культуры, мы обратимъ вниманіе на очередь главныхъ и служебныхъ процессовъ, то увидимъ, что среди главныхъ прежде слѣдуютъ пассивные (ассимилятивные, творящіе ткани), потомъ активные (разлагающіе эти ткани), а среди служебныхъ прежде активные (производящіе работу, доставляющіе добычу), потомъ пассивные (обработывающіе добычу для ассимилятивныхъ процессовъ). Когда эта цѣпь круговращенія разрывается культурою, отдѣляющею служебныя активныя явленія отъ служебныхъ пассивныхъ, то видимъ натурально, что она располагается по закону служебныхъ процессовъ, т. е. въ обратномъ порядкѣ. Въ сущности, культуру, какъ мы сказали выше, можно разсматривать, какъ продолженіе внѣ организмовъ процессовъ органическихъ, но именно служебныхъ. Ассимилятивные процессы должны по-неволѣ и неизбѣжно совершаться внутри организмовъ, но подготовительные, обработывающіе матеріалъ, совершаются частью въ организмѣ же, частью же и внѣ его, въ процессѣ культурномъ. Точно также цѣлесообразность въ высвобожденіи и направленіи энергіи коренится исключительно въ нервно-мозговыхъ явленіяхъ внутри организмовъ, но сама эта высвобождаемая и направляемая энергія почерпается частью въ тканяхъ организма, частью въ окружающей средѣ при посредствѣ процессовъ культурныхъ. Такимъ образомъ, если и возможно нѣкоторое обобщеніе культурныхъ процессовъ съ процессами органическими, то только со служебными, которыхъ внѣорганическое продолженіе и представляетъ матеріальная культура.

Значеніе этой матеріальной культуры для общественной жизни громадно и вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію вышеупомянутыхъ служебныхъ органическихъ процессовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если параличъ нервовъ, тѣмъ болѣе мозга представляется роковою болѣзнью, то не менѣе тягостною является и параличъ мускуловъ, равнымъ образомъ обезсиливающій организмъ и лишающій его активности. Точно такъ же не только разстройство кровообращенія, но и разстройство пищеваренія и дыханія ведетъ къ смерти, прекращаетъ ассимилятивныя отправленія организма. Совершенно то же значеніе имѣетъ и культура для жизни, развившейся въ сложное общественное тѣло. Лишите современное человѣчество топлива, искусственнаго освѣщенія, приспособленій для утилизаціи силъ пара, свѣта, электричества, вѣтра, живой воды, рабочаго скота и т. д., и несомнѣнно это человѣчество не въ состояніи будетъ просуществовать сколько нибудь продолжи-

тельное время, какъ индивидуальный организмъ не можетъ существовать съ парализованными мускулами. Уничтожьте запасы пищи, одежды, жилыя помѣщенія, и посмотрите, долго-ли просуществуетъ безъ нихъ (съ одними дикими произведеніями природы) современное культурное человѣчество, которому эти культурные процессы такъ же нужны, какъ отдѣльному организму процессы пищеваренія и дыханія. Сложное многочисленное общежитіе не можетъ существовать безъ высоко-развитой культуры и въ этомъ источникъ могущества культуры, такъ часто властвующей надъ жизнью и смертью индивидовъ, входящихъ въ составъ общежитія. «Желѣзный законъ экономической необходимости» — такъ чаще всего принято называть эту власть культуры надъ индивидами, которые такъ же не могутъ существовать безъ культуры, какъ и безъ служебныхъ органическихъ процессовъ. Внѣ культуры жизнь становится невозможна, а культура возможна лишь въ условіяхъ общежитія и потому культура представляетъ самый могучій цементъ, соединяющій отдѣльные индивиды въ неразрывное общественное тѣло. Она составляетъ тотъ элементъ, который интегрируетъ индивиды въ общество и требуетъ общественнаго координированія энергіи, проявляемой отдѣльными индивидами, входящими въ составъ общежитія, развившаго культуру.

Культура объединяетъ общественное тѣло въ пространствѣ, дѣлаетъ изъ него связный, интегрированный аггрегатъ въ данный моментъ и въ данныхъ предѣлахъ, но она объединяетъ общество и во времени, дѣлаетъ изъ него аггрегатъ, существованіе котораго длится внѣ зависимости отъ продолжительности жизни индивидовъ, его составляющихъ. Поколѣнія смѣняются, общество сохраняется. Культура, передаваемая отъ одного поколѣнія къ другому, является этимъ необходимымъ цементомъ и во времени, какъ и въ пространствѣ. Она наслѣдуется однимъ поколѣніемъ отъ другого и безъ этого наслѣдства никакое поколѣніе не могло бы существовать и развиваться. Интегрируя индивиды въ общественное тѣло, объединенное въ пространствѣ и во времени, культура даруетъ возможность общественнаго развитія и кладетъ первыя основы для историческаго прогресса. Внѣ культуры общежитія представляютъ союзы, довольно случайные, непостоянные, не длящіеся и потому неспособные къ сколько нибудь широкому развитію. Только культура открываетъ перспективы такого развитія, но въ разныя стороны открываются эти перспективы, далеко не одинаковыя, не сходныя, не равноцѣнныя.

Въ заключеніе этихъ замѣтокъ о культурѣ, которыя мы должны были сдѣлать для лучшаго уясненія вопроса объ активности въ обществѣ, нельзя обойти молчаніемъ того обстоятельства, что до сихъ поръ мы постоянно говорили о культурѣ матеріальной (или экономической), тогда какъ существуетъ обширная группа явленій, соединяемыхъ подъ названіемъ *культуры духовной*, состоящей изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ и въ высшей степени важныхъ группъ общественныхъ явленій, изъ культуры умственной (религіозной и

научной), моральной и политической. Я уже объяснилъ выше (въ введеніи къ этой статьѣ), почему я въ настоящее время цитирую преимущественно матеріальную культуру. Наступитъ очередь и мы займемся обстоятельнѣе культурою духовною. Теперь же надлежитъ лишь указать, что по своему происхожденію и мѣсту въ круговращеніи жизни она ничѣмъ существенно не отличается отъ культуры матеріальной. Эта послѣдняя, какъ мы видѣли, представляется овеществленіемъ момента работы; ничѣмъ другимъ не представляются и явленія духовной культуры. Знаніе, дисциплина, техническое искусство и т. д., все это такіе же продукты труда, какъ и товары или машины, только труда овеществленнаго въ тканяхъ организма, въ преобразованіяхъ физическихъ и психическихъ, внесенныхъ въ организмъ работою (собственною или другого организма) и длящихся внѣ зависимости отъ прекращенія произведшаго ихъ труда. Далѣе, культура матеріальная является дополненіемъ, такъ сказать внѣорганическимъ продолженіемъ органическихъ процессовъ; такимъ же дополненіемъ или продолженіемъ, но внутри организмовъ, является и духовная культура, вооружающая активность также, какъ вооружаетъ ее машина или орудіе. Наконецъ, съинтегрированная въ одно цѣлое съ организмами, носителями активности, она натурально вполнѣ подчиняется законамъ, руководящимъ ихъ развитіемъ, какъ подчиняется этимъ законамъ и культура матеріальная. Съ другой стороны, подобно матеріальной культурѣ, она служитъ объединеніемъ общества и въ пространствѣ (политическая организація, дисциплина, солидарность, догматика морали, общая религія и т. д.) и во времени (традиціи и привычки). Такимъ образомъ, если ограничиться изученіемъ культуры въ предѣлахъ, намѣченныхъ этимъ и двумя предъидущими параграфами, то существенныя особенности матеріальной культуры, нами отмѣченныя, всѣ приложимы и къ культурѣ духовной, за исключеніемъ того обстоятельства, что матеріальная культура съинтегрирована со всѣмъ общежитіемъ въ его цѣломъ, а культура духовная заключена въ тканяхъ индивидовъ, съинтегрирована съ отдѣльными организмами и черезъ нихъ уже со всѣмъ общежитіемъ. Личная собственность на предметы матеріальной культуры съ одной стороны, а съ другой матеріализація духовной культуры (храмы, школы, библіотеки, музеумы и пр.) ослабляютъ и это различіе. Вообще, культура духовная, являясь, подобно матеріальной культурѣ, могучимъ цементомъ, связующимъ индивиды въ общежитія, неразрывныя и постоянныя, служитъ, равнымъ образомъ, и причиною, вызывающей широкое общественное развитіе, и условіемъ, допускающимъ нарушеніе индивидуальнаго самосохраненія въ процессѣ, аналогичномъ развитію пассивныхъ общежитій. Этого вопроса о столкновеніи индивидуальнаго и общественнаго самосохраненія мы уже коснулись выше въ параграфахъ девятомъ и десятомъ. Подробнѣе мы его трактовали въ этюдѣ о «Международной экономической борьбѣ»

и еще вернемся къ болѣе спеціальному его анализу въ слѣдующей главѣ настоящаго этюда.

XIV.

Мы обозрѣли основные законы жизни, по скольку они связаны съ развитіемъ и значеніемъ общественной активности, и мы можемъ теперь перейти къ изученію явленія общественной активности, какъ фактора и орудія общественной борьбы. Предварительно, однако, для лучшаго уясненія изложенныхъ нами законовъ, напомнимъ ихъ въ краткомъ обзорѣ и сдѣлаемъ резюме идей, предложенныхъ въ настоящей статьѣ. Это облегчитъ намъ послѣдующее изложеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дастъ возможность лучше оцѣнить значеніе упомянутыхъ законовъ и идей, нѣкоторыя изъ коихъ здѣсь предлагаются впервые.

Активность, проявляемая жизнью, представляетъ очень могучую и въ высшей степени важную силу нашего земного міра, вносящую громадныя преобразованія въ состояніе этого міра. Что же это за сила такая? Откуда она берется? Какъ развивается? И какова роль и значеніе ея въ экономіи природы вообще, въ экономіи общественной жизни въ частности? Таковы вопросы, естественно возникающіе при самомъ приступѣ къ изученію активности и, само собою разумѣется, что послѣдній вопросъ о значеніи активности для общественнаго развитія тѣсно связанъ съ рѣшеніемъ всего ряда вышенамѣченныхъ вопросовъ. Ими мы и занимались на страницахъ этой первой части нашего труда.

Активность выражается въ реакціи жизни на среду, — это первый фактъ, установленный нами, но реакцію на среду оказываетъ и пассивная жизнь и неорганическая природа. Чѣмъ же отличается реакція жизни активной? Прежде всего бросается въ глаза, что она заключается въ такихъ измѣненіяхъ среды, которыя удовлетворяютъ потребностямъ жизни, приспособляютъ среду. Но порою того же *достигаетъ* и реакція жизни пассивной и неорганическихъ явленій и не всегда, конечно, того достигаетъ реакція активной жизни. Она *всегда*, однако, *направлена къ этому приспособленію*. Такимъ образомъ, *цѣлесообразность* реакціи на среду и составляетъ первое яркое отличительное свойство активности.

Этимъ, однако, не исчерпываются различія между реакціей пассивной и активной жизни на среду. Сравнивая между собою различные случаи того и другого процесса, мы легко усматриваемъ, что пассивная или растительная жизнь реагируетъ на окружающую среду чрезъ поглощеніе изъ нея свободной энергіи и обращеніе ея въ состояніе потенціальное въ тканяхъ организмовъ. Активная же жизнь реагируетъ на среду чрезъ высвобожденіе энергіи изъ тканей организмовъ, которая (энергія) и производитъ упомянутыя цѣлесообразныя измѣненія въ окружающей средѣ. *Цѣлесообразное высвобожденіе энергіи, скомбинированной въ тканяхъ организма и затрачиваемой на приспособленіе среды*

къ потребностямъ жизни, — таково первое опредѣленіе активности, удовлетворительно выдѣляющее ее въ особое явленіе природы. Имѣя въ виду, что высвобожденіе энергіи активными организмами всегда сопровождается затратою ея на цѣлесообразное приспособленіе среды, т. е. *работою*, а съ другой стороны, что цѣлью этой работы и этихъ приспособленій являются интересы и потребности самого работающаго организма, т. е. *самосохраненіе*, мы можемъ изложить вышеприведенное опредѣленіе и въ слѣдующихъ, болѣе сжатыхъ, но не менѣе удовлетворительныхъ терминахъ: *активность есть работа въ цѣляхъ самосохраненія*.

Активность заключается въ высвобожденіи энергіи изъ тканей организма и тѣмъ противуполагается растительнымъ процессамъ, заключающимся въ координированіи энергіи въ органическихъ тканяхъ. Но если бы активная жизнь проявляла только активность и занималась бы лишь высвобожденіемъ энергіи чрезъ трату тканей, то она недолго просуществовала бы. Чтобы высвобождать и тратить, нужно координировать и накоплять. Поэтому, активная жизнь, подобно пассивной и даже болѣе послѣдней, развиваетъ и процессъ накопленія и координированія. Пассивная жизнь тоже тратитъ вещество и высвобождаетъ энергію, но въ ней этотъ процессъ выражается или въ формѣ смерти или въ явленіяхъ, по философской сущности своей, параллельныхъ и однородныхъ со смертью, тогда какъ активная жизнь развиваетъ трату и высвобожденіе, какъ необходимое условіе и высшее проявленіе жизни. Координированіе вещества и энергіи — законъ пассивной жизни; параллельное и тѣсно связанное координированіе и дискоординированіе вещества и энергіи — законъ жизни активной. Работа, т. е. новая затрата дискоординируемой энергіи на пользу процесса координированія—является новымъ звеномъ въ этомъ круговращеніи вещества и энергіи и третьимъ основнымъ отличіемъ активной жизни, дарующимъ ей власть надъ средою. Въ этомъ и выражается то, что называется *активнымъ приспособленіемъ* въ противуположность приспособленію пассивному, рабу среды.

Придя къ выводу, что единовременное и параллельное накопленіе такъ же, какъ единовременная и параллельная трата вещества и энергіи составляютъ основной законъ жизни, мы сталкиваемся съ противорѣчіемъ между этимъ выводомъ и общимъ универсальнымъ закономъ космическаго развитія, по которому накопленіе вещества всегда должно сопровождаться тратою энергіи, и наоборотъ—накопленіе энергіи можетъ происходить лишь на счетъ разложенія вещества. Изучая это противорѣчіе, мы не могли не констатировать, что оно идетъ глубже и дальше, нежели кажется съ перваго взгляда. Законъ космическаго развитія, опирающійся на основные законы физики, механики и химіи, устанавливаетъ, что накопленіе вещества *обратно-пропорціонально* накопленію энергіи и наоборотъ, трата вещества обратно-пропорціональна тратѣ энергіи. Въ процессѣ жизни, однако, мы должны были констатировать, что накопленіе вещества *прямо-пропорціо-*

нально накопленію энергіи (процессы растительные, пассивные); трата вещества прямо-пропорціональна тратѣ энергіи (процессы животные, активные); а накопленіе того и другого прямо-пропорціонально тратѣ того и другого (активные организмы). Такое противорѣчіе требовало оправданія.

Это оправданіе мы могли найти лишь въ законахъ, управляющихъ преобразованіемъ энергіи изъ однихъ состояній въ другія. Физика знаетъ четыре состоянія энергіи, которая выражается: — или въ *движеніи массъ* (энергія механическая); или въ *движеніи молекулъ*, изъ коихъ слагаются всѣ тѣла (молекулярная теплота, жидкое состояніе, газообразное, вѣроятно — упругость); или въ *движеніи атомовъ*, изъ коихъ слагаются всѣ молекулы (энергія химическая); или въ *движеніи эѳира*, матеріи, не сложившейся ни въ тѣла, ни въ молекулы (элементарныя силы природы: электричество, свѣтъ, лучистая теплота, вѣроятно — нервно-мозговое движеніе). Движеніе послѣдняго рода (силы природы) склонно переходить и постоянно переходитъ во всѣ остальные роды энергіи, и въ механическую (вѣтры, дожди, теченіе водъ; само тяготѣніе объясняется нѣкоторыми физиками въ этомъ направленіи, не говоря объ эффектахъ электричества, магнетизма, нервно-мозговой силы), и въ молекулярную (лучистая теплота въ молекулярную, въ болѣе разрѣженное состояніе, жидкое или газообразное и пр.), и въ химическую (разложеніе подъ вліяніемъ свѣта, лучистой теплоты, электричества). Съ другой стороны, остальные роды движенія переходятъ взаимно другъ въ друга и въ состояніе элементарныхъ силъ природы (движеніе эфира) лишь при сильномъ возбужденіи, лишь на степени обильнаго накопленія энергіи, особенно должно сказать это о случаѣ перехода въ энергію химическую, которая механическимъ движеніемъ почти вовсе не возбуждается, а молекулярнымъ лишь при сильномъ его скопленіи въ тѣлѣ. Въ химическую энергію переходитъ преимущественно движеніе эѳира и лишь очень сильное молекулярное. Легче происходитъ обратный переходъ химической энергіи въ молекулярную и механическую, но обусловлена эта легкость наличностью еще необъясненныхъ удовлетворительно законовъ химическаго сродства (есть у Секки такая попытка объясненія, но мало удовлетворительная). Внѣ этихъ условій химическая энергія вовсе не возбуждаетъ молекулярной и механической, но при нѣкоторой интенсивности возбуждаетъ движеніе эѳира (свѣтъ, электричество, нервно-мозговую силу). Такимъ образомъ, при условіи среды, бѣдной молекулярнымъ движеніемъ, и при отсутствіи или ослабленіи химическаго сродства, можетъ создаться положеніе, въ которомъ химическое накопленіе энергіи или вещества совершенно разобщается съ молекулярнымъ накопленіемъ энергіи или вещества. Въ такомъ случаѣ тѣло можетъ дисинтегрироваться химически (накоплять энергію внутри молекулъ, ослабляя, разлагая связь атомовъ, ихъ составляющихъ) и интегрироваться вмѣстѣ съ тѣмъ физически (накоплять вещество въ формѣ молекулъ,

уменьшая молекулярное движеніе, тратя молекулярную энергію). Это и есть случай органическаго процесса, причемъ накопленіе вещества (которое координируется физически) можетъ сопровождаться единовременнымъ и параллельнымъ накопленіемъ энергіи (которая координируется химически).

Этимъ объяснена возможность единовременнаго и параллельнаго накопленія вещества и энергіи, но не объяснена еще необходимость въ этомъ случаѣ прямой пропорціональности въ накопленіи того и другого. Эта особенность жизненнаго процесса можетъ быть объяснена тѣмъ обстоятельствомъ, что химическая энергія, хотя и трудно возбуждается молекулярнымъ движеніемъ, но, однажды возбужденная, не брезгаетъ запасами этого движенія, встрѣчаемаго на пути. Солнечная энергія (въ формѣ движенія эѳира) возбуждаетъ въ тѣлѣ химическую энергію, которая въ своемъ развитіи поглощаетъ и часть молекулярной энергіи, заключенной въ тѣлѣ. Такимъ образомъ, физическая интеграція является послѣдствіемъ химической дисинтеграціи, ея оборотною стороною. Естественно въ такомъ случаѣ, что она прямо-пропорціональна химической дисинтеграціи. Будучи послѣдствіемъ этой послѣдней, она является и условіемъ ея непрерывности и постоянства, такъ какъ лишь твердыя (интегрированныя физически) части органическихъ тканей обезпечиваютъ обращающимся въ нихъ жидкостямъ и газамъ всестороннее общеніе съ солнечною энергіей, общеніе, необходимое для всего процесса.

Физическая интеграція химически дисинтегрирующагося вещества — такова абстрактная, философская формула растительнаго или пассивнаго процесса жизни. Такая сущность растительнаго процесса предрѣшаетъ обратную сущность активнаго. Если, слагаясь, органическія ткани физически координируютъ вещество и химически координируютъ энергію, то, разлагаясь, они должны физически тратить вещество, а химически тратить или высвобождать энергію. Высвобожденіе энергіи, составляющее силу и власть активной жизни, происходитъ такимъ образомъ на счетъ траты тканей, что мы и видимъ въ дѣйствительности. Съ этой точки зрѣнія, активность есть физическая дисинтеграція химически интегрирующагося вещества.

Однако, смерть есть тоже физическая дисинтеграція химически интегрирующагося вещества. Разница въ томъ, въ какое состояніе преобразуется энергія, высвобождаемая при химической интеграціи. Въ случаѣ смерти (какъ и во всѣхъ случаяхъ выдѣленія вещества и энергіи пассивными организмами) эта энергія, высвобождаемая въ процессѣ химической интеграціи (переходъ къ устойчивымъ соединеніямъ), преобразуется въ энергію молекулярную (молекулярную теплоту, или болѣе разрѣженное физическое состояніе), тогда какъ въ случаѣ активности она преобразуется прежде всего въ нервно-мозговую силу, аналогичную элементарнымъ силамъ природы. Выдѣленіе молекулярной энергіи (температура тѣла и пр.) является лишь побочнымъ продуктомъ

выдѣленія нервно-мозговыхъ токовъ, а механическое движеніе (мышечныя сокращенія) — вторичнымъ явленіемъ, въ которое частью преобразуется нервно-мозговая сила. *Физическая дисинтеграція химически интегрирующагося вещества съ высвобожденіемъ энергіи въ видѣ молекулярнаго движенія — есть формула смерти; физическая дисинтеграція химически интегрирующагося вещества съ высвобожденіемъ энергіи въ формѣ, уподобленной движенію эѳира* (силы природы), — *есть формула активности.*

Такимъ путемъ формула жизни и формула активности, проявляемой жизнью, согласуются съ основными законами космическаго развитія и законъ прямой соотносительности въ накопленіи и тратѣ вещества и энергіи оказывается лишь частнымъ проявленіемъ универсальнаго закона обратной соотносительности, установленнаго для космическаго развитія. Тотъ же самый анализъ, который привелъ насъ къ этому важному результату и дозволяетъ впредь съ увѣренностью опираться на законъ прямой соотносительности, вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилъ рядъ соотношеній, имѣющихъ громадное значеніе для законовъ активности, установленныхъ нами въ началѣ разсужденія нашего. Законъ прямой соотносительности устанавливаетъ, какъ мы видѣли, не только фактъ траты и накопленія вещества, прямо пропорціональныхъ тратѣ и накопленію энергіи, но и фактъ прямо-пропорціональнаго развитія между всѣми тремя звеньями, изъ коихъ слагается замкнутая цѣпь круговращенія вещества и энергіи въ активномъ организмѣ. Трата прямо пропорціональна накопленію и затратѣ (работѣ); работа прямо пропорціональна и тратѣ (силамъ организма) и накопленію (потребностямъ); наконецъ, накопленіе прямо пропорціонально и работѣ и тратѣ. Вторая изъ трехъ вышецитированныхъ пропорцій (и соотвѣтствующія пары, повторяющіяся въ двухъ другихъ) съ одной стороны, является осуществленіемъ активности, а съ другой, порождается энергіей, высвобождаемой организмомъ, главнымъ образомъ, въ формѣ нервно-мозгового движенія, иначе называемаго *сознаніемъ*. Такимъ образомъ, причина работы лежитъ въ сознаніи; тамъ же и причина, вслѣдствіе которой эта работа согласуется и съ силами и съ потребностями организма, а это согласованіе мы и называемъ цѣлесообразностью, работою въ цѣляхъ самосохраненія, активнымъ приспособленіемъ. Прямая соотносительность между накопленіемъ и тратою, причина которой лежитъ не въ сознаніи, не называется нами цѣлесообразною, хотя необходимость такой соотносительности и не полная ея обязательность совершенно уподобляютъ ее прямой соотносительности между работою и силами и потребностями организма. Если организмъ излишне тучнѣетъ или развиваетъ злокачественные наросты, или наоборотъ тощаетъ (при удовлетворительномъ питаніи) и т. д., то никто этихъ отклоненій въ накопленіи отъ нормальнаго и здороваго закона прямой соотносительности со среднимъ расходомъ вещества и энергіи не назоветъ не цѣлесообразными, а лишь болѣзненными, патологическими, порою даже смертельными. Но если организмъ тратитъ энергію

не на работу (на средній необходимый размѣръ которой энергіи уже не хватаетъ поэтому), то такую трату называютъ не цѣлесообразною. Равнымъ образомъ, если работа ведется такимъ способомъ, что производимая въ среднемъ необходимомъ размѣрѣ все-таки оказывается не способною удовлетворить накопленію (потребностямъ), то и эту работу называютъ нецѣлесообразною, неискусною, неумѣлою. И эта трата и эта работа проходятъ чрезъ сознаніе, въ немъ имѣя свою причину. Въ сущности указанныя отклоненія отъ закона прямой соотносительности въ тратѣ и въ работѣ являются такими же патологическими, порою смертельными нарушеніями здороваго процесса активной жизни, какъ и тучность, отощаніе и прочія отклоненія отъ того же закона въ накопленіи, но, какъ порожденныя сознаніемъ (высвобождаемою организмомъ энергіей), они носятъ названіе нецѣлесообразныхъ. Съ этой точки зрѣнія, цѣлесообразность есть законъ здоровья активной жизни, законъ работы, прямо пропорціональной и силамъ и потребностямъ жизни.

Въ слѣдующихъ затѣмъ параграфахъ мы остановились на вопросѣ о первомъ отвѣтвленіи общественной активной жизни. Мы установили, прежде всего, фактъ, что самосохраненіе индивидуальное естественно должно было привести къ образованію союзовъ, а далѣе къ ихъ превращенію въ постоянныя общежитія. Эта необходимость и эти преимущества постоянныхъ общежитій выдвинули новую задачу активной жизни, поставили ея цѣлью, рядомъ съ самосохраненіемъ индивидуальнымъ, самосохраненіе общественное. Двѣ эти задачи, взаимно обусловленныя, способны, однако, впадать въ конфликтъ. Съ одной стороны, задачи индивидуальнаго самосохраненія, какъ болѣе тѣсныя, легко нарушаютъ задачи самосохраненія общественнаго, а съ другой стороны, и это послѣднее склонно порою преслѣдовать свои задачи въ ущербъ самосохраненія индивидуальнаго. Въ сущности, и то и другое нецѣлесообразно даже съ исключительной точки зрѣнія индивидуальнаго или общественнаго самосохраненія, а что нецѣлесообразно, то представляется, какъ мы знаемъ, явленіемъ патологическимъ, порою же и смертельнымъ.

Общественное самосохраненіе является новою задачею активной жизни, но откуда эта жизнь почерпаетъ новыя силы для ея удовлетворенія? Усиленная успѣшность труда отъ сотрудничества и отъ безопасности составляетъ первый источникъ, далеко превышающій здоровый ростъ потребностей. Другимъ источникомъ для умноженія силъ жизни въ обществѣ является покореніе силъ природы; вѣтеръ, вода, солнце, паръ, электричество работаютъ на человѣка, когда онъ живетъ въ обществѣ. Этотъ приростъ активности, обязанный сложенію индивидовъ въ общежитія, можно назвать *общественною активностью*. Подобно тому, какъ общественное самосохраненіе, при патологическомъ (нецѣлесообразномъ) общественномъ развитіи, становится иногда въ противорѣчіе съ самосохраненіемъ индивидуальнымъ (и наоборотъ), и активность обществен-

ная порою частью дифференцируется отъ активности индивидуальной, распредѣляясь не согласно съ распредѣленіемъ послѣдней и подавляя ея развитіе, но черпая свою силу и самое свое существованіе изъ активности индивидуальной, она никогда не можетъ замѣнить ее и, подавляя ее, косвенно подавляетъ и себя, составляя въ такомъ случаѣ болѣзненный, нецѣлесообразный процессъ общественнаго развитія.

Это покореніе силъ природы является уже составною частью того, что называется культурою, которая въ сущности есть овеществленіе момента работы, дифференцировавшейся отъ активности. Матеріальная культура представляется такою овеществленною работою внѣ организма; духовная — въ тканяхъ организма. Вмѣстѣ съ тѣмъ, культура въ ея цѣломъ представляется какъ-бы продолженіемъ служебныхъ процессовъ органическихъ. Въ машинахъ, орудіяхъ и пр. т. под. она соотвѣтствуетъ значенію мышечной работы, руководимая, какъ и эта послѣдняя, нервно-мозговою силою. Въ продуктахъ потребленія, она, подобно пищеваренію или дыханію, подвергаетъ предварительной обработкѣ вещество, затѣмъ преобразуемое въ ткани ассимилятивными отправленіями организма. Естественно, если такъ тѣсно примыкая и къ активнымъ и къ пассивнымъ процессамъ жизни, культура въ общемъ подчиняется тѣмъ-же основнымъ законамъ. Она накопляетъ и энергію и вещество; она тратитъ и энергію и вещество; она накопляетъ прямо пропорціонально тратѣ.

Благодаря этому, культура интегрируется съ жизнью въ одно сложное тѣло, въ культурное общежитіе и даруетъ ему возможность самостоятельнаго развитія. Эта возможность, смотря по направленію, которое принимаетъ развитіе, осуществляется и въ видѣ широкаго, благотворнаго прогресса, и въ формѣ извращеній, основанныхъ на вышеотмѣченныхъ противорѣчіяхъ — общественнаго и индивидуальнаго самосохраненія, общественной и индивидуальной активности, активности и культуры вообще.

С. Южаковъ.

НРАВСТВЕННОЕ НАЧАЛО ВЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ БОРЬБѢ.

СОЦІОЛОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Активность, какъ орудіе борьбы.

1. Пассивныя и активныя орудія борьбы за существованіе. Активныя орудія борьбы на стадіи индивидуальнаго быта. — 2. Развитіе индивидуальности активною жизнью. Борьба за индивидуальность. Активность, какъ причина индивидуальности, цѣлесообразности и приспособленія среды. — 3. Воззрѣнія Н. К. Михайловскаго на борьбу за индивидуальность. — 4. Индивидуальность и культура. Личность. — 5. Дѣятельность личностей. Три рода дѣятельности: некоординированной, принудительно-координированной, самодѣятельно-координированной. Нравственное начало. — 6. Выдѣленіе энергіи индивидами и обществами. Общественная трата и общественное накопленіе энергіи. Категоріи и методы выдѣленія. — 7. Принудительное координированіе. Принуждаемые и принуждающіе. Естественная тенденція развитія. — 8. Общественная интеграція, формы ея проявленія и законы. — 9. Общественная дисинтеграція. — 10. Порочный кругъ интеграціи и дисинтеграціи въ обществѣ. — 11. Нормальные процессы и мораль, какъ ихъ регуляторъ. Сводъ и заключеніе.

I.

Борьба за существованіе въ условіяхъ *органическаго прогресса* является закономъ жизни; она является, конечно, въ тѣхъ же предѣлахъ закономъ и жизни активной. Активность, эта присущая жизни сила, не можетъ не оказаться могучимъ орудіемъ борьбы и побѣды. Она имъ и становится съ первыхъ ступеней своего развитія. Она постепенно замѣняетъ и вытѣсняетъ иныя орудія борьбы, которыми жизнь пользовалась до появленія активности и которыя и нынѣ составляютъ главный арсеналъ жизни пассивной (растительной). Методы и орудія борьбы за существованіе въ жизни пассивной и въ жизни активной существенно различны. Для уясненія значенія активности въ борьбѣ общественной небезполезно вкратцѣ остановиться на этихъ поучительныхъ парал-

леляхъ и особенностяхъ, отличающихъ до-общественныя стадіи развитія жизни.

Начнемъ съ жизни пассивной. Для примѣра возьмемъ самый простой случай, борьбу между луговыми травами. Извѣстно, что эти травы съ нѣкоторою правильностью смѣняютъ другъ друга послѣ того, какъ пахатное или вообще мягкое поле запускается подъ лугъ. Въ южной черноземной Россіи эта смѣна травъ, выражающая собою успѣхи въ борьбѣ и побѣдѣ, имѣетъ приблизительно слѣдующій характеръ: только что запущенное мягкое поле (если только не обсѣменяется человѣкомъ) покрывается травами, въ общежитіи носящими названіе бурьянистыхъ. Это—растенія однолѣтнія, быстро растущія, приносящія массу сѣмянъ, легко разносимыхъ вѣтромъ, наконецъ, мало прихотливыя относительно качества почвы... Эти качества даютъ этимъ травамъ перевѣсъ въ борьбѣ за мѣсто надъ злаками и другими, болѣе благородными растеніями. Злаки—медленнѣе растутъ, требуютъ больше времени для укорененія, болѣе разборчивы относительно почвы, приносятъ относительно тяжелыя зерна, труднѣе разносимыя вѣтромъ. Первые годы злаки подавлены. Орудіемъ побѣды надъ ними послужили: быстрота роста, быстрота размноженія, легкость обсѣмененія, способность довольствоваться почвою, относительно скудною и истощенною, вообще, стало быть, способность болѣе быстраго и болѣе полнаго поглощенія и ассимиляціи изъ среды вещества и энергіи. Затѣмъ, однако, злаки берутъ реваншъ. Постепенно они заполоняютъ пространство, вытѣсняя растительность первыхъ годовъ. Достигаютъ они этого результата благодаря слѣдующему ряду причинъ. Многолѣтніе корни проникаютъ и укрѣпляютъ почву, стѣсняя укорененіе однолѣтнихъ растеній. Возстановляющееся плодородіе почвы уничтожаетъ преимущества, даруемыя способностью довольствоваться болѣе скудною. Это же плодородіе даетъ возможность болѣе могучаго развитія, къ которому неспособны довольствующіяся скудною почвою травы. Такимъ образомъ, быстротѣ роста противуставляется его продолжительность; быстротѣ размноженія быстро умирающихъ однолѣтнихъ организмовъ—продолжительность жизни организмовъ многолѣтнихъ; способности довольствоваться малымъ — способность потреблять много, словомъ, опять таки, способность болѣе постояннаго и болѣе прочнаго поглощенія и ассимиляціи изъ среды вещества и энергіи. Въ одномъ случаѣ, болѣе быстрое поглощеніе вещества и энергіи; въ другомъ—болѣе постоянное и прочное. Въ одномъ случаѣ болѣе исчерпывающее потребленіе; въ другомъ,—болѣе широкое и т. д., но во всѣхъ случаяхъ орудіемъ побѣды является то или иное преимущество въ способности поглощать и ассимилировать вещество и энергію, предлагаемыя окружающею средою. Таковы методы борьбы и побѣды между разными типами растеній, конкуррирующихъ за мѣсто на лугахъ.

Если бы мы хотѣли продолжить этотъ анализъ, то остановились бы на смѣнѣ самихъ злаковъ, гдѣ мятлицу вытѣсняетъ

овсюшка, эту послѣднюю — пырей, котораго замѣняетъ ковыль, остающійся господиномъ степи до новой распашки. Всѣ эти смѣны отличаются тѣмъ же характеромъ: постоянное сокращеніе въ быстротѣ роста, быстротѣ размноженія, легковѣсности сѣмени; все возростающая сила укорененія, покоряющая почву; все увеличивающаяся продолжительность роста и жизни; все большая требовательность относительно почвы при соотносительной способности болѣе широкаго потребленія, болѣе мощнаго развитія. То же явленіе мы замѣтили бы и въ смѣнѣ древесныхъ породъ: клены и вязы отличаются болѣе быстрымъ ростомъ, массою приносимыхъ сѣмянъ (быстрота размноженія), легкою переносимостью этихъ крылатыхъ сѣмянъ вѣтромъ; съ другой стороны, дубы, отличающіеся медленностью роста, тяжестью желудей, имѣютъ громадное преимущество въ гораздо большей продолжительности жизни и роста, въ могучемъ укорененіи, стѣсняющемъ другія деревья, въ громадности роста. И какъ среди луговыхъ травъ на новыхъ мѣстахъ піонерами являются быстро-растущія, быстроразмножающіяся, легко распространяющіяся, довольствующіяся скудною пищею, такъ и въ лѣсахъ піонерами ближе къ опушкамъ идутъ вязы и клены, затѣмъ ясени и грабы, наконецъ дубы, выполняющіе сплошь глубокія лѣсныя нѣдра. При однихъ условіяхъ, одни качества даруютъ побѣду, при другихъ — другія, но тѣ и другія равно заключаются въ разныхъ модификаціяхъ способности поглощать вещество и энергію. Пассивная реакція на среду, какъ мы видѣли въ I главѣ этого этюда, заключается въ поглощеніи вещества и энергіи; естественно, если и пассивная борьба пользуется, какъ орудіями, различіями въ способности поглощать, ассимилировать и сохранять вещество и энергію.

Активная реакція на среду выражается, какъ мы знаемъ, въ формѣ не поглощенія, а высвобожденія, выдѣленія энергіи и вещества организмомъ. Не ясно-ли, что активная жизнь и въ борьбѣ должна пользоваться различіями въ способности выдѣлять энергію? Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ выражается борьба, которую можетъ вести, напримѣръ, человѣкъ? Сила мускуловъ, быстрота бѣга, способности ума, количество произведенной работы, — все это методы и способы человѣческой борьбы и все это разныя модификаціи въ способности высвобождать энергію. Основное отличіе, раздѣляющее органическій міръ на два царства, растительное и животное, пассивное и активное, сказывается и въ формахъ борьбы. *Различныя видоизмѣненія въ способности поглощать, ассимилировать и сохранять въ организмахъ вещество и энергію, доставляемую средою*, — представляютъ довольно разнообразный арсеналъ орудій пассивной борьбы, являются методомъ пассивной жизни; съ другой стороны, *различныя видоизмѣненія въ способности высвобождать энергію и затрачивать ее на ту или иную работу* (битву, бѣгство, изобрѣтательность, трудъ),—таковы орудія активной борьбы, методы активной жизни.

Не надо забывать, что подобно тому, какъ необходимою обо-

ротною стороною активныхъ процессовъ жизни являются такъ называемые растительные, пассивные процессы организмовъ, такъ точно и активная борьба представляется не единственнымъ методомъ активной жизни, которая пользуется и своими растительными процессами и ихъ превращаетъ въ орудія борьбы, сближаясь въ этомъ отношеніи съ жизнью пассивной. На низшихъ ступеняхъ жизни активной пассивныя орудія играютъ еще даже первенствующую роль. Низшія животныя отличаются поразительною плодовитостью и не менѣе поразительною скоростью роста. Въ процессѣ выживанія этихъ низшихъ активныхъ организмовъ активность играетъ второстепенную роль; ихъ взаимныя битвы и побѣды, ихъ быстрота бѣга или сообразительность сравнительно немного значатъ передъ истребленіемъ ихъ болѣе сильными организмами, избравшими ихъ своею пищею, но эти организмы въ свою очередь безсильны побороть ихъ плодовитость, предлагающую новые милліарды на мѣсто истребленныхъ. По мѣрѣ накопленія жизнью активности сокращается эта быстрота размноженія и роста; истрачиваясь на активность, жизнь не можетъ тратиться на плодовитость. И чѣмъ выше организмъ активный, тѣмъ онъ медленнѣе растетъ, тѣмъ слабѣе его плодовитость. Человѣкъ ростетъ 20 лѣтъ; плодовитость его не можетъ превзойти одного дѣтеныша на двѣнадцать живыхъ особей въ годъ. Что значатъ эти цифры передъ силою роста и размноженія не только низшихъ животныхъ, но хотя бы даже млекопитающихъ и птицъ? [1]) И чѣмъ активнѣе становится человѣкъ, тѣмъ больше сокращается его плодовитость, тѣмъ дальше отодвигается его физическая зрѣлость, тѣмъ менѣе, стало быть, роли играютъ орудія пассивной борьбы за существованіе, вытѣсняемыя все полнѣе орудіями активными. Тѣ или иныя преимущества и видоизмѣненія самой активности и являются такими орудіями, пріобрѣтающими въ прогрессѣ жизни все большее значеніе и силу. Активность, ея относительное совершенство, могущество, многосторонность,—вотъ что постепенно выдвигается впередъ въ борьбѣ за существованіе съ тѣмъ, чтобы въ высшихъ типахъ активной жизни совершенно заслонить, если не вытѣснить, прежде господствовавшія пассивныя орудія борьбы и побѣды. Пассивныя орудія уступаютъ мѣсто активнымъ, чтобы эти послѣднія въ свою очередь потѣснились для культурныхъ, но объ этомъ рѣчь еще впереди, а теперь попристальнѣе всмотримся въ активныя орудія. Что они несутъ съ собою для жизни? Куда направляютъ ея

[1]) Замѣчу, что плодовитость 1 на 12, или около 8% нигдѣ не была наблюдаема и является maximum'омъ при предположеніи, что каждая женщина чадороднаго возраста будетъ родить каждые два года. Въ настоящее время женщинъ чадороднаго возраста отъ 40—45% всѣхъ женщинъ, что составило бы, при такихъ родахъ, одно рожденіе на пять женщинъ, или на десять душъ обоего пола. Но при быстротѣ размноженія количество дѣтей сильно возрастаетъ и чадородныхъ женщинъ не можетъ быть больше $^1/_3$.

развитіе, что новаго создаютъ, что старое упраздняютъ или затѣняютъ?

II.

Мы уже достаточно знакомы съ сущностью явленія активности (*Съв. Вѣст.* 1888 г., № 9), чтобы сразу замѣтить самыя важныя стороны активной борьбы. Активность заключается въ способности высвобождать энергію и вещество (физическая дисинтеграція химически интегрирующагося вещества) и смерть заключается въ томъ же. Отличіе въ томъ, какъ мы видѣли, что смерть состоитъ въ выдѣленіи молекулярнаго движенія, тогда какъ активность высвобождаетъ энергію въ видѣ нервно-мозговыхъ токовъ, порождающихъ въ свою очередь механическое движеніе, направляемое въ цѣляхъ самосохраненія этими нервномозговыми токами. Это координированіе выдѣляемаго движенія въ интересахъ организма, эта затрата его на работу, словомъ цѣлесообразность съ одной стороны, приспособленіе среды съ другой стороны, зависятъ въ послѣднемъ счетѣ отъ нервномозговой силы, высвобождаемой организмомъ. Эта сила есть центръ, отъ котораго исходятъ всѣ импульсы активной жизни, къ которому абутируютъ всѣ ея возбужденія. Такого центра не имѣетъ жизнь пассивная и легко безъ него обходится; безъ такого центра не можетъ обходиться жизнь активная, потому что лишь благодаря его существованію и дѣятельности высвобожденіе энергіи тканями организма выражается въ формѣ работы (активности), а не въ видѣ смерти. Поэтому-то пассивные организмы вообще дѣлимы, тогда какъ высшіе активные организмы совершенно недѣлимы. Поэтому, только высшіе активные организмы представляютъ вполнѣ развитое явленіе *индивидуальности*. Они дѣйствительные и несомнѣнные *индивиды*, недѣлимые, потому что не способны ни распасться на два или больше самостоятельныхъ живыхъ тѣла, ни слиться изъ двухъ или нѣсколькихъ въ одно. Индивидуальность составляетъ условіе ихъ существованія; ея сохраненіе — первую и настоятельнѣйшую задачу борьбы за существованіе, потому что внѣ индивидуальности у нихъ нѣтъ и не можетъ быть и существованія.

Съ этой точки зрѣнія, активность въ своемъ постепенномъ развитіи и самоопредѣленіи достигаетъ полноты того и другого, когда даруетъ живымъ организмамъ полную индивидуальность и совершеннѣйшую цѣлесообразность. Образованіе центра, къ которому направляются и изъ котораго исходятъ всѣ жизненные процессы организма и безъ котораго не можетъ продолжаться жизнь,—*это полная индивидуальность*. Координированіе организмомъ не только той энергіи, которая проявляется внутри организма, но и той, которая имъ выдѣляется въ окружающую среду,—*это цѣлесообразность*. Измѣненія, естественно претерпѣваемыя средою въ силу этого координированнаго выдѣленія энергіи,—*это приспособленіе*

среды къ потребностямъ жизни. Такимъ образомъ, если при своемъ возникновеніи въ процессѣ жизни активность есть не болѣе, какъ реакція жизни на среду, заключающаяся не въ поглощеніи, а въ выдѣленіи жизнью энергіи, то постепенно это содержаніе явленія активности получаетъ такое могучее развитіе, что является основною причиною возникновенія и индивидуальностей, какъ центровъ самостоятельныхъ силъ природы, и преобразованій самой природы подъ вліяніемъ этихъ силъ. Индивидуальность, цѣлесообразность, приспособленіе среды — сводятся въ послѣднемъ счетѣ къ активности, которая въ этихъ явленіяхъ находитъ свое выраженіе, въ нихъ обрѣтая полноту и совершенство своего развитія, съ ними падая и деградируясь. Приспособленіе среды—результатъ активности; оно, естественно, отражаетъ въ точности ея расцвѣтъ и упадокъ. Цѣлесообразность стремится координировать въ одно стройное движеніе энергію, выдѣляемую организмомъ, и энергію, имъ комбинируемую въ собственныхъ тканяхъ (силы организма съ его потребностями); она представляетъ собою просто необходимую форму проявленія активности и совершенство этой формы, естественно, находится въ непосредственной и прямой связи со степенью развитія самой активности. Наконецъ, индивидуальность есть необходимое послѣдствіе развитой активности; она является вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимымъ условіемъ ея проявленія въ ея высшихъ типахъ; ясно, она тоже тѣсно связана съ состояніемъ активности, въ точности отражая на себѣ ея судьбы, успѣхи и неудачи.

Не трудно отсюда заключить, что цѣлесообразность и индивидуальность представляются двумя сторонами одного и того же явленія,—развитой активности. Цѣлесообразность, какъ свойство выдѣлять энергію, строго координированную съ комбинированіемъ энергіи организмомъ, и индивидуальность, какъ необходимость поглощаемой и выдѣляемой энергіи тяготѣть къ одному направляющему центру, — это просто выпуклость и вогнутость одного и того же оттиска. Цѣлесообразность — это отправленіе; индивидуальность — строеніе. Такимъ образомъ, развитіе индивидуальности есть развитіе и цѣлесообразности и быть иначе не можетъ. Если въ организмѣ есть нѣсколько центровъ, направляющихъ выдѣленіе энергіи, то, естественно, это выдѣленіе не можетъ быть такъ согласовано, какъ при одномъ центрѣ. Но если въ организмѣ есть нѣсколько такихъ центровъ, то строго говоря, онъ дѣлимъ, хотя иногда для этого требуется наличность спеціальныхъ условій. Никакая наличность никакихъ спеціальныхъ и необычныхъ условій не можетъ сдѣлать дѣлимымъ не только человѣка, но даже вообще позвоночныхъ и высшихъ суставчатыхъ. Но если, такимъ образомъ, мы должны признать, что цѣлесообразность, это основное свойство активности, дарующее ей самостоятельное значеніе въ экономіи нашего земного міра, является въ сущности лишь лицевою стороною (отправленіемъ) медали, оборотною стороною (строеніемъ) которой служитъ индивидуальность, то мы должны

будемъ понять, какимъ могучимъ орудіемъ активной борьбы представляется индивидуальность, ея совершенство и полнота. Дѣлимость, наоборотъ, является орудіемъ борьбы пассивной (отвѣчая за плодовитость).

Такимъ образомъ, если активная жизнь въ своихъ высшихъ типахъ постепенно замѣняетъ борьбу за существованіе *борьбою за индивидуальность*, потому что внѣ индивидуальности нѣтъ и существованія для этихъ типовъ активной жизни, то съ другой стороны на этой стадіи развитія борьба ведется также и *при помощи индивидуальности*, совершенствованіе которой является серьезнымъ преимуществомъ. Отъ этого совершенства зависитъ степень цѣлесообразности въ выдѣленіи энергіи. Индивидуальность, стало быть, столько же продуктъ развитой активности, сколько и необходимое условіе ея проявленія. Она столько же цѣль борьбы, сколько и ея орудіе.

Степень индивидуальности есть степень цѣлесообразности, но есть ли она и степень активности вообще? Активность заключается въ цѣлесообразномъ выдѣленіи энергіи и ея сила зависитъ, стало быть, отъ *количества* выдѣляемой энергіи и отъ *степени* ея координированія въ интересахъ организма. Послѣднее и есть цѣлесообразность. Съ этой стороны, развитіе индивидуальности покрываетъ собою развитіе активности,—это мы уже знаемъ. Остается разсмотрѣть вопросъ о соотношеніяхъ, окружающихъ фактъ большей или меньшей силы выдѣленія. А ргіогі можно сказать, что чѣмъ больше выдѣляетъ организмъ энергіи, тѣмъ болѣе нуждается онъ въ возстановленіи; приходъ долженъ покрывать расходъ. Но чѣмъ больше расходъ, тѣмъ затруднительнѣе приходъ, тѣмъ слѣдовательно цѣлесообразнѣе должно быть выдѣленіе. Отсюда можно заключить, что сила выдѣленія энергіи организмомъ находится въ прямомъ отношеніи съ цѣлесообразностью, параллельно возростая и понижаясь. Съ другой стороны, къ тому же выводу приводятъ насъ и соображенія, основанныя на законахъ прогресса (органическаго). Ростъ силы выдѣленія можетъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ двухъ рядовъ причинъ: отъ естественнаго подбора и отъ упражненія. Изъ нихъ естественный подборъ развиваетъ лишь *полезныя* измѣненія, а нецѣлесообразное выдѣленіе и безполезно. Что касается упражненія, то оно вызывается *ростомъ потребностей* и, слѣдственно, всецѣло вращается въ сферѣ цѣлесообразнаго выдѣленія (согласованіе выдѣленія съ потребностями). Такимъ образомъ, двѣ главныя причины, которымъ въ органическомъ прогрессѣ можетъ быть обязана своимъ ростомъ сила выдѣленія энергіи, связываютъ этотъ ростъ съ ростомъ и цѣлесообразности. Съ этимъ ростомъ его связываетъ и приходо-расходный балансъ организма. Оно и естественно. Развитіе активности выражается въ ростѣ выдѣленія энергіи и въ ростѣ цѣлесообразности. Оба явленія должны быть связаны въ прямомъ отношеніи. Безъ достаточнаго выдѣленія не можетъ быть и достаточной цѣлесообразности (на которую затрачивается значитель-

ное количество выдѣляемой энергіи). Безъ достаточной цѣлесообразности не можетъ быть и достаточнаго выдѣленія (приходъ не сойдется съ расходомъ).

Такимъ образомъ, развитіе индивидуальности, развитіе цѣлесообразности и ростъ выдѣленія энергіи составляютъ тѣсно связанныя и неразрывныя звенья въ развитіи активности. Индивидуальность, цѣлесообразность, сила выдѣленія должны единовременно повышаться и понижаться въ зависимости отъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ, а равно и приспособленіе среды, это внѣшнее воплощеніе активности, подобно тому, какъ индивидуальность является ея внутреннимъ воплощеніемъ.

Hier ist der Hund begraben... Мы, наконецъ, пришли къ выводу, къ которому направлялась аргументація этого параграфа. Цѣлесообразность и сила выдѣленія — это и есть самъ процессъ активности, которая въ жизни овеществляется въ формѣ индивидуальности, внѣ жизни — въ приспособленіи среды или культурѣ. И та и другая, и индивидуальность, и культура, представляя собою овеществленный моментъ активнаго процесса, являются далѣе условіями его дальнѣйшаго развитія, а равно и орудіями борьбы за существованіе активныхъ организмовъ. Естественно, если и индивидуальность, и культура зависятъ въ своемъ развитіи отъ процесса активности (силы выдѣленія и цѣлесообразности), но съ перваго взгляда кажется неестественнымъ, что эти два послѣдствія одной причины могутъ оказаться въ антагонизмѣ! И, однако, это фактъ, о которомъ мнѣ уже приходилось упоминать въ этомъ этюдѣ.

III.

Прежде, нежели мы будемъ продолжать нить нашего анализа, я считаю долгомъ указать, что многія изъ вышеразвитыхъ идей о значеніи индивидуальности и ея развитія въ процессѣ жизни непосредственно примыкаютъ къ идеямъ, впервые установленнымъ въ соціологическихъ работахъ *Н. К. Михайловскаго*. Хотя тамъ онѣ являются нѣсколько въ иномъ убранствѣ и обстановкѣ, но внимательный читатель легко усмотритъ внутреннее родство идей, предложенныхъ г. *Михайловскимъ* въ трактатѣ «Борьба за индивидуальность» и развиваемыхъ мною на этихъ страницахъ. Многія важныя теоремы, установленныя нашимъ талантливымъ мыслителемъ въ упомянутой работѣ, совершенно выходятъ изъ рамокъ настоящаго моего этюда и потому, конечно, пройдены мною молчаніемъ. О другихъ я считаю полезнымъ сказать нѣсколько словъ. Г. *Михайловскій* принадлежитъ къ числу самыхъ популярныхъ и наиболѣе читаемыхъ писателей нашихъ и потому я себя избавлю отъ труда перезлагать доктрины, достаточно извѣстныя, конечно, моимъ читателямъ. Я остановлюсь нѣсколько лишь на нѣкоторыхъ отличіяхъ въ изложеніи предмета, какъ онъ трактуется г. *Михайловскимъ* и мною. Отличія эти восходятъ къ

нашимъ работамъ, опубликованнымъ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ и сводятся они въ послѣднемъ счетѣ къ неодинаковой оцѣнкѣ роли и значенія активности въ прогрессѣ жизни вообще, общественной жизни въ особенности.

Въ теченіе 1869 года напечатана была замѣчательная работа г. *Михайловскаго* «Что такое прогрессъ?» («Сочиненія Н. К. Михайловскаго», т. IV). Въ формѣ критики идей *Герберта Спенсера* о прогрессѣ, его законахъ и причинахъ, молодой тогда авторъ далъ весьма законченную доктрину, заключавшую въ себѣ формулу общественнаго прогресса, прямо противуположную формулѣ англійскаго философа. Нашъ мыслитель съ необыкновенною яркостью установилъ, что нельзя принимать одну и ту же формулу для органическаго и для общественнаго прогресса. Принимая спенсеровскую формулу: «органическій прогрессъ заключается въ переходѣ отъ однороднаго къ разнородному», надо признать, что общественный прогрессъ заключается, наоборотъ, въ стремленіи къ однородности, уравнительности, или же допустить, что общественный прогрессъ неразрывно связанъ съ регрессомъ органическимъ, съ пониженіемъ организаціи живыхъ существъ, вошедшихъ въ общежитіе. Эта формула общественнаго прогресса (развитіе общественной однородности и равенства) представляла собою замѣчательное обобщеніе, согласовавшее послѣдніе успѣхи естествознанія съ истинами, установленными всѣмъ развитіемъ общественныхъ наукъ, историческихъ, экономическихъ, этическихъ, юридическихъ. Формула эта заключала въ себѣ лишь одинъ, но очень существенный пробѣлъ. Она указывала цѣль прогресса, опредѣляла его продукты, но не давала изображенія самого процесса, не описывала самого его совершенія, не знакомила съ его силами и дѣятелями, что придавало всей формулѣ характеръ желательности скорѣе, нежели необходимости. Этотъ пробѣлъ тогда же вызвалъ съ моей стороны слѣдующее замѣчаніе (*Знаніе*, 1872, № 12): «Какъ ни важна эта противоположность (органическаго и общественнаго прогресса, какъ она была установлена г. Михайловскихъ), но не надо забывать, что это—противуположность по эффектамъ и ей должно быть присвоено истолкованіе въ противоположности причинъ, дѣятелей. На это г. Михайловскій не обратилъ вниманія едва-ли не умышленно вслѣдствіе предубѣжденія противъ объективнаго изслѣдованія соціальныхъ явленій». И нѣсколько далѣе я замѣтилъ: «Явленіе, подмѣченное г. Михайловскимъ, я привожу къ общему выраженію и стараюсь найти ему истолкованіе въ противоположности самого жизненнаго процесса, органическаго и общественнаго».

Это истолкованіе противоположности, которое я пытался предложить въ цитируемомъ этюдѣ, резюмируется слѣдующими строками (*ibidem*, стр. 375): «Постоянное обновленіе вещества и силы, заимствуемыхъ изъ окружающей среды, ставитъ живыя тѣла въ зависимость отъ условій среды въ гораздо большей степени, чѣмъ тѣла неорганическія, и открываетъ широкое поле вліяніямъ среды;

измѣненія, произведенныя этимъ путемъ, называются приспособленіемъ, которое, такимъ образомъ, тоже представляетъ процессъ, общій всему живому. Онъ можетъ совершаться двоякимъ путемъ: либо приспособленіемъ жизненнаго процесса внѣшнимъ вліяніямъ, либо, благодаря способности, развитой изъ такого приспособленія, приспособленіемъ условій среды къ потребностямъ жизни.—Важно то обстоятельство, что самое возникновеніе и дальнѣйшее развитіе второго способа приводить жизнь въ равновѣсіе со средою, чрезъ воздѣйствіе жизни на среду, зависитъ отъ коллективнаго процесса; способность индивидуальной жизни приспособлять среду весьма ограничена». Въ этомъ разсужденіи заключалось зерно истины, но надо сознаться, что это зерно было недостаточно развито и въ такомъ видѣ легко поддавалось критикѣ. Хотя сначала я и обратилъ вниманіе на «*способность* приспособлять среду», на «*воздѣйствіе* жизни на среду», т. е. на активность, но затѣмъ сосредочилъ свое преимущественное вниманіе на самомъ приспособленіи среды. Такимъ образомъ, начало разсужденія имѣло въ виду активность, а предложенная мною формула общественнаго прогресса (приспособленіе среды къ потребностямъ жизни) выдвигала уже одну культуру. Культура не можетъ быть обойдена при опредѣленіи общества также, какъ и при опредѣленіи общественнаго прогресса, но будучи лишь овеществленною внѣ жизни активностью жизни, она не можетъ покрыть собою всей активности, которая овеществляется не только внѣ жизни, но и въ самой жизни, въ строеніи самихъ организмовъ. Мы знаемъ, что такимъ овеществленіемъ является индивидуальность [1]). Естественно, если г. *Михайловскій*, уже тогда склонный оцѣнить все значеніе индивидуальности въ общественномъ развитіи, не согласился съ предложеннымъ мною истолкованіемъ. Мы обмѣнялись краткими возраженіями по этому вопросу, возраженіями, уже выдвинувшими впередъ явленіе активности, но далѣе мы отвлеклись въ полемикѣ вопросами метода и важный вопросъ объ активности остался въ сторонѣ. Самъ вопросъ о цѣлесообразности трактовался нами исключительно съ точки зрѣнія метода.

Между тѣмъ, г. *Михайловскій* продолжалъ свои соціологическія работы и, если память мнѣ не измѣняетъ, опубликовалъ въ 1873—1874 гг. очень важное изслѣдованіе «Органъ, недѣлимое, общество», гдѣ идею индивидуальности положилъ въ основу всей своей соціологической доктрины. Развитіемъ этой доктрины явился вслѣдъ затѣмъ трактатъ «Борьба за индивидуальность», статьи «Вольники и подвижники», «Научныя письма», «Патологическая магія». Въ одной изъ этихъ работъ г. *Михайловскій* пробуетъ

[1]) Не надо смѣшивать овеществленія активности въ формѣ индивидуальности съ овеществленіемъ въ формѣ духовной культуры, такъ какъ послѣдняя есть результатъ лишь общественной активности, какъ она опредѣлена въ первой главѣ этой работы, и представляетъ собою строеніе общества, а не строеніе организма, хотя и осуществляется въ его тканяхъ.

даже свести и формулу «приспособленіе среды къ потребностямъ жизни» къ формулѣ развитія индивидуальности. И до нѣкоторой степени это ему удается, потому что оба явленія (индивидуальность и культура) зависятъ въ послѣднемъ счетѣ отъ третьяго (активности) и проявляются въ зависимости отъ него. Не трудно поэтому уловить и взаимную зависимость. Однако, выводить культуру изъ индивидуальности такъ же справедливо, какъ и обратно— сводить индивидуальность къ культурѣ. Обѣ онѣ выводятся изъ активности. Отвергнувъ, и не безъ основанія, одностороннюю, хотя и правильную, формулу, мною предложенную въ 1872 году, г. *Михайловскій* только болѣе утвердился на своей тоже правильной, но тоже односторонней формулѣ, впервые установленной имъ въ 1869 году. Отсюда и всѣ достоинства и всѣ пробѣлы его соціологическихъ работъ. Громадное значеніе открытыхъ имъ соотношеній явленія индивидуальности съ разными сторонами общественнаго прогресса дало ему возможность предложить и установить рядъ соціологическихъ теоремъ, слава которыхъ будетъ всегда гордостью русской литературы и мысли. Невниманіе же къ активности повлекло не только къ ошибочному взгляду на соотношенія индивидуальности и культуры, но и къ тому еще, что до сихъ поръ соціологическія теоремы нашего мыслителя не охватываютъ однимъ истолкованіемъ всей совокупности общественной жизни и оставляютъ въ тѣни нѣкоторыя немаловажныя стороны общественнаго развитія.

Я надѣюсь въ скоромъ времени, въ другой работѣ и въ другомъ мѣстѣ, обстоятельнѣе коснуться всей совокупности соціологическихъ работъ *Н. К. Михайловскаго*, котораго я считаю занимающимъ первое мѣсто среди современныхъ европейскихъ мыслителей, работающихъ въ области общественной философіи. Здѣсь я коснулся лишь одной стороны его работъ, имѣющей прямую связь съ идеями, предлагаемыми въ настоящемъ этюдѣ. Читатель замѣтилъ, что мои замѣчанія носятъ характеръ скорѣе дополненія, нежели возраженія. Мнѣ кажется, что оспаривать мнѣ нечего. Я надѣюсь, что это отступленіе отъ нити изложенія способствовало уясненію вопроса, а указавъ родство нѣкоторыхъ важныхъ идей, здѣсь устанавливаемыхъ, съ идеями, впервые предложенными г. *Михайловскимъ*, и объяснивъ, въ чемъ заключается сходство и различіе, я полагаю, что могу освободить себя отъ частныхъ указаній на эти сходства и различія въ дальнѣйшемъ изложеніи.

IV.

Сопоставляя вышеизложенное съ воззрѣніями, предложенными мною въ первой главѣ этого этюда, мы можемъ уже придти къ весьма опредѣленнымъ и важнымъ теоремамъ относительно активности, какъ орудія борьбы:

Борьба за существованіе на стадіи активной общественной жизни пріобрѣтаетъ форму *борьбы за индивидуальность* и *борьбы*

за культуру. Это — два главныя русла, по которымъ течетъ и развивается борьба активныхъ организмовъ, сложившихся въ общежитія, а равно и борьба самыхъ общежитій, сложившихся изъ активныхъ организмовъ. *Индивидуальность и культура—таковы двѣ цѣли общественнаго развитія.*

Будучи цѣлью общественнаго развитія, индивидуальность и культура являются и главнѣйшими орудіями борьбы между активными организмами и между активными общежитіями. Степень развитія активности, будучи главнымъ орудіемъ побѣды въ активной борьбѣ, выражается, однако, либо въ степени совершенства индивидуальности, либо въ степени совершенства культуры, а потому и активнымъ орудіемъ побѣды можетъ быть либо высшій типъ индивидуальности, либо высшая культура, хотя активные организмы пользуются отчасти и пассивными орудіями, напр. быстротою размноженія.

Высшая культура и высшій типъ индивидуальности равно являются необходимымъ выраженіемъ высшей активности, и потому въ нормальныхъ условіяхъ развитія активной жизни должны развиваться параллельно и въ прямомъ отношеніи. Черпая, однако, силу изъ одного источника, они могутъ ее зачерпнуть неравномѣрно и одно явленіе можетъ оказаться развивающимся въ ущербъ другому. Культура можетъ подавлять индивидуальность; индивидуальность можетъ разрушать культуру. Но разрушеніе культуры есть уничтоженіе приспособленія среды къ потребностямъ жизни, нарушеніе равновѣсія между жизнью и средою въ ущербъ первой, стало быть сокращеніе жизни вообще, активности въ томъ числѣ. Съ другой стороны, подавленіе индивидуальности есть разрушеніе того строенія организмовъ, которое необходимо для проявленія активности, есть, стало быть, сокращеніе активности и соотносительное тому пониженіе культуры, производимой этою активностью. Словомъ, культура, подавляя индивидуальность, ведетъ къ пониженію культуры; индивидуальность, разрушая культуру, сокращаетъ жизнь и понижаетъ свой типъ. Таковы результаты антагонизма индивидуальнаго и культурнаго развитія, антагонизма, однако, постоянно проявляемаго активною общественною жизнью. Это постоянное проявленіе не есть, однако, необходимое проявленіе и равновѣсіе между тратою активности на индивидуальное и культурное развитіе не только не воспрещается ни какими законами активной жизни, но даже, являясь единственно вполнѣ цѣлесообразнымъ развитіемъ, какъ бы предписывается этими законами, въ основѣ которыхъ лежитъ цѣлесообразность. Нарушеніе этого равновѣсія въ тратѣ на индивидуальность и на культуру есть, стало быть, просто несовершенство въ цѣлесообразности, недоразвитость активности, существенною и необходимою стороною которой является цѣлесообразность. Можно поэтому смѣло сказать, что прогрессъ активности долженъ быть и прогрессомъ равновѣсія между тратою на индивидуальное и культурное развитіе. Такого совершеннаго равновѣсія мы не только вправѣ, но

даже должны ожидать отъ будущаго развитія активности. Несовершенное подвижное равновѣсіе осуществляется всемірною исторіей во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда историческія общества прогрессируютъ, а такъ какъ въ общемъ до-селѣ человѣчество проявляетъ прогрессъ, и культурный, и индивидуальный, то ясно, что въ предѣлахъ большихъ періодовъ и большихъ пространствъ равновѣсіе индивидуальнаго и культурнаго развитія не было миѳомъ, а фактомъ, реальною правдою всемірно-историческаго процесса. Раскрыть законы этого равновѣсія и установить законы постепеннаго преуспѣянія этого равновѣсія и значитъ раскрыть законы прогресса общественной жизни, установить формулу общественнаго прогресса.

Таковы главнѣйшія дедукціи изъ идей и воззрѣній, до сихъ поръ установленныхъ нами на протяженіи настоящаго этюда и въ этюдѣ «Международная экономическая борьба». Въ своемъ абстрактномъ выраженіи эти дедукціи едва-ли вызовутъ серьезныя возраженія. Ихъ значеніе вполнѣ раскрывается лишь тогда, когда въ ихъ свѣтѣ истолковывается та или другая частная сторона общественной жизни. Къ такому истолкованію мы и приступимъ на нижеслѣдующихъ страницахъ, но прежде необходимо ввести въ изложеніе еще одно разграничительное понятіе, безъ коего наша терминологія можетъ повести къ нѣкоторой неясности. Терминъ «культура», мнѣ кажется достаточно выясненнымъ, чтобы требовалось теперь его новое поясненіе. Терминъ «индивидуальность» тоже достаточно ясенъ въ примѣненіи ко всей активной жизни, но въ томъ то и неудобство, что онъ примѣнимъ ко всей активной жизни, тогда какъ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же явленіемъ, но заключеннымъ въ сферу активнаго культурнаго общежитія, и при томъ человѣческаго общежитія. Человѣческая индивидуальность, вошедшая въ составъ активно-культурнаго общежитія, понимаемая, какъ членъ и дѣятель этого общежитія, — это *личность* и вмѣстѣ съ тѣмъ это предметъ нашего анализа. Рабочій и потребительный скотъ, домашнія птицы, домашнія пчелы, даже шелковичный червь, даже кошениль и шпанская муха, — все это индивидуальности, вовлеченныя въ процессъ общественнаго развитія, но развитія культурнаго, а не индивидуальнаго, какъ послѣднее нами выше выяснено. Все это индивидуальности, но не личности, и потому то противупоставленіе культурнаго развитія индивидуальному, которое красною нитью проходитъ черезъ всю всемирную исторію, разумѣетъ развитіе, права, интересы не всякой индивидуальности, вовлеченной въ процессъ общественнаго прогресса, но лишь развитіе, права, интересы личности. Дѣятельность личностей и вліяніе культуры, вотъ два фактора общественнаго развитія, соотвѣтствующіе двумъ основнымъ теченіямъ развитія, культурному и индивидуальному.

Читатель замѣчаетъ, какъ все это старо, старо, какъ само человѣчество, какъ его первыя идеи о правдѣ и добрѣ. Человѣчество давно начало прозрѣвать, гдѣ правда и добро, но медленно,

слишкомъ медленно для свой славы и чести, для своего счастья и спокойствія, начинаетъ сообразовать свое поведеніе съ этими прозрѣніями.

V.

Если «индивидуальность въ условіяхъ активнаго культурнаго общежитія» ны называемъ *личностью*, то всякое «цѣлесообразное выдѣленіе энергіи такою индивидуальностью (личностью)», мы называемъ ея *дѣятельностью*. Вспоминая вышеустановленныя теоремы, мы должны сказать, что дѣятельность — это отправленіе, личность — строеніе, въ которыхъ выражается и воплощается активность въ условіяхъ активнаго культурнаго общежитія (человѣческаго общества). Дѣятельность личностей и составляетъ, такимъ образомъ, ту силу, эффекты которой въ сочетаніи съ эффектами культуры (ею самою первоначально созданной) направляютъ общественное развитіе въ интересахъ индивидуальнаго и общественнаго самосохраненія (см. §§ 10 и 11 главы I настоящаго этюда, «Сѣв. Вѣстн.» № 9, стр. 67—74). «Дѣятельность личностей»—вотъ что подлежитъ нашему анализу, когда мы выдѣляемъ общественную активность и трактуемъ ее отдѣльно отъ культуры. При всякомъ сколько нибудь серьезномъ анализѣ общественныхъ явленій это выдѣленіе является необходимою предпосылкою изслѣдованія. Такъ напр. экономисты, съ первыхъ шаговъ своей науки, должны были противупоставить *трудъ* (дѣятельность личностей) *капиталу* (факторъ культурный). Такъ въ исторіи умственнаго развитія *критическая и творческая мысль* выдѣляется, какъ дѣятельность личностей, отъ *религіи и науки*, какъ данныхъ культуры. Совершенно такъ же *политическіе идеалы и политическія событія* составляютъ группу политическихъ явленій, естественно отличающуюся отъ *политическихъ учрежденій и состояній*. Куда бы мы ни преклонили наше вниманіе въ предѣлахъ общественной жизни, мы сразу наталкиваемся на это раздѣленіе, противоположеніе и взаимодѣйствіе факторовъ, активныхъ (личныхъ) и культурныхъ. Эти частныя противуположенія и взаимодѣйствія давно установлены и признаны частными общественными науками, законъ общаго противоположенія и взаимодѣйствія индивидуальнаго и культурнаго развитія является лишь обобщеніемъ этихъ частныхъ законовъ, уже не возбуждающихъ споровъ.

Дѣятельность личностей это и есть, такимъ образомъ, «активность индивидовъ, вошедшихъ въ культурное общежитіе», т. е. предметъ настоящаго анализа съ точки зрѣнія борьбы общественной и междуобщественной. И въ качествѣ такой активности, дѣятельность личностей, какъ мы уже знаемъ (см. гл. I этого этюда, «Сѣв. Вѣстн.», № 9), можетъ быть направлена въ цѣляхъ самосохраненія, индивидуальнаго и общественнаго. Мы знаемъ уже такъ же *(ibidem)*, что эти двѣ цѣли могутъ не оказаться взаимно согласованными, а дѣятельность въ этихъ цѣляхъ можетъ ока-

заться взаимно антагоничною. Съ другой стороны, этого антагонизма можетъ и не проявиться. Предъидущее изложеніе насъ достаточно подготовило, чтобы теперь внимательнѣе всмотрѣться въ эти возможности.

Изъ анализа контрастовъ въ развитіи индивидуальной и общественной активности, индивидуальнаго и общественнаго самосохраненія, мы уже знакомы съ двумя главными путями, на которыхъ возникаетъ антагонизмъ индивидуальнаго и общественнаго развитія. Первый путь — это несоотвѣтствіе цѣлесообразности съ точки зрѣнія строго-индивидуальнаго и общественнаго самосохраненія. Тѣ измѣненія среды, которыя оказываются совершенно цѣлесообразными съ точки зрѣнія индивидуальнаго самосохраненія (напр. дѣятельность саранчи, хищническое хозяйство, вообще «après nous le déluge»), могутъ быть пагубны съ точки зрѣнія общественнаго самосохраненія. Но, какъ вполнѣ цѣлесообразныя съ точки зрѣнія строго индивидуальной, такія дѣйствія легко находятъ мѣсто среди личностей, составляющихъ то или иное общество. Далѣе, съ строго индивидуальной точки зрѣнія средою является не только физическая природа, но и другіе индивиды, вошедшіе въ общество; держась этой точки зрѣнія, удовлетвореніе своихъ потребностей въ ущербъ этихъ другихъ индивидовъ такъ же естественно и такъ же цѣлесообразно, какъ и на счетъ физической среды. Общественная точка зрѣнія не можетъ допустить такого безразличія; общественная точка зрѣнія это безразличіе именуетъ преступностью. Такимъ образомъ, дѣятельность въ интересахъ индивидуальнаго самосохраненія можетъ оказаться въ антагонизмѣ съ интересами общественнаго самосохраненія, можетъ оказаться *мятежною* и *преступною*. Выдѣленіе энергіи этими организмами, вошедшими въ общежитіе, является въ данномъ случаѣ не согласованнымъ съ общественнымъ самосохраненіемъ, общественно-нецѣлесообразнымъ. Частью такое выдѣленіе энергіи, такая общественно-некоординированная дѣятельность личностей является просто *пережиткомъ* дообщественной стадіи жизни, частью же вызывается обратнымъ явленіемъ подавленія индивидуальнаго развитія общественнымъ.

Мы знакомы уже въ общихъ чертахъ и съ этимъ вторымъ путемъ, на которомъ возникаетъ антагонизмъ индивидуальнаго и общественнаго развитія. Болѣе обстоятельно мы остановились на немъ во II главѣ этюда «Международная экономическая борьба» и слегка съ новыхъ сторонъ коснулись въ заключительныхъ параграфахъ первой главы настоящей работы. Общественное самосохраненіе, вызывая новую трату, непредвидѣнную индивидуальною жизнью, пользуется для этого тѣмъ ростомъ силы, который приносится соединеніемъ индивидовъ въ союзъ. Сотрудничество, особенно сложное (раздѣленіе труда), и покореніе силъ природы являются главными методами, коими общественная жизнь увеличиваетъ мощь активности, проявляемой его членами. Но такъ какъ сложное сотрудничество создаетъ общественное неравенство,

а покоренныя силы природы, идя по слѣдамъ этого дифференцированія, распредѣляются неодинаково между индивидами, то естественно создается положеніе, при которомъ общественная активность неравномѣрно увеличиваетъ индивидуальную активность, давая преимущество силы (а слѣдовательно и удовлетворенія) — однимъ, лишая — другихъ. Эта игра общественныхъ культурныхъ силъ (капитала, власти, знанія, вообще авторитета во всѣхъ его формахъ) не согласуется съ игрою индивидуальной активности и подчиняетъ послѣднюю своему руководству и даже господству. Дѣятельность личностей лишается въ большей или меньшей степени самостоятельности и свободы и принудительно направляется къ удовлетворенію общественныхъ потребностей. Всякій обязательный трудъ напр., а въ частности и въ особенности трудъ рабскій, представляетъ простѣйшій примѣръ такого принудительнаго координированія выдѣляемой организмами энергіи въ цѣляхъ общественнаго самосохраненія.

Такое принудительное координированіе, по необходимости, нарушаетъ полноту индивидуальнаго развитія, которое, какъ мы знаемъ, заключается, прежде всего, въ тяготѣніи всякаго выдѣленія къ одному направляющему центру, нераздѣльной главѣ всего недѣлимаго организма. Всякое принудительное координированіе не есть координированіе, направляемое всецѣло этимъ центромъ; направляющій центръ самъ направляется другимъ центромъ или центрами, лежащими внѣ организма, словомъ тою силою, которую въ общественной жизни называютъ *авторитетомъ* (умственнымъ, экономическимъ, политическимъ). Ослабленіе направляющей дѣятельности индивидуальнаго центра есть ослабленіе цѣлесообразности индивидуальной дѣятельности, есть пониженіе самой индивидуальности, а стало быть и пониженіе вообще активности, сокращеніе энергіи, выдѣляемой организмами. Это—простыя дедукціи изъ закона развитія активности.

Такимъ образомъ, разсматривая дѣятельность личностей, составляющихъ общество, мы, прежде всего, отличимъ два разряда такой дѣятельности: 1) дѣятельность самостоятельная, не нарушающая индивидуальнаго развитія, индивидуально-цѣлесообразная, но за то общественно-нецѣлесообразная, некоординированная; и 2) дѣятельность принудительная, насильно-координированная въ интересахъ общественнаго самосохраненія, но не самостоятельная, подавляющая индивидуальное развитіе. Можетъ быть, однако, и третьяго рода дѣятельность личностей, именно самостоятельно, свободно координируемая въ интересахъ общественнаго такъ же, какъ и индивидуальнаго самосохраненія. Свободный производительный трудъ, патріотическая дѣятельность на пользу общественную, патріотическая оборона отечества, помощь ближнему и т. д. и т. д.,— таковы многоразличныя формы, въ которыхъ проявляется индивидуальная энергія, самодѣятельно координируемая въ цѣляхъ общественнаго самосохраненія. Формы — различны, но за всѣми этими формами лежитъ одно начало, исходящее изъ сознанія солидарности и изъ чувства альтруизма, словомъ *нравственное начало.*

И такъ, мы, наконецъ, въ пятомъ параграфѣ второй главы нашей работы пришли къ вопросу, постановленному въ заглавіи этюда. «Нравственное начало»—это согласованіе индивидуальнаго и общественнаго самосохраненія; это — индивидуальная энергія, самодѣятельно координируемая въ интересахъ общественной жизни; это — устраненіе антагонизма индивидуальнаго и общественнаго развитія, устраненіе преступности съ одной стороны, принужденія, съ другой. Нравственное начало заключается въ общественно-координированной индивидуальной самодѣятельности; принудительное координированіе—это авторитетъ; некоординированная самодѣятельность — это преступность. *Координированіе* дѣятельности связываетъ нравственность и авторитетъ въ одинъ разрядъ явленій, служащихъ общественному самосохраненію. *Самодѣятельность* связываетъ нравственность и преступность, какъ явленія, опирающіяся на индивидуальную активность и индивидуальное самосохраненіе. Чтобы существовать, общество должно координировать дѣятельность своихъ членовъ и, если нравственное начало слабо для этого, естественно замѣняетъ его начало авторитета. Но чтобы существовать, общество должно обладать данною силою активности, поддерживающей приспособленіе среды (культуру) и обороняющей отъ непріятеля, а эта сила активности зависитъ отъ развитія индивидуальности, отъ упражненія и, если нравственное начало слабо и недостаетъ помѣщенія для этой индивидуальной энергіи, то она сказывается преступностью, или сокращается. Развитіе нравственнаго начала, поэтому, одинаково сокращаетъ и область преступности, и область принудительности, возвышая вмѣстѣ съ тѣмъ индивидуальную активность и служа цѣлямъ общественнаго самосохраненія.

Не трудно оцѣнить все громадное значеніе этой теоремы и, быть можетъ, читатель теперь не посѣтуетъ за слишкомъ длинное предисловіе. Нравственность является, стало быть, просто одною изъ формъ активности въ условіяхъ общежитія и притомъ высшею формою, именно тою, которая въ общественной жизни единственно обезпечиваетъ дальнѣйшее развитіе активности. Такимъ образомъ, всякое выдѣленіе энергіи активными организмами въ условіяхъ общежитія проявляется въ трехъ формахъ: самодѣятельно-координированнаго выдѣленія, принудительно-координированнаго и некоординированнаго. Законы, управляющіе этимъ выдѣленіемъ энергіи въ той или иной формѣ, суть именно тѣ самые законы активности, которые мы изслѣдовали въ настоящей работѣ до сихъ поръ. Теперь эти законы, уже выяснивъ намъ въ высшей степени важныя общія соотношенія, и далѣе послужатъ для раскрытія болѣе частныхъ, но не менѣе важныхъ соотношеній.

VI.

Когда индивиды слагаются въ постоянное общежитіе, создаютъ культуру и кладутъ основаніе историческому обществу, то съ

этого момента не вся энергія, выдѣляемая индивидами, выдѣляется и обществомъ, а только общественно-нецѣлесообразная или и цѣлесообразная, но затрачиваемая на работу за предѣлами даннаго историческаго общества. Поясникъ нашу мысль.

Энергія, выдѣляемая активнымъ организмомъ, лишь частью выдѣляется цѣлесообразно, истрачиваясь на работу для удовлетворенія потребностей организма. Другою частью своею, она составляетъ нецѣлесообразное выдѣленіе, высвобождаясь напримѣръ въ видѣ молекулярнаго движенія (повышенная температура), или хотя и механическаго движенія (мышечнаго), но не направленнаго на цѣлесообразную работу. Всякая такая нецѣлесообразная трата энергіи индивидуальнымъ организмомъ представляетъ: отчасти необходимость, обусловленную условіями и законами органическаго развитія (напр. трата на поддержаніе относительно высокой температуры теплокровныхъ животныхъ); отчасти результатъ патологическаго состоянія организма (напр. повышенная температура при заболѣваніи, ощущеніе боли въ томъ же случаѣ, бредъ и пр.); отчасти, наконецъ, недостаточное совершенство направляющаго центра, недостаточное развитіе индивидуальности и вообще активности (всякая нецѣлесообразная работа, всякая ошибка, непредусмотрительность и пр.). Первая группа нецѣлесообразныхъ выдѣленій представляетъ собою величину, находящуюся, повидимому, въ извѣстномъ прямомъ отношеніи ко всей остальной тратѣ, цѣлесообразной и нецѣлесообразной; это необходимый, такъ сказать, подоходный или даже вѣрнѣе порасходный налогъ на активность, на содержаніе индивидуальности, на охраненіе активной жизни. Ее мы оставимъ въ сторонѣ. Третья группа, наоборотъ, находится въ тѣсной зависимости и обратномъ отношеніи со степенью развитія активности и индивидуальности. Она сокращается съ прогрессомъ индивидуальности и ростомъ активности. Что касается второй группы (болѣзней), то очевидно она находится въ нѣкоторой прямой зависимости отъ третьей группы и точно такъ же съ ростомъ цѣлесообразности и индивидуальности должна сокращаться. Какъ бы то ни было, но всякое выдѣленіе энергіи индивидуальнымъ организмомъ по необходимости заключаетъ въ себѣ извѣстное количество нецѣлесообразно выдѣляемой энергіи, тѣмъ большее, чѣмъ ниже степень индивидуальности выдѣляющаго организма, чѣмъ меньше вообще выдѣленіе энергіи активнымъ организмомъ. Когда индивиды слагаются въ общежитіе, то и въ новыхъ условіяхъ они продолжаютъ, конечно, такое нецѣлесообразное выдѣленіе энергіи и, конечно, это нецѣлесообразное выдѣленіе индивидовъ является и нецѣлесообразнымъ выдѣленіемъ общества. Важно отмѣтить, что оно не только нецѣлесообразно съ точки зрѣнія общества, но и является съ этой точки зрѣнія несомнѣннымъ *выдѣленіемъ* энергіи, такъ какъ вся эта энергія, высвобождаясь изъ индивидуальныхъ организмовъ, составляющихъ общество, не преобразуется въ какія-либо общественныя явленія, а уходитъ изъ общественнаго тѣла, имъ теряется въ пользу окружающей среды.

Однако, энергія, выдѣляемая организмами, составляющими общество, можетъ и не уходить изъ его состава, можетъ преобразоваться въ новыя состоянія въ разныхъ общественныхъ явленіяхъ. Въ такомъ случаѣ, будучи индивидуальнымъ выдѣленіемъ, съ точки зрѣнія общественной она окажется сохраненною. Когда люди строютъ запруду и сооружаютъ на ней мельницу, они, конечно, тратятъ значительное количество энергіи, заключенной въ тканяхъ ихъ организмовъ, на производство этой работы. Они выдѣляютъ энергію, но эта энергія преобразуется въ потенціальное состояніе въ воздвигнутыхъ сооруженіяхъ (съ тѣмъ, чтобы снова производить работу), а эти сооруженія тоже составляютъ интегральную часть общества (его культуру). Изъ общества эта энергія не выдѣляется... Но, скажутъ, зачѣмъ она все-таки выдѣляется изъ этихъ сооруженій, которыя не являются-ли только этапомъ въ процессѣ выдѣленія? Конечно, она выдѣляется, но зачѣмъ? Чтобы доставить людямъ продуктъ потребленія (муку, въ данномъ случаѣ), чрезъ посредство котораго она снова возстановляется въ тканяхъ организмовъ, составляющихъ общество и т. д. Она все-таки не теряется обществомъ: истрачиваемая индивидами, она воплощается въ культуру; истрачиваемая культурой, она снова заключается въ индивиды, совершая круговоротъ въ предѣлахъ общества, не теряясь имъ. Этотъ круговоротъ культурно-индивидуальнаго обмѣна энергіи дополняется другими подобными же фактами, свидѣтельствующими, что выдѣленіе энергіи индивидами не есть еще выдѣленіе энергіи общежитіемъ. Размноженіе, напримѣръ. съ индивидуальной точки зрѣнія есть только выдѣленіе энергіи и вещества родительскими организмами, но въ общежитіи это выдѣленіе создаетъ лишь новыхъ его членовъ, новыхъ носителей энергіи, новыхъ дѣятелей его развитія. И эта энергія сохраняется обществомъ, не представляетъ общественнаго расхода. Такимъ образомъ, извѣстная часть энергіи, высвобождаемой индивидами, вошедшими въ общежитіе, создавая культуру и чрезъ нее возвращаясь снова индивидамъ или производя новое поколѣніе, представляется уже внутреннимъ общественнымъ движеніемъ, какъ бы вибраціями общественныхъ молекулъ.

Мы знаемъ уже, что все нецѣлесообразное выдѣленіе энергіи организмами является и выдѣленіемъ общества и въ составъ его внутренняго движенія не входитъ, но мы должны помнить и то обстоятельство, что далеко не все цѣлесообразное выдѣленіе энергіи организмами зачисляется въ это внутреннее общественное движеніе. Конечно, туда зачисляется лишь движеніе, координированное въ общественныхъ цѣляхъ и интересахъ. Мы уже знаемъ разницу въ точкахъ зрѣнія индивидуальнаго и общественнаго самосохраненія, разницу, которая проявляется порою весьма рѣзко, хотя и то и другое являются выраженіемъ *цѣлесообразнаго* выдѣленія энергіи. Намъ извѣстно также, что сама цѣлесообразность является лишь новымъ видомъ координированія энергіи

жизнью, именно энергіи не только накопляемой организмомъ, но и выдѣляемой (или вѣрнѣе ея выдѣленія). И это координированіе выдѣляемой энергіи можетъ согласоваться лишь съ индивидуальнымъ накопленіемъ, или же входить въ вышеочерченный круговоротъ внутренняго общественнаго движенія (согласоваться съ тратою и накопленіемъ общественнымъ). Некоординированная дѣятельность личностей, или преступность и составитъ такимъ образомъ обширный классъ выдѣленій энергіи организмами, которые, не входя въ круговращенія внутренняго общественнаго движенія, *составляютъ не только выдѣленіе индивидовъ, но и выдѣленіе общества, его чистую трату.*

Къ этимъ двумъ разрядамъ выдѣленія энергіи организмами, представляющимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и выдѣленіе энергіи обществомъ, необходимо присоединить еще третій, именно всякую даже общественно-цѣлесообразную трату на работу, производимую за предѣлами общества. Когда общество обороняется отъ нападенія (хотя бы это и происходило на собственной территоріи, въ собственныхъ жилищахъ), оно истрачиваетъ энергію на уничтоженіе этого нападенія и вся эта трата расходуется безъ возврата, не сохраняясь въ потенціальномъ состояніи, ни въ культурѣ, ни въ подростающемъ поколѣніи, ни въ тканяхъ дѣятельныхъ индивидовъ, составляющихъ общество. Тоже самое при всякой войнѣ, при всякомъ внѣшнемъ столкновеніи. *Для воюющаго общества* это есть трата, выдѣленіе, дискоординированіе энергіи, раньше того заключенной въ тканяхъ его организмовъ или обращавшейся въ формѣ внутренняго общественнаго движенія въ индивидуально-культурномъ обмѣнѣ энергіи.

Первостепенное значеніе этого факта, отличающаго внутреннюю исторію всякаго общества отъ его внѣшней исторіи, мы будемъ въ состояніи вполнѣ оцѣнить лишь тогда, когда обратимся къ изученію политическаго развитія и политической борьбы (предмету одного изъ послѣдующихъ этюдовъ этой серіи), а теперь съ насъ довольно констатировать то важное положеніе, что энергія, выдѣляемая организмами, составляющими общество, подраздѣляется не только на цѣлесообразную и нецѣлесообразную, но и на такую, которая, будучи индивидуальнымъ выдѣленіемъ, съ общественной точки зрѣнія является внутреннимъ координированнымъ движеніемъ, въ противуположность другой, которая представляется не только индивидуальнымъ, но и общественнымъ выдѣленіемъ. Въ эту послѣднюю входитъ 1) вся нецѣлесообразно-выдѣляемая энергія; 2) индивидуально-цѣлесообразное выдѣленіе, но общественно-нецѣлесообразное, и 3) общественно-цѣлесообразное выдѣленіе, направленное на внѣшнюю исторію. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, общество, какъ цѣлое расходуетъ энергію безъ соотвѣтственнаго возмѣщенія. Она теряется обществомъ и общее количество энергіи, обращающейся въ формѣ внутренняго движенія, сокращается. Такимъ образомъ, всѣ условія, которыя понижаютъ степень индивидуальности (отъ чего зависитъ количе-

ство нецѣлесообразныхъ выдѣленій) или вызываютъ сопротивленіе индивидуальности въ видахъ индивидуальнаго самосохраненія или направляютъ энергію на внѣшнюю исторію въ разной формѣ служатъ одному и тому же, именно уменьшенію внутренняго общественнаго движенія, обращающагося въ индивидуально-культурномъ обмѣнѣ, сокращенію, стало быть, культуры такъ же, какъ и активности.

Сопоставляя эти выводы съ выводами предъидущаго параграфа, мы должны будемъ прежде всего констатировать, что индивидуальная энергія, самодѣятельно координируемая въ интересахъ общественнаго самосохраненія, или исходящая изъ нравственнаго начала, несомнѣнно входитъ въ составъ круговращенія внутренняго общественнаго движенія; съ другой стороны, энергія некоординированная несомнѣнно является общественною растратою. Что касается принудительно-координируемой энергіи, то вопросъ о ея значеніи требуетъ еще спеціальнаго разбора. Нѣкоторыя данныя для этого мы уже имѣемъ въ вышеизложенномъ.

VII.

Прежде всего, остановимся на самыхъ простыхъ соотношеніяхъ, порождаемыхъ принудительнымъ координированіемъ. Если есть принужденіе, то значитъ есть двѣ стороны,—принуждающая и принуждаемая. Изъ нихъ послѣдняя тратитъ часть выдѣляемой энергіи на сопротивленіе (ибо если нѣтъ сопротивленія, то нѣтъ и не надобно и принужденія); вся эта трата на сопротивленіе принудительному координированію является несомнѣнно тратою, безвозвратно расходуемою обществомъ. Это выдѣленіе не производитъ работы, не преобразуетъ энергіи въ потенціальное состояніе въ общественныхъ явленіяхъ, не возмѣщается поэтому соотвѣтственнымъ приходомъ. Оно общественно-нецѣлесообразно, представляя чистую потерю изъ капитала накопленной обществомъ энергіи. Постоянное подавленіе сопротивленія должно столь же постоянно уменьшать этотъ капиталъ энергіи и мы знаемъ уже даже путь, коимъ это сокращеніе осуществляется. Направляя выдѣленіе энергіи организмами не сообразно съ дѣятельностью ихъ руководящихъ центровъ, принудительное координированіе понижаетъ значеніе этихъ центровъ и постепенно понижаетъ степень индивидуальности, этого необходимаго аппарата для выдѣленія энергіи. Пониженіе индивидуальности, сокращеніе активности, уменьшеніе цѣлесообразности—таковы послѣдствія продолжительнаго подавленія сопротивленія принудительному координированію. Всѣ эти траты, выражающіяся въ подавленномъ сопротивленіи, суммируясь, даютъ крупную величину, ничѣмъ не возмѣщаемую и составляющую прямую потерю общества, которое постепенно уменьшаетъ и запасъ энергіи, обращающейся въ индивидуально-культурномъ обмѣнѣ, какъ онъ выше очерченъ, и самую способность поддерживать и развивать эти запасы энергіи. Ибо продолжи-

тельное дѣйствіе этихъ причинъ отражается на самомъ строеніи индивидовъ, понижая ихъ индивидуальность, а строеніе можетъ лишь медленно измѣняться. Это и есть то явленіе, которое давно подмѣчено всѣми историками и философами на протяженіи всѣхъ сорока вѣковъ существованія историческаго человѣчества и которое называется вырожденіемъ отъ рабства, деградаціей отъ деспотизма, испорченностью отъ чужеземнаго ига и т. д.

Но если одни напрасно тратятъ энергію на сопротивленіе, то другіе расходуютъ ее на принужденіе. Эта послѣдняя трата точно такъ же не преобразуетъ энергію въ другія общественныя явленія, точно такъ же составляя расходъ безъ прихода. Но здѣсь есть и другая сторона. Это выдѣленіе цѣлесообразно и съ точки зрѣнія индивидуальнаго самосохраненія (тѣхъ организмовъ, конечно, которые ее выдѣляютъ) и общественнаго (по крайней мѣрѣ, таковымъ можетъ быть, хотя разумѣется не всегда бываетъ). Выдѣленіе же общественно-цѣлесообразное должно овеществляться въ явленіяхъ внутри общества, въ его культурѣ или въ его личностяхъ. Оно и овеществляется, если цѣлесообразно. А бываетъ оно общественно-цѣлесообразно только въ томъ случаѣ, если замѣняетъ собою самодѣятельное координированіе лишь въ мѣрѣ его недостаточности, никогда не направляется на это послѣднее и проявляетъ свое координирующее принужденіе единственно въ интересахъ общественнаго цѣлаго, а не индивидовъ, осуществляющихъ принужденіе, составляющихъ сторону принуждающую. Конечно, это идеальное совершенство принудительно-координирующей дѣятельности вообще не наблюдается въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ. Но большее или меньшее приближеніе къ нему и составляетъ большую или меньшую цѣлесообразность такой дѣятельности. Направляясь на индивиды, она и овеществляется въ ихъ тканяхъ. Такимъ путемъ создаются нѣкоторыя явленія духовной культуры, напр. обученіе, дисциплина, соблюденіе законовъ... Овеществляясь въ духовной культурѣ, такое цѣлесообразное принудительное координированіе вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки выражается и въ подавленіи активности и индивидуальности, являясь во всякомъ случаѣ потерею, хотя подчасъ и необходимою въ видахъ избѣжанія еще большихъ потерь отъ некоординированнаго выдѣленія. Общественная безопасность, наприм., хотя и не можетъ быть достигнута однимъ принудительнымъ координированіемъ, если большинство членовъ общества не расположено самодѣятельно избѣгать взаимныхъ посягательствъ, но во всякомъ случаѣ иногда нуждается и въ принужденіи относительно меньшинства, склоннаго къ такимъ посягательствамъ.

Такимъ образомъ, трата энергіи на принудительное координированіе лишь отчасти сохраняется обществомъ въ индивидуально-культурномъ круговоротѣ энергіи, большею же частью (и притомъ по необходимости) расходуется безвозвратно, составляя чистую потерю. Въ извѣстныхъ предѣлахъ эти потери такъ же неизбѣжны, какъ напр. и потери чрезъ смерть членовъ общества,

но ясно, что и принужденіе, какъ и смертность, представляетъ явленіе, которое должно сокращаться съ прогрессомъ общества. Въ интересахъ общества оно должно по возможности ограничиваться лишь явленіями, выходящими изъ-подъ власти самодѣятельнаго координированія. Только некоординированная самодѣятельность должна подлежать принудительному координированію и по возможности въ формахъ, способныхъ наименѣе отразиться на строеніи принуждаемой стороны и дѣйствующихъ только на ея отправленіе (дѣятельность). Все это à priori довольно ясно и безъ особаго труда можетъ быть усвоено, но все это на практикѣ осуществляется съ большимъ трудомъ. Принудительное координированіе, получивши господство въ томъ или иномъ обществѣ, склонно не различать дѣйствія на отправленія (ограниченіе извѣстной дѣятельности) отъ дѣйствія на строеніе (подавленіе индивидуальности), а равно подавленія некоординированной самодѣятельности отъ самодѣятельности координированной, легко смѣшивая въ одну группу явленій, подлежащихъ принудительному воздѣйствію и подавленію, проявленія всякой самодѣятельности.

Но почему принудительное координированіе склонно къ такому развитію, направленному противъ всякой самодѣятельности, противъ самодѣятельнаго координированія въ томъ числѣ? Это объясняется двумя рядами причинъ: вліяніемъ принудительной дѣятельности на принуждающую сторону (доселѣ мы останавливались на принуждаемой сторонѣ) и игрою индивидуальнаго самосохраненія въ предѣлахъ той же принуждающей стороны (доселѣ мы отмѣтили такую игру, въ видѣ сопротивленія, лишь въ средѣ принуждаемыхъ).

Когда общество распадается на принуждаемыхъ и принуждающихъ, то, собственно говоря, оно заключаетъ въ себѣ уже не одно, а два или болѣе общества, слагающіеся въ свою очередь въ болѣе сложное. Принуждающая сторона, образуя общество въ обществѣ, подлежитъ въ своемъ развитіи тѣмъ же законамъ, какъ и всякое другое общество. Для него трата на принужденіе къ извѣстной дѣятельности подчиненнаго населенія является, естественно, тратою внѣшнею, расходомъ внѣ его предѣловъ и, въ качествѣ таковаго, безвозвратнымъ. Правда, это господствующее меньшинство получаетъ взамѣнъ истраченной на принужденіе энергіи матеріальные предметы, продукты подчиненнаго населенія, но этотъ обмѣнъ энергіи на вещество не ведетъ, конечно, къ возстановленію запаса энергіи. Это абстрактное выраженіе извѣстнаго положенія, что вырождаются не только рабы, но и рабовладѣльцы, не только покоренные, но и завоеватели, не только поданные деспотовъ, но и сами деспоты. Они теряютъ энергію, «изнѣживаются», какъ говорятъ обыкновенно историки. Это изнѣживаніе происходитъ въ силу того простого факта, что, подавляя самодѣятельность другихъ и координируя эту чужую дѣятельность, они по неволѣ для преодолѣнія сопротивленія должны тратить

всю энергію въ эту сторону и постепенно оставлять безъ развитія всѣ другія стороны, понижать степень своей индивидуальности, а слѣдственно и самой активности. Съ пониженіемъ же активности, степень цѣлесообразности координирующей дѣятельности должна все уменьшаться. Если же цѣлесообразность, какъ мы видѣли, состоитъ въ томъ, чтобы различать некоординированную самодѣятельность отъ координированной, дѣятельность (отправленіе) отъ личности (индивидуальности), то и пониженіе цѣлесообразности въ данномъ случаѣ ничѣмъ инымъ сказаться не можетъ, какъ постепеннымъ исчезновеніемъ этихъ различеній. Но продолжительное господство принудительнаго координированія влечетъ неизбѣжно пониженіе активности и цѣлесообразности не только въ принуждаемой, но и въ принуждающей сторонѣ. Слѣдовательно, продолжительное господство принудительнаго координированія неизбѣжно ведетъ къ подавленію не только некоординированной самодѣятельности, но всякой самодѣятельности, и всякой индивидуальности. Подавленіе индивидуальности есть пониженіе организаціи живыхъ особей, т. е. *деградація*. Подавленіе всякой самодѣятельности есть пониженіе нравственности (которая есть координированная самодѣятельность), т. е. *деморализація* Что деградація и деморализація являются необходимыми послѣдствіями рабства, ига, деспотизма, кто этого не знаетъ? Но быть можетъ эти старыя истины не проиграли, получивъ новое истолкованіе изъ основныхъ законовъ жизни и активности. Быть можетъ такое истолкованіе способно пролить новый свѣтъ на законы и причины этихъ явленій и раскрыть новыя стороны въ многочисленныхъ соотношеніяхъ, съ ними связанныхъ. Кое что въ этомъ направленіи мы пытались выяснить на предъидущихъ страницахъ. О нѣкоторыхъ другихъ сторонахъ поговоримъ ниже.

VIII.

Во всѣхъ этихъ процессахъ есть одна въ высшей степени интересная сторона, на которую мы уже указали выше, но на которой стоитъ остановиться внимательнѣе. Мы уже отмѣтили то различеніе, что вся сумма энергіи, выдѣляемой организмомъ, составляющими общество, распадается на два разряда: 1) выдѣляемой и обществомъ и 2)сохраняемой въ общественныхъ явленіяхъ (культурѣ, рожденіяхъ новыхъ особей, тканяхъ организмовъ). Эта послѣдняя, вращаясь въ предѣлахъ общества, приводя въ движеніе и дѣйствіе его составные элементы и факторы, и составляетъ то, что можно назвать общественною энергіей. Частью она сохраняется въ потенціальномъ состояніи въ тканяхъ индивидовъ и въ предметахъ культуры, частью же постоянно выдѣляется этими тканями и предметами съ тѣмъ, чтобы, произведя работу, вновь заключиться въ другія подобныя же явленія. Такимъ образомъ, всякое общество (активное, культурное общежитіе) хранитъ въ своихъ нѣдрахъ запасы потенціальной энергіи и въ то же время

постоянно обращаетъ въ индивидуально-культурномъ обмѣнѣ извѣстное количество свободной энергіи. Отъ величины этихъ запасовъ, отъ быстроты и напряженности этого обращенія находится въ прямой зависимости сила, богатство, развитіе общества.

Другая часть энергіи, выдѣляемой организмами, не утилизуется общественною жизнью. Выше мы указали разряды такой энергіи. Это, во первыхъ, ея нецѣлесообразно-выдѣляемая энергія; затѣмъ смертность и болѣзненность; далѣе, общественно-некоординированная самодѣятельность (мятежи, преступленія и пр.); наконецъ, большею частью и энергія, истрачиваемая на принудительное координированіе принуждающею стороною такъ же, какъ и принуждаемою. Внѣшнія траты мы покуда оставляемъ въ сторонѣ, а равно первые два разряда изъ вышеперечисленныхъ. Остановимъ наше вниманіе на двухъ послѣднихъ. Мы уже указали на безвозвратность этихъ тратъ, фактъ, самъ по себѣ достойный болѣе подробнаго обслѣдованія. Это нарушеніе закона прямой соотносительности, установленнаго нами для развитія жизни (нарушеніе соотвѣтствія между тратою и накопленіемъ), получаетъ тѣмъ большее значеніе, что сопровождается другимъ нарушеніемъ того же закона, нарушеніемъ, менѣе замѣтнымъ, но болѣе глубокимъ, чреватымъ, болѣе важными послѣдствіями. Мы говоримъ о нарушеніи прямого отношенія въ тратѣ энергіи и вещества, отношенія, исходящаго изъ самыхъ основныхъ законовъ жизненнаго процесса и составляющаго самое глубокое отличіе жизни отъ міра явленій неорганическихъ. Къ разсмотрѣнію этого любопытнаго факта мы и приступимъ теперь.

Въ предъидущемъ параграфѣ мы остановились на анализѣ явленія общественнаго принужденія въ его вліяніи на принуждаемую и принуждающую сторону. Вернемся къ послѣднему явленію. Мы указали уже тогда, что, слагаясь въ особое общество принуждающая сторона, истрачивая свою энергію на принужденіе подчиненнаго населенія, получаетъ взамѣнъ того не энергію, а вещество въ формѣ матеріальныхъ богатствъ. Это мимоходомъ отмѣченное нами явленіе интересно тѣмъ, что съ перваго взгляда указываетъ намъ на совершенно новый обмѣнъ вліяній между общественнымъ тѣломъ и средою. Вмѣсто того, чтобы тратить энергію прямо пропорціонально тратѣ вещества, накоплять вещество прямо пропорціонально накопленію энергіи, наконецъ тратить то и другое прямо пропорціонально накопленію (и наоборотъ), мы видимъ преимущественную трату энергіи и преимущественное накопленіе вещества. Вся цѣпь того сложнаго подвижнаго равновѣсія, которое отличаетъ жизнь и даруетъ ей этотъ рядъ прямыхъ отношеній вмѣсто обратныхъ, господствующихъ въ неорганической природѣ, эта цѣпь порвана этимъ фактомъ, устанавливающимъ обратное отношеніе и замѣняющимъ сложное жизненное развитіе простотою неорганическаго процесса. Трата энергіи при накопленіи вещества — это и есть типическій процессъ *интеграціи*, какъ онъ установленъ работами *Герберта Спенсера*.

*

Дѣйствительно, обстоятельнѣе вдумываясь въ сущность анализируемаго общественнаго явленія, мы не можемъ не замѣтить въ немъ всѣхъ признаковъ типической интеграціи. Формула *Спенсера* «трата энергіи при накопленіи вещества» вовсе не должна быть понимаема въ томъ грубомъ смыслѣ, что въ данномъ интегрирующемся тѣлѣ, заключавшемъ напримѣръ милліонъ паровыхъ силъ движенія и милліонъ пудовъ вещества, становится скажемъ восемьсотъ тысячъ паровыхъ силъ движенія и полтора милліона пудовъ вещества. Можетъ быть и это, можетъ единовременно движеніе теряться, масса—расти, но можетъ быть и иначе. Если сохраняя тотъ же милліонъ паровыхъ силъ движенія, тѣло возросло до полутора милліоновъ пудовъ вещества, то оно не только росло, но и интегрировалось, такъ какъ отношеніе между количествомъ движенія и количествомъ вещества измѣнилось въ пользу вещества; вмѣсто одной паровой силы на одинъ пудъ, оказывается уже всего одна паровая сила на полтора пуда. Въ нашемъ примѣрѣ количество движенія могло даже возрости и вмѣсто милліона паровыхъ силъ достигнуть, положимъ, милліона двухъ сотъ тысячъ и все таки тѣло въ его цѣломъ было бы въ процессѣ интеграціи, потому что прежде на 10 пудовъ вещества было десять же паровыхъ силъ движенія, а нынѣ всего восемь. Въ подлежащемъ нашему анализу фактѣ интегрирующагося общества рабовладѣльцевъ мы видѣли, что увеличеніе вещества сопровождается уменьшеніемъ энергіи, или какъ говорятъ историки «матеріальное богатство сопровождается изнѣженностью». Но такого грубаго оказательства интегральнаго процесса можетъ и не быть и открывается его присутствіе именно на измѣненіи отношенія между количествомъ обращающагося движенія и массою сосредоточеннаго вещества, хотя бы напримѣръ послѣднее не только не возростало, но даже уменьшалось. Это мы и видимъ, если обратимъ вниманіе не на рабовладѣльцевъ, а на рабовъ. Подавленное сословіе, конечно, не богатѣетъ, а бѣднѣетъ и тѣмъ не менѣе оно, постоянно затрачивая энергію безъ возмѣщенія, постепенно интегрируется, такъ что общее отношеніе между заключеннымъ въ немъ веществомъ и движеніемъ постепенно измѣняется въ ущербъ послѣднему. «Тамъ» скопленіе матеріальной культуры въ немногихъ рукахъ совершенно нарушаетъ равновѣсіе между веществомъ и движеніемъ въ пользу перваго; «здѣсь» подавленіе индивидуальности настолько уменьшаетъ запасы энергіи, заключенной въ организмахъ, что даже, не принимая во вниманіе предметовъ матеріальной культуры, все же остающихся въ нѣкоторомъ количествѣ у самыхъ подавленныхъ классовъ (хотя бы въ предѣлахъ minimum'а потребностей), уже одного того вещества, которое скомбинировано въ тѣлахъ рабовъ, оказывается слишкомъ много, чтобы сохранить прежнее отношеніе между массою и движеніемъ. Правда, дальнѣйшее развитіе по тому же пути ведетъ уже къ уменьшенію и этой массы, частью чрезъ усиленную смертность (вымираніе), частью чрезъ ослабленіе всѣхъ организмовъ (вырожденіе). Но это

потому, что жизнь можетъ интегрироваться только до извѣстнаго предѣла, такъ какъ извѣстный minimum движенія на данную массу является conditio sine qua non.

И такъ мы можемъ теперь сказать, что принудительное координированіе выражаетъ процессъ интеграціи и представляетъ собою отмѣну основного закона жизни, закона прямой соотносительности въ тратѣ и накопленіи вещества и энергіи. Поэтому, являясь въ извѣстныхъ предѣлахъ неизбѣжною необходимостью (по крайней мѣрѣ во всѣхъ современныхъ обществахъ) и возникая первоначально изъ этой необходимости, такое координированіе представляется явленіемъ, стремящимся отклонить общественное развитіе къ патологическому типу неорганическаго процесса интеграціи. Въ статьѣ «Интеграція и дисинтеграція въ исторіи» («Сѣв. Вѣстникъ», 1886 г., № 6) я указалъ, между прочимъ, что и въ индивидуальной жизни явленія патологическія, быть можетъ, зависятъ отъ подобныхъ же отклоненій развитія въ сторону типической интеграціи или дисинтеграціи. «Не невозможно, что съ философской точки зрѣнія всѣ болѣзни могли бы быть сведены къ этой одной причинѣ». Въ той же статьѣ я развилъ нѣкоторыя идеи, которыя получаютъ все свое значеніе лишь въ свѣтѣ установленныхъ здѣсь воззрѣній и которыя поэтому считаю не лишнимъ здѣсь повторить вкратцѣ:

«Что такое рабская организація труда съ экономической точки зрѣнія?» ставилъ я тогда вопросъ: Это координированіе трудовыхъ единицъ въ очень прочную, несвободную систему, строго тяготѣющую къ рабовладѣльческому центру и направляющую свою производительность лишь въ силу и въ мѣру импульса, оттуда исходящаго. Ясно, что это именно такое координированіе жизни, которое лишаетъ ее движенія (энергіи); это накопленіе вещества при тратѣ энергіи, т. е. мы стоимъ на пути типической интеграціи. Экономическая интеграція, нарушая прямую соотносительность координированія вещества и энергіи, выдвигая неорганическій законъ обратной соотносительности и давая, согласно этому, перевѣсъ накопленію вещества цѣною утраты энергіи, ведетъ къ уменьшенію экономической производительности, которая и выражаетъ собою успѣхи прямо соотносительнаго координированія, а не обратнаго. Точно такъ же интеграціей въ самомъ точномъ смыслѣ слова будетъ преобладаніе такой эволюціи, когда въ силу-ли разобщенія факторовъ производства, въ силу-ли монополіи, единицы трудовыя координируются подъ импульсомъ немногихъ монополистовъ. Движеніе и тутъ покоится на запасѣ энергіи этихъ монопольныхъ центровъ и конечно слабѣетъ сравнительно съ тѣмъ состояніемъ, когда оно основано на запасѣ энергіи всѣхъ трудовыхъ единицъ. Ясно поэтому, до какой степени важное значеніе для производительности страны можетъ имѣть распредѣленіе богатства и до какой степени—всякія крайности неравномѣрнаго распредѣленія, представляя изъ себя случай интеграціи, ведутъ къ анормальному развитію и экономическому упадку. Другія формы

жизни могутъ болѣе или менѣе успѣшно противустоять такому исходу, но несомнѣнно, что интеграція экономической жизни, предоставленная сама себѣ, должна вести жизнь къ смерти.

Въ области жизни умственной интеграція выражается въ господствѣ авторитета, узкаго догматизма, не допускающаго ни философской критики, ни научнаго изслѣдованія. Что это опять таки не аналогія только, а прямое обозначеніе явленія присущимъ ему названіемъ, легко убѣдиться, представивъ себѣ ясно, какъ осуществляется подобный интеллектуальный строй. Исторія доставляетъ намъ немало тому примѣровъ. Изъ новѣйшихъ — Испанія Карла I и Филиппа II. Всѣ лица, разномыслящія съ единожды установленнымъ образомъ міровоззрѣнія, насильственно устраняются и истребляются; самое мышленіе вытравливается, средства къ нему уничтожаются. Въ результатѣ, съ одной стороны всеобщее подчиненіе авторитету извѣстнаго умственнаго центра т. е. полнѣйшее (принудительное) координированіе и сосредоточеніе, а съ другой стороны доведеніе до minimum'а процесса умственнаго творчества, ослабленіе самой способности мыслить, утрата энергіи въ самомъ прямомъ и буквальномъ смыслѣ слова, словомъ типическая интеграція. Это насильственное господство догмата можетъ быть сравниваемо съ насильственнымъ господствомъ экономическаго руководительства (рабская организація), но какъ въ экономической области, такъ и здѣсь интеграція можетъ развиваться не изъ одного грубаго насилія. Господство авторитета и подавленіе свободной мысли являются въ исторіи въ очень различныхъ обстановкахъ.

Переходимъ теперь къ *сферѣ политической*. Сказанное объ экономической и интеллектуальной интеграціи достаточно подготовляетъ насъ къ пониманію и сущности интегральнаго процесса, когда онъ проявляется въ политической жизни. И здѣсь перераз-витіе авторитета и пониженіе народной самодѣятельности представляютъ формы интеграціи. Сила экономическаго авторитета выражается въ институтахъ рабства, монополій и разобщенія факторовъ производства; господство интеллектуальнаго авторитета проявляется насильственнымъ навязываніемъ догмата, прочною традиціею вѣроученія, невѣжествомъ массы: политическій авторитетъ находитъ себѣ воплощеніе въ деспотизмѣ, административной централизаціи, бюрократической опекѣ; во всѣхъ этихъ случаяхъ народная самодѣятельность (проявленіе энергіи), экономическая, умственная и политическая понижена и общество находится въ процессѣ интеграціи. Всякая интеграція общественная начинается съ того, что нѣкоторыя части общества лишаются самодѣятельности въ тѣхъ или другихъ сферахъ общественной жизни. За нихъ ихъ дѣйствія координируются другими; они лишаются части своего движенія, оно не возобновляется въ круговоротѣ жизни и постепенно атрофируется. Развитіе интеграціи заключается какъ въ этомъ процессѣ окончательной атрофіи части энергіи этого класса общества, такъ и въ распространеніи процесса

на другіе классы. Исторія много разъ доказала, что когда возникло рабство, сословіе свободныхъ земледѣльцевъ не можетъ долго сохраниться: или рабство, или свободное крестьянство должно исчезнуть. Точно такъ же когда возникла фабрика, не долго можетъ удержаться кустарь. Или полнота экономической жизни, или интеграція — совмѣщенія быть не можетъ, но можетъ быть болѣе или менѣе продолжительная борьба двухъ теченій. Точно тоже въ сферѣ умственной жизни, гдѣ подавленіе умственной жизни массы недолго можетъ ужиться съ полнотою умственной жизни меньшинства; это противорѣчіе должно разрѣшиться или освобожденіемъ мысли вообще, или же подавленіемъ ея и въ предѣлахъ меньшинства. То же и въ политической сферѣ.

Такимъ образомъ, процессъ интеграціи, преуспѣвая и качественно и количественно, все съуживаетъ координирующіе элементы. Общество въ массѣ теряетъ эту способность (самодѣятельность), а гангрена интегрированія все расширяетъ свои предѣлы, покуда не съѣстъ всего цѣлаго. Эта схема интегральнаго процесса, хотя и можетъ найти типическіе примѣры въ исторіи (напр. Спарта, Венеція, даже Турція), но конечно исторія чаще знаетъ случаи, гдѣ интеграція не могла кончить своего дѣла или потому, что общество разсыпалось въ дисинтегральномъ процессѣ, или же вслѣдствіе того, что нормальные жизненные процессы не допускали широкаго распространенія интегральныхъ явленій. Историческая жизнь есть во всякомъ случаѣ и прежде всего жизнь, а потому она протестуетъ противъ интеграціи, какъ противъ смерти, и какъ ни широки и ни могущественны въ исторіи интегральные процессы, они не успѣли доселѣ своротить исторію, разсматриваемую въ ея цѣломъ, съ пути развитія жизни, хотя не однажды и приводили ее къ омертвѣнію и замиранію.

IX.

Когда въ обществѣ уменьшается общее количество обращающейся въ немъ энергіи и отношеніе этой энергіи къ количеству сосредоточеннаго въ обществѣ вещества становится менѣе благопріятнымъ для энергіи, тогда мы имѣемъ случай общественной интеграціи, нарушающей нормальность жизненнаго процесса и представляющей явленіе патологическое и опасное, порою смертельное. Когда же наоборотъ въ обществѣ уменьшается количество заключеннаго въ немъ вещества и совершается это вслѣдствіе дѣятельности накопленной самимъ обществомъ энергіи (потому что уменьшеніе вещества можетъ быть послѣдствіемъ и внѣшняго насилія), то такой случай мы должны назвать *общественною дисинтеграціей* и должны признать ее точно также явленіемъ патологическимъ и опаснымъ, порою даже смертельнымъ. Но наблюдаются-ли подобные случаи въ дѣйствительности? Знаетъ-ли исторія, наравнѣ съ интегральными, и дисинтегральные общественные процессы?

Если безвозвратная потеря энергіи служитъ основою и симптомомъ интеграціи, то такою основою и такимъ симптомомъ дисинтеграціи должна быть безвозвратная трата вещества. Яркимъ примѣромъ такой траты служатъ напр. пожары, грабежи, воровство, непроизводительныя растраты богатствъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ тратится вещество на счетъ энергіи, которая новаго вещества въ составъ общества не вводитъ взамѣнъ потребленнаго. Когда производитель создаетъ цѣнность и затѣмъ потребляетъ цѣнность, онъ даетъ культурѣ вещество и беретъ его у нея. Когда воръ крадетъ цѣнность и затѣмъ потребляетъ, онъ никакого вещества не даетъ культурѣ, но только беретъ. И въ первомъ и во второмъ случаѣ проявлена энергія (быть можетъ совершенно равная, если бы ее измѣряли пудофутами) и общество обнаруживаетъ одинаковое богатство энергіей, но въ первомъ случаѣ эта энергія сопровождается сохраненіемъ или увеличеніемъ даже сосредоточеннаго вещества, а во второмъ случаѣ—его уменьшеніемъ. Поджигатели, грабители, воры, моты въ общемъ представляютъ въ тканяхъ своихъ организмовъ громадные запасы энергіи, но на счетъ этихъ запасовъ постоянно уменьшается количество вещества, заключеннаго въ данномъ общежитіи. Ясно, что вся эта категорія явленій, именуемыхъ преступными или безнравственными, и составляетъ процессъ общественной дисинтеграціи. Вся эта дѣятельность—индивидуально цѣлесообразна, ведя къ удовлетворенію индивидуальныхъ потребностей такъ же, какъ и дѣятельность производительная, но вся она, вмѣстѣ съ тѣмъ, общественно-нецѣлесообразна, представляетъ категорію, выше нами охарактеризованную, какъ некоординированная самодѣятельность. Такимъ образомъ, если принудительное координированіе есть общественная интеграція, а некоординированная самодѣятельность есть дисинтеграція, то единственно дѣятельность, основанная на нравственномъ началѣ, представляетъ собою случай нормальнаго общественнаго процесса, совершающагося по основнымъ законамъ жизни, на основахъ закона прямой соотносительности накопленія и траты вещества и энергіи. Координированная самодѣятельность или самодѣятельное координированіе (назовите такъ или иначе) и есть такая нормальная общественная дѣятельность, такой здоровый общественный процессъ, равно далекій отъ болѣзней интеграціи и дисинтеграціи.

Не только *преступленія* въ тѣсномъ смыслѣ, но вообще *пороки* представляютъ собою явленія общественной дисинтеграціи. Возьмемъ, напр., *развратъ*. Онъ служитъ для порочнаго удовлетворенія половой потребности. Нормальное удовлетвореніе этой потребности ведетъ къ размноженію и трата энергіи и вещество здѣсь возстановляются въ процессѣ рождаемости. Развратное удовлетвореніе, какъ извѣстно, безплодно; оно останавливаетъ размноженіе и, при значительномъ развитіи, можетъ повести даже къ уменьшенію населенія. Оно ведетъ къ тому же, будучи, съ другой стороны, могущественною причиною болѣзненности и усиленной смерт-

ности. Проституція отличается не только безплодіемъ, но и болѣзнями и громадною смертностью. Безплодіе, вырожденіе, болѣзни, смертность,—таковы плоды разврата. О *мотовствѣ* я уже упомянулъ выше. Это тоже не преступленіе, а только порокъ и тоже являетъ собою примѣръ уничтоженія вещества, сосредоточеннаго въ обществѣ, безъ всякаго возмѣщенія. Говоря *о пьянствѣ*, *кутежахъ*, *картежной игрѣ* и т. д. придется повторить то же, что сказано нами о развратѣ или мотовствѣ. *Взяточничество* и вообще подкупность правительственныхъ агентовъ является тоже выраженіемъ дисинтеграціи, такъ какъ представляется просто соучастіемъ въ воровствѣ, грабежѣ, во всякомъ словомъ преступленіи, т. е. дисинтегральномъ явленіи, караемомъ закономъ. *Неисполненіе представителями власти своихъ обязанностей* является тоже факторомъ, содѣйствующимъ игрѣ дисинтегральныхъ процессовъ, и, стало быть, въ качествѣ такого содѣйствующаго фактора, и само входитъ въ ихъ число.

Слѣдующею затѣмъ категоріей явленій общественной дисинтеграціи представляются политическія движенія, направленныя прямо къ разрушенію общества. Таковы всѣ движенія, вызываемыя честолюбіемъ и властолюбіемъ вождей; таковы всѣ движенія, исходящія изъ личныхъ интересовъ руководителей, напр. династическія (если только съ династіями не связанъ тотъ или иной принципъ, та или иная общественная организація); таковы всякіе неосмысленные взрывы угнетенной массы, знающей причину возстанія, но не знающей его цѣлей; таковы военные мятежи, разные coups d'état преторіанцевъ и проч. проч.

Преступленія, пороки, политическія движенія безъ опредѣленной общественной программы,—таковы разнообразные факты, въ коихъ выражается общественная дисинтеграція. Но какъ рядомъ съ типическими интегральными процессами (рабство, религіозная нетерпимость, деспотизмъ) нельзя было обойти и другія явленія, въ которыхъ общественная интеграція сказывается не столь рѣзко, но тѣмъ не менѣе вполнѣ реально, какъ въ монополіяхъ, умственной опекѣ, такъ точно и десинтегральный процессъ можно открыть и въ другихъ явленіяхъ, которыя нельзя, однако, поставить въ одинъ рядъ съ вышеперечисленными. Въ вышецитированной статьѣ «Интеграція и дисинтеграція въ исторіи» я сгруппировалъ нѣкоторыя явленія подобнаго значенія. Привожу эту группировку: Бываютъ случаи, что общество сложилось изъ нѣсколькихъ, ранѣе того самостоятельныхъ. Въ этюдѣ «Международная экономическая борьба» я остановился подробнѣе на этомъ фактѣ съ другой точки зрѣнія. Такъ я разсматривалъ вліяніе этого факта на организацію общества и его культуру. Теперь мы остановимся лишь на томъ обстоятельствѣ, что пережиткомъ прежней раздѣльности обществъ является стремленіе нѣкоторой части общества къ расторженію союза. Не говоря о случаѣ насильственнаго присоединенія (завоеванія), даже добровольное соединеніе (какъ мелкихъ государствъ Германіи съ Пруссіей, какъ

разныхъ частей Испаніи и Италіи и пр.) всегда сохраняетъ въ болѣе или менѣе значительной части населенія чувство отчужденности, то чувство, которое принято называть *партикуляризмомъ*. Движенія, исходящія изъ этого чувства и изъ этихъ традицій, являясь пережиткомъ времени, когда даннаго общества въ данномъ видѣ не существовало, представляются, если и не прямо антиобщественными, то во всякомъ случаѣ враждебными данному обществу и притомъ не той или другой его сторонѣ, не той или иной его формѣ, а ему самому въ его совокупности. Подъ вліяніемъ интегральныхъ процессовъ если бы они возобладали въ общемъ отечествѣ, они могутъ стать въ высшей степени интенсивными; партикуляризмъ можетъ вырости въ сепаратизмъ, можетъ заразить болѣе или менѣе значительныя группы населенія, можетъ породить движенія, влекущія разложеніе и разрушеніе даннаго общежитія. Партикуляризмъ насильственно присоединенныхъ областей тѣмъ легче принимаетъ такой характеръ. Конечно, движенія партикуляристскія и сепаратистскія могутъ быть связаны съ опредѣленною общественною программою и тогда они, какъ и династическія движенія, если сочетаются съ той или иною программою, получаютъ значеніе въ зависимости отъ значенія программы, но я говорю не объ этихъ случаяхъ сочетанія, а о случаѣ простого партикуляризма. Такія движенія, хотя и имѣютъ опредѣленную цѣль и хотя исходятъ не изъ личныхъ интересовъ, все-таки ничего не создаютъ, а только разрушаютъ и притомъ особенно тогда, когда находятся въ стадіи стремленія (а не достиженія), потому что представляютъ трату энергіи (и со стороны партикуляристовъ, и со стороны уніонистовъ), не овеществляющейся въ общественныхъ явленіяхъ, не творящей культуры, не возвращающей обществу вещества взамѣнъ истраченной на выработку энергіи. Такимъ образомъ, пережитки и традиціи общественныхъ организацій, предшествовавшихъ данной, могутъ быть исходнымъ пунктомъ для дисинтегральныхъ явленій въ исторіи.

Другіе случаи относительной дисинтеграціи мы можемъ наблюдать въ нѣкоторыхъ сектантскихъ движеніяхъ. Если сектантское движеніе возникло во имя свободнаго изслѣдованія и критики, то оно конечно не представляетъ явленія дисинтеграціи, но если вся сущность движенія заключается въ замѣнѣ одного авторитета другимъ, то, смотря по обстоятельствамъ, оно можетъ пріобрѣсти значеніе дисинтеграціи. Правда, и такое движеніе иногда бываетъ связано съ опредѣленною общественною программою совершенно нерелигіознаго значенія. Нерѣдки случаи въ исторіи, когда подъ покровомъ религіознаго авторитета движеніе стремилось къ осуществленію тѣхъ или иныхъ общественныхъ идеаловъ. Такимъ движеніемъ надо признать напр. возстаніе Бабидовъ въ Персіи въ первой половинѣ XIX в., гдѣ религіознымъ авторитетомъ секта думала освятить попытку радикальной общественной реформы. Аравійскіе Вэхабиты тоже должны быть зачислены въ эту категорію,

также какъ и многія христіанскія секты (гернгутеры, менониты, и т. д.). Все это, конечно, не входитъ въ категорію явленій общественнной дисинтеграціи. Они могутъ быть и вредны и полезны, но уже по существу своего ученія, а не потому, что выражаютъ собою процессъ дисинтеграціи. Но могутъ быть случаи, когда движеніе, поднятое во имя авторитета, лишено всякаго отличительнаго общественнаго идеала, который могъ бы быть противупоставленъ строю, противъ котораго однако движеніе направлено. Таковы напр. многія старообрядческія секты; таковъ теперь протестантизмъ вообще; не больше значенія въ настоящее время имѣютъ различія между шіитами и суннитами. Всѣ такія движенія стремятся оставить старую систему общественнаго координированія умственной жизни, но лишь къ другому центру. Игра этихъ процессовъ приводитъ къ тому, что умственное движеніе координируется не къ одному, а ко многимъ центрамъ (не становясь отъ того болѣе продуктивнымъ). Это, хотя и увеличиваетъ движеніе въ обществѣ, но на счетъ его солидарности. Общественныя связи слабѣютъ и общество переживаетъ состояніе, которое можетъ повести къ его расчлененію и разрушенію. Провинціальный партикуляризмъ и основанное на авторитетѣ сектантство, какъ явленія общественной дисинтеграціи, находятъ себѣ, какъ мы видѣли, параллелизмъ въ династическихъ междоусобіяхъ, военныхъ мятежахъ и т. под. Всѣ эти политическія движенія имѣютъ ту общую отличительную особенность, что развиваютъ движеніе въ обществѣ на счетъ его солидарности, цѣльности и прочности. Всѣ они представляютъ явленія траты вещества (богатства и людей) и умаленія общественной солидарности (скрѣпленія) при развитіи энергіи (частью отъ упражненія) и, вмѣстѣ съ явленіями преступности и порочности, представляютъ обширный классъ явленій общественной дисинтеграціи.

X.

Принудительное координированіе, какъ явленіе общественной интеграціи (трата общественнымъ тѣломъ энергіи не пропорціонально или даже обратно-пропорціонально тратѣ вещества), и некоординированная самодѣятельность (развитіе движенія при потерѣ вещества) являются контрастомъ въ общественномъ процессѣ, вѣчными врагами, какъ бы призванными взаимно уничтожать другъ друга, но этотъ контрастъ и эта вѣчная вражда теряются передъ тѣмъ фактомъ первостепеннаго значенія, что обѣ категоріи явленій представляются въ одинаковой степени нарушеніемъ единственно нормальнаго закона жизни, заключающагося въ параллельномъ и прямо пропорціональномъ накопленіи энергіи и вещества, параллельной и прямо-пропорціональной ихъ тратѣ, параллельномъ и прямо-пропорціональномъ накопленіи и тратѣ. Это общее ихъ свойство ведетъ и къ другому тоже общему имъ обоимъ факту, къ тому, что въ нихъ выражается патологическое состояніе обще-

ства, которое находится въ серьезной опасности и въ томъ случаѣ, когда возобладаютъ въ немъ процессы общественной интеграціи (рабство, деспотизмъ, нетерпимость, монополіи, привиллегіи, и т. д.), и тогда, когда получаютъ широкое развитіе явленія общественной дисинтеграціи (преступленія, пороки, мятежи, партикуляризмъ, нетерпимое сектантство, неосмысленные взрывы массы и т. д.). Наконецъ, и что достойно особаго вниманія, эти общія свойства общественной интеграціи и дисинтеграціи завершаются тѣмъ фактомъ, что обѣ категоріи явленій тѣсно связаны и взаимно обусловливаютъ и порождаютъ другъ друга. На этихъ интересныхъ соотношеніяхъ мы и остановимся теперь.

Никакое общество не могло бы существовать, если бы въ его предѣлахъ убійство, грабежъ, воровство, всяческое насиліе и всяческая обида совершались безпрепятственно. Естественно, если противъ этой некоординированной самодѣятельности индивидовъ выступаетъ общество съ принудительнымъ координированіемъ. Равнымъ образомъ, мятежи, фанатическое сектантство (само обыкновенно стремящееся къ насилію) и проч. естественно вызываютъ со стороны общества подавленіе, т. е. принудительное координированіе. Очевидно вполнѣ, что некоординированная самодѣятельность является одною изъ причинъ, питающихъ и порождающихъ принудительное координированіе. Съ другой стороны, столь же несомнѣнно и очевидно, что всякое принужденіе вызываетъ сопротивленіе и въ томъ случаѣ, когда это сопротивленіе не можетъ преодолѣть принужденія, влечетъ къ попыткамъ обойти его разными преступленіями. Такимъ образомъ, самаго поверхностнаго взгляда на соотношенія между этими двумя категоріями явленій достаточно, чтобы усмотрѣть между ними тѣсную зависимость и убѣдиться, что некоординированная самодѣятельность вызываетъ принудительное координированіе и наоборотъ. Зависимость эта, однако, еще глубже и всестороннѣе, чѣмъ то видно изъ этихъ соображеній.

Выше, въ шестомъ параграфѣ этой главы я уже указалъ на то явленіе, что далеко не всякое выдѣленіе энергіи индивидуальными организмами составляетъ общественное выдѣленіе. Все то выдѣленіе, которое овеществляется въ культурѣ или въ тканяхъ другихъ организмовъ, входящихъ въ общежитіе, не составляетъ выдѣленія этого общежитія. Все это выдѣленіе представляетъ внутреннее движеніе, обмѣниваемое между индивидами и разными составными элементами культуры. Оно и составляетъ то количество движенія, которымъ обладаетъ то или иное общество. Все же движеніе, выдѣляемое организмами и не входящее въ этотъ обмѣнъ, составляетъ и общественное выдѣленіе, трату всего общества въ его цѣломъ. Тогда же мы указали рядъ такихъ тратъ и, если исключить всю индивидуально-нецѣлесообразную трату, то изъ указанныхъ нами въ шестомъ параграфѣ разныхъ разрядовъ такого движенія останется два: трата на внѣшнія предпріятія и некоординированная самодѣятельность (дисинтегральные процессы).

Такимъ образомъ, если некоординированная самодѣятельность вообще есть трата вещества не пропорціональная, иногда даже обратно-пропорціональная тратѣ движенія, то это лишь въ примѣненіи къ каждому отдѣльному общественному случаю. Разсматриваемое же въ его совокупности, оно является систематическою растратою энергіи обществомъ. Пояснимъ нашу мысль.

Почему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ некоординированная самодѣятельность является преимущественною тратою вещества, т. е. явленіемъ дисинтеграціи? Возьмемъ кражу. Когда воръ, вмѣсто того, чтобы произвести трудомъ необходимое для него вещество (пищу, одежду и т. д.), добываетъ его путемъ кражи, что онъ дѣлаетъ? Онъ потребляетъ его такъ же, какъ потребилъ бы, если бы произвелъ трудомъ. Онъ уменьшаетъ обращающееся въ обществѣ вещество; на счетъ этого вещества онъ возстановляетъ въ своихъ тканяхъ энергію, истраченную на кражу такъ же полно, какъ возстановилъ бы энергію, истраченную на производство. Въ данномъ частномъ случаѣ произошла трата вещества при сохраненіи (или даже накопленіи) энергіи и мы имѣли полное право назвать это явленіе дисинтегральнымъ. Но таково его теченіе, не таковы послѣдствія, если разсматривать его въ совокупности съ другими подобными же. Воры, грабители, поджигатели, растратчики, взяточники, укрыватели и такъ далѣе, составляютъ обширную категорію индивидовъ, которой ея преступныя дѣянія дозволяютъ существовать на счетъ вещества, приспособляемаго для потребностей общества другими, на счетъ труда и производства другихъ. На все количество вещества, потребленнаго этими представителями общественной дисинтеграціи, уменьшается потребленіе производительныхъ классовъ, уменьшается и запасъ энергіи, представляемый этими классами. Но только эта энергія и входитъ въ круговоротъ общественной активности; она, слѣдовательно, уменьшается. Такимъ образомъ, развитіе явленій общественной дисинтеграціи имѣетъ своимъ послѣдствіемъ трату общественнаго движенія, т. е. общественную интеграцію. Съ другой стороны, уже выше въ параграфѣ седьмомъ мы обстоятельно остановились на выясненіи того факта, какъ принудительное координированіе, если выходитъ изъ предѣловъ необходимости и получаетъ господство, неизбѣжно влечетъ къ деградаціи и деморализаціи. Деградація, сопровождающаяся усиленною смертностью и пониженіемъ культуры, являетъ собою примѣръ явнаго уменьшенія вещества (дисинтеграція). Деморализація, сокращая сферу координированной самодѣятельности, тѣмъ самымъ направляетъ сохранившіеся запасы энергіи на некоординированную самодѣятельность (дисинтеграцію). Словомъ, не обинуясь можно сказать, что явленія общественной интеграціи влекутъ за собою явленія общественной дисинтеграціи и наоборотъ общественная дисинтеграція приводитъ къ общественной интеграціи. Этимъ фактомъ устанавливается тотъ порочный кругъ историческаго развитія, который слишкомъ часто повторялся во всемірной исторіи и потому послужилъ даже осно-

ваніемъ для созданія теоріи неизбѣжной естественной смерти обществъ, теоріи историческихъ цикловъ. Такіе циклы дѣйствительно имѣютъ мѣсто, но не какъ необходимыя послѣдствія законовъ общественной жизни, а какъ послѣдствія патологическихъ явленій общественной интеграціи и общественной дисинтеграціи, находящихся въ прямомъ противорѣчіи съ законами здороваго развитія этой жизни.

Въ заключеніе этого параграфа стоитъ отмѣтить еще одну особенность: въ неорганической природѣ физическая интеграція не влечетъ за собою дисинтеграціи, ни наоборотъ; между тѣмъ въ общественной жизни общественная интеграція влечетъ общественную дисинтеграцію и наоборотъ. Это различіе весьма важно и знаменательно, находясь въ прямой зависимости отъ законовъ активности, которая обязываетъ жизнь реагировать на всяческія вліянія. Болѣзненное явленіе общественной интеграціи является, такимъ образомъ, необходимою реакціей болѣзненному явленію дисинтеграціи и наоборотъ. Внутреннія отношенія, обязывающія именно къ такой, а не иной реакціи станутъ понятны, если читатель вспомнитъ, что мы выше говорили объ индивидуальности, о ея значеніи въ жизни общественной и о тѣхъ кризисахъ, которые она переживаетъ подъ вліяніемъ интеграціи или въ которыхъ она выражается при развитіи дисинтеграціи.

XI.

Общественная интеграція, принудительное координированіе, переразвитіе культурности на счетъ индивидуальности — это все различныя названія одной и той же обширной категоріи общественныхъ явленій, подвергнутыхъ нами разбору въ этомъ этюдѣ. Изслѣдуя эти явленія подъ этими различными названіями, мы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ освѣщали ихъ съ новой стороны, раскрывали новыя важныя соотношенія. То же самое слѣдуетъ сказать и о соотносительныхъ явленіяхъ, изслѣдованныхъ нами подъ названіями: общественной дисинтеграціи, некоординированной самодѣятельности, переразвитія индивидуальности въ ущербъ культурѣ (индивидуализмъ). Третьей группою общественныхъ явленій, которую мы выдѣлили въ особую категорію, противупоставляемую обѣимъ первымъ, представляются явленія *самодѣятельнаго координированія*. Они же, вмѣстѣ съ тѣмъ, явленія равновѣсія между тратою на индивидуальное и на культурное развитіе. Они же, наконецъ, явленія, совершающіяся согласно основному закону активной жизни, закону прямо-пропорціональнаго накопленія и траты вещества и движенія, закону, одинаково отмѣняющему процессъ типической интеграціи и типической дисинтеграціи. Это явленія, опирающіяся на нравственное начало, составляющія или категорію явленій морали, или же группы явленій экономическихъ, политическихъ и интеллектуальныхъ, но строго согласо-

ванныхъ съ началами морали, тѣсно сочетавшихся съ этими послѣдними.

Что такое нравственность? На этотъ вопросъ мнѣ случалось уже отвѣчать съ необходимою обстоятельностью («Борьба за существованіе и нравственность», *Знаніе*, 1873, № 3). Это «постоянный законъ съ текучимъ содержаніемъ», отвѣтилъ я тогда, подразумѣвая подъ текучестью содержанія измѣнчивость догматики морали, развитіе кодекса нравственныхъ предписаній. Но въ чемъ же постоянство закона? «Въ соотвѣтствіи съ тѣми или иными началами общественности». Это значитъ, что лишь дѣятельность, соотвѣтствующая началамъ данной общественности («реальной или идеальной», прибавлялъ я тогда), можетъ почитаться нравственною дѣятельностью. Когда я теперь говорю, что нравственность есть самодѣятельность, координированная въ интересахъ общественнаго самосохраненія, то въ сущности я повторяю прежнее опредѣленіе, лишь давая ему новое развитіе. Важнымъ дополненіемъ является введеніе понятія «самодѣятельности», такъ какъ дѣятельность по принужденію, хотя бы и въ интересахъ общественнаго самосохраненія, хотя бы и соотвѣтствующая началамъ данной общественности, въ нравственномъ отношеніи или безразлична или даже прямо отрицательна. Ранѣе предложенная мною редакція опредѣленія нравственности имѣетъ, однако, то преимущество, что, устанавливая подвижность нравственнаго начала («постоянный законъ съ текучимъ содержаніемъ»), вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ предѣлы этой подвижности, болѣе ясныя и категоричныя, нежели слишкомъ широкое понятіе общественнаго самосохраненія. «Самодѣятельное координированіе въ интересахъ общественнаго самосохраненія» — дѣйствительно, какъ я уже выше замѣтилъ, охватываетъ не только моральную дѣятельность, но и всякую другую, развивающуюся въ согласіи и въ сочетаніи съ моральною. Мы выше (въ параграфѣ пятомъ этой главы) предложили нѣкоторое ограниченіе, указавъ на согласованіе индивидуальнаго и общественнаго самосохраненія, на устраненіе антагонизма индивидульнаго и общественнаго развитія. Тѣ «начала общественности», о которомъ я говорилъ въ 1873 году, и представляютъ собою, какъ тогда же мною и было указано, именно тѣ основы, на коихъ опираются отношенія личности къ обществу, личности къ другимъ личностямъ и общества къ личности. Эти основы и начала должны такъ или иначе разрѣшать вопросъ о согласованіи индивидуальнаго и общественнаго самосохраненія и объ устраненіи антагонизма между ними, потому что только подъ этимъ условіемъ личности будутъ самодѣятельно координировать свое поведеніе съ этими началами общественности, въ интересахъ самосохраненія этого общества. Итакъ, самодѣятельность въ координированіи возможна лишь при условіи осуществленія въ общественномъ строеніи нѣкотораго, болѣе или менѣе полнаго согласованія индивидуальнаго и общественнаго развитія. Это самодѣятельное координированіе можетъ выражаться въ формѣ дѣя-

тельности экономической, политической или умственной, но его проявленіе находится въ прямой зависимости отъ степени развитія нравственнаго начала въ обществѣ, отъ степени его овеществленія въ строеніи общества. Это же послѣднее, конечно, зависитъ отъ степени интенсивности его проявленія вообще.

Это одна сторона, которою всякая координированная самодѣятельность зависитъ отъ морали и моральной дѣятельности. Не менѣе значенія имѣетъ и другая сторона. Не надо забывать общаго consensus'а въ развитіи общественныхъ явленій; этотъ consensus, впервые твердо установленный *Дж. Стюартомъ Миллемъ* («Система логики», т. II, книга VI), впослѣдствіи былъ развиваемъ и дополняемъ многими другими мыслителями и представляетъ въ настоящее время одну изъ тѣхъ прекрасныхъ теоремъ, которыя уже не возбуждаютъ разногласій (хотя порою и пренебрегаются поверхностными или недобросовѣстными авторами). Въ этомъ общественномъ consensus'ѣ (т. е. законѣ общаго взаимодѣйствія и взаимозависимости всѣхъ общественныхъ явленій) насъ сегодня интересуетъ то положеніе, что всѣ совершающіяся общественныя явленія имѣютъ своею причиною не какую-либо категорію предшествовавшихъ явленій, но всѣ категоріи. Явленія экономическія напр. производятся не только экономическими, но и политическими, умственными, нравственными и пр. Такимъ образомъ, нравственная дѣятельность по необходимости отражается и на экономической, и на политической, и на умственной, и на нравственной. Это простая дедукція изъ теоремы о consensus'ѣ, но важно къ этому прибавить то обстоятельство, что однимъ явленіямъ нравственная дѣятельность содѣйствуетъ, другимъ противодѣйствуетъ. Можно сказать не обинуясь, что вообще нравственная дѣятельность противудѣйствуетъ, и некоординированной самодѣятельности, и принудительному координированію. Поэтому, всѣ экономическія, политическія и умственныя явленія, входящія въ одну изъ этихъ категорій, находятъ противодѣйствіе въ нравственной дѣятельности или, по крайней мѣрѣ, не находятъ поддержки. Нравственная дѣятельность, напротивъ того, содѣйствуетъ самодѣятельно-координированному развитію, экономическому, политическому и умственному. Указывая здѣсь на это важное взаимодѣйствіе, я предоставляю себѣ обстоятельнѣе развить его въ слѣдующей главѣ.

Такимъ образомъ, ясно, что всякое самодѣятельное координированіе въ интересахъ общественнаго самосохраненія имѣетъ, въ числѣ причинъ своихъ, нравственную дѣятельность. Ясно и то, что эта дѣятельность имѣетъ въ основѣ своей равновѣсіе между индивидуальнымъ и культурнымъ развитіемъ. Но правда-ли, что всякое самодѣятельное координированіе, необходимо основанное на такомъ равновѣсіи (ибо индивидъ самодѣятельно будетъ координироваться лишь на этомъ условіи), вмѣстѣ съ тѣмъ всегда является выраженіемъ закона прямо-соотносительнаго накопленія и траты вещества и движенія? Въ первой главѣ настоящаго этюда

мы доказали, что этотъ законъ активной жизни вполнѣ примѣнимъ и къ активной общественной жизни, если ее разсматривать въ ея совокупности, не расчленяя на отдѣльные процессы. Въ настоящей главѣ мы сдѣлали это расчлененіе и сгруппировали всѣ проявленія активности въ три группы: некоординированной самодѣятельности, принудительнаго координированія и самодѣятельнаго координированія. Далѣе, мы показали, что некоординированная самодѣятельность, разсматриваемая съ точки зрѣнія общества, представляетъ процессы, явно нарушающіе этотъ законъ и выражающіе собою явленіе типической дисинтеграціи. Съ другой стороны, принудительное координированіе тоже нарушаетъ этотъ законъ и является типическою интеграціей. Но если за всѣмъ тѣмъ въ обществѣ (здоровомъ и развивающемся) все-таки въ общемъ преобладаютъ процессы, соотвѣтствующіе требованіямъ закона, то не ясно-ли, что этими процессами могутъ быть только явленія самодѣятельнаго координированія?

Кромѣ того, въ первой главѣ было указано, что нормальное развитіе (соотвѣтственное закону прямой соотносительности) должно быть цѣлесообразнымъ, а общественная цѣлесообразность заключается въ равновѣсіи между индивидуальнымъ и культурнымъ развитіемъ. Мы видѣли, что такое равновѣсіе могутъ дать обществу лишь явленія самодѣятельнаго координированія, которыя одни только и могутъ, слѣдовательно, развиваться на основаніяхъ упомянутаго закона.

Наконецъ, въ настоящей главѣ мы показали, что общественное развитіе вообще совершается лишь на счетъ той энергіи, выдѣляемой организмами, которая обращается въ индивидуально-культурномъ обмѣнѣ и представляетъ собою внутреннее, какъ бы молекулярное движеніе общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы видѣли, что некоординированная самодѣятельность такъ же, какъ и принудительное координированіе не представляютъ собою такихъ общественно-сохраняемыхъ выдѣленій [1]). Только самодѣятельное координированіе вполнѣ и цѣликомъ обращается въ качествѣ такого движенія и составляетъ элементъ развитія; только оно, стало быть, согласуется съ законами развитія.

Эти дедукціи изъ прежде установленныхъ теоремъ приводятъ насъ къ заключенію, что самодѣятельное координированіе и есть та категорія общественныхъ явленій, которыя представляютъ накопленіе энергіи, прямо-пропорціональное накопленію вещества, а равно трату энергіи, прямо-пропорціональную тратѣ вещества. Къ этому же насъ приводитъ и непосредственный анализъ явленій. Кто не знаетъ напр., что свободный самостоятельный трудъ производительнѣе несамостоятельнаго труда (не говоря уже о прямо несвободномъ)? Объ этомъ написано столько умныхъ книжекъ. Кто не знаетъ также, что самоуправленіе благотворно. Полезнымъ

[1]) Эти выдѣленія или вовсе не воспроизводятся въ обществѣ, или воспроизводятся не вполнѣ, что въ послѣднемъ счетѣ сводится къ тому же.

же и дарующимъ развитіе признается самостоятельный трудъ, самоуправленіе свободная критика и свободное творчество. Все это старыя истины, но, во-первыхъ, хорошія истины, которыя всегда хорошо напомнить, а во-вторыхъ, истины, которыя, открытыя въ области разныхъ частныхъ общественныхъ наукъ, оказываются въ совершенномъ согласіи съ положеніями, выводимыми изъ основныхъ законовъ жизни и развитія.

И такъ, нравственное начало въ обществѣ это есть тотъ источникъ, который питаетъ самодѣятельное координированіе, который стремится установить равновѣсіе между индивидуальнымъ и культурнымъ развитіемъ и который направляетъ жизнь общественную въ согласіи съ закономъ прямой соотносительности, отклоняя ее отъ равно пагубныхъ путей общественной дисинтеграціи и общественной интеграціи. Сопоставляя этотъ выводъ съ первыми параграфами этой главы, намъ ясно представится та роль, которую играетъ активность, какъ орудіе борьбы за существованіе. Овеществляясь въ индивидуальности и въ культурѣ (матеріальной и духовной), активность и доставляетъ жизни эти два орудія борьбы. Индивидуальность, какъ цѣль и орудіе, съ одной стороны, культура [1]) съ другой представляютъ собою какъ бы сросшихся близнецовъ, наносящихъ взаимно удары, хотя живущихъ на счетъ той же активности, страдающей отъ этихъ ударовъ. Общественная борьба, ведомая во имя индивидуальности и во имя культуры, при помощи индивидуальности и при помощи культуры, склоняется порою въ ту, порою въ другую сторону, но въ обоихъ случаяхъ способна создать лишь патологическія общественныя явленія. Ни побѣда индивидуальности надъ культурою не упрочиваетъ развитія индивидуальности, ни побѣда культуры не гарантируетъ ея процвѣтанія. Упадокъ культуры (дисинтеграція) влечетъ неизбѣжно и подавленіе личности (интеграція) такъ же, какъ подавленіе личности влечетъ и упадокъ культуры.

Третьимъ факторомъ борьбы, выступающимъ, собственно говоря, противъ самаго факта борьбы внутри общества, является нравственность, питающая самодѣятельное координированіе, стремящаяся устранить антагонизмъ личнаго и культурнаго развитія и установить законъ прямой соотносительности. Таково значеніе «нравственнаго начала въ общественной борьбѣ», понимаемое въ самомъ общемъ смыслѣ. Въ слѣдующей главѣ мы нѣсколько подробнѣе остановимся на взаимодѣйствіи морали и другихъ факторовъ общественнаго строенія, чтобы на этомъ и окончить абстрактную часть нашего этюда и перейти далѣе къ анализу историческаго развитія интересующаго насъ явленія.

С. Южаковъ.

---

[1]) Замѣчу, что авторитетъ есть элементъ культуры и всякое принудительное координированіе зависитъ отъ культурныхъ орудій борьбы: богатства, знанія, власти, вообще авторитета.